

МАЙКЛ
БОЛДУИН

РАЗОРЕНИЕ ЛАНГЕДОКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ
О ВРЕМЕНАХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

роман

Майкл Болдуин
Разорение Лангедока

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1993

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Болдуин М.

Разорение Лангедока / М. Болдуин — ООО «ГЕРМЕС БУКС»,
1993

ISBN 978-5-9524-6655-5

Действие исторической эпопеи разворачивается во времена крестового похода Симона де Монфора против еретиков Южной Франции. Главная героиня – прекрасная молодая девушка, чьи успехи в сражениях позволяют считать ее Жанной д'Арк Лангедока. Сложное переплетение реальных исторических фактов и вымысла влечет за собой развитие событий, предвидеть которое невозможно.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-9524-6655-5

© Болдуин М., 1993
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1993

Содержание

Песнь первая	7
Песнь безымянная	30
Песнь сопутствующая	36
Песнь вторая	43
Песнь третья	60
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Майкл Болдуин

Разорение Лангедока

Кристине и Тони Уикс-Пирсон

*Она была красоты венцом,
Приняв по праву, по первородству
Облик, завещанный ей отцом:
Скромность, достоинство и благородство.
Она побеждает в суровейший час.
И в мире нет выше ее красоты,
И свет любви ее не угас
К прищипу ее мечты.*

Роберт Генрисон. Из Блади Серка

*Бледный Всадник на бледном коне, Скорбный
Рыцарь
в железных доспехах, как Серафим многокрылый,
Мчится по небу в лунном сиянье.*

*Сквозь прорези в шлеме железном глаза его ищут
добычу:
мягкость и нежность гортани, сердце и чресла,
Чтоб бросить их в грязь, выпустив
пленный дух из брэнного тела.*

*Все скачет и скачет сей Всадник железный,
И удары железа о камень могил
В ночной немоте Вселенной напоминают о
брэнности жизни.*

Тед Хьюз. Гог

*О, Женица, я падаю ниц...
Ты, женица – стрела на тетиве,
И падает мальчик, стрелой пронзенный —
Образ падающей звезды...
Женица – Великая Мать
И та, кто убил его сердце.*

У.Б. Йитс. Похороны Парнеля

MICHAEL BALDWIN
**THE RAPE
OF HE**
a novel

ГЕРМЕС БУКС

Copyright © 1993 by Michael Baldwin

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Песнь первая

В которой родители молодой девушки, их служанки и мадемуазель из Кулобра подвергаются жестоким истязаниям и принимают мученическую смерть

За два дня до праздника Ля-Мадлен – нашей покровительницы святой Марии Магдалины – пришла беда и пролилась невинная кровь.

Шел одиннадцатый год правления папы Иннокентия¹ на земле и 1209 год правления Господа нашего на небесах. Стараниями одного из них денек выдался жарким.

Как и всегда в разгар лета, наша речушка Эро текла довольно лениво, но тем не менее перейти ее с навьюченным ослом было не так-то просто. Воины же в доспехах могли переправиться, выбрав один из трех путей – каменный мост, плотину или брод, – каждый из которых вел прямо к нашему крыльцу. Во всех прочих местах сделать это не позволяли крутые берега или трясина. Когда папа Иннокентий начал крестовый поход, мы рассудили, что путь крестоносцев пройдет и через наши края. Чтобы знать заранее о приближении войска, город снарядил гонцов, а лошадей им купил не кто иной, как мой батюшка.

Один из посланцев вернулся за три дня до праздника и сообщил, что чужеземцы уже добрались до Монпелье, Монтаньяка или Монмеза. Он был так поражен многочисленными диковинами, которые везло с собой войско, – шатрами, походными котлами и жеребцами в юбках, – что заикался от восторга, рассказывая о них. Его лошадь устала меньше, чем его язык, поэтому мы пришли к выводу, что скоро, через неделю-другую, еще до следующей луны, крестоносцы появятся и у нас.

Горожане собрались, чтобы обсудить, сколько следует взять с крестоносцев за то, что они воспользуются нашим мостом. В знак благорасположения порешили не брать с них ничего, тем более что, узнав от кого-нибудь о существовании брода, они все равно переправились бы за так. Батюшка согласился с этим решением. Ему совсем не хотелось, чтобы всадники, а тем более их лошади, переходили вброд речку, из которой мы пьем.

Батюшка не пошел на городское собрание – моя матушка нуждалась в его помощи. Она сказала, что мне пора уже собирать волосы в пучок и учиться сидеть на нашем мерине бочком, по-дамски, а не так, как это делают простолюдинки. Зная, что и ей не всегда по силам сломить мое упрямство, матушка справедливо полагала, что оно может обойтись гораздо дороже, чем все уготованное нам папой Иннокентием. Батюшка не стал с ней спорить, заметив, что и не собирается терять время с нами, пустомелями. А что касается крестового похода, то в нем участвуют христиане не менее добродетельные, чем и он сам, а посему у него и в мыслях нет прятать своих женщин или же везти нас в горы к матушкиным родственникам.

Не подумайте, что мой батюшка был неосторожным человеком. Просто он не хотел упустить своей выгоды, рассчитывая продать крестоносцам муки или даже зерна, – его очень обрадовало известие о походных котлах. Именно по этой причине он и не предложил матушке распорядиться, чтобы служанки сняли с кустов выстиранные вещи, в том числе и нижнее белье. Развесьте на кустах женское белье, и это наверняка приведет солдат прямо к вашему порогу.

Теперь сия истина кажется сама собой разумеющейся, но я полагаю, что тогда батюшка единственный из нас действительно это понимал.

¹ Имеется в виду Иннокентий III, в миру Лотарио деи Конти Сеньи (1161–1216 гг.), папа римский с 1198 г., инициатор IV крестового похода, в 1209 г. призвал к крестовому походу против альбигойцев – катаров и вальденсов. (Здесь и далее примеч. пер.)

Мост, который горожане оставили открытым для прохода, находился рядом с бродом, вернее, немного выше по течению. Его построили римляне, а может быть, какое-то давно вымершее племя исполинов и чародеев, умевшее передвигать скалы. Если кто-то и мог владеть мостом, то, конечно же, эльфы. Мы, по сути дела, прав на него имели не больше, чем на брод, так что разрешение проходить по мосту отнюдь не являлось щедростью с нашей стороны. На всех реках существуют броды, и испокон веков благодаря им возникают города, а мосты для этого совершенно не обязательны. Именно так появился и наш городок Сен-Тибери, хотя, по правде говоря, его и городком-то не назовешь. Совсем другое дело – плотина. Она действительно принадлежала нам, ибо батюшка соорудил ее сам, укладывая на дно Эро большие камни. Никакой не чародей, но зато мало чем отличавшийся от великана, мой батюшка был мельником и построил плотину, чтобы река работала на него. Образовавшаяся в результате запруда вечно кишела голыми мальчишками, и возня этих орущих и барахтающихся маленьких наглецов помогала воде вращать колесо нашей мельницы с утра до поздней ночи. Матушке очень не нравилось, что мальчишки не только орут как оглашенные, но и скачут нагишом у всех на виду; я же (как, кстати, и служанки) ничего не имела против.

Наша мельница стояла не на самой реке, а на крошечной лужайке неподалеку от нее. Вода, льющаяся с мельничного лотка, вращала колесо мельницы. Батюшка говорил, что мальчишеская возня ему даже на руку: благодаря ей вода перехлестывает через край плотины, и ему не приходится таскать тяжелые заслонки, открывая (или закрывая) водослив.

Он собирался построить новую мельницу у дальнего конца запруды и соорудить колесо побольше, но матушка отказалась жить там среди комарья, угрей и лягушек.

Мой батюшка был самым состоятельным человеком в Сен-Тибери и, проживи он дольше, стал бы самым богатым во всей долине Эро. Мы помалкивали об этом, чтобы родственники матушки не лишили его прав на мельницу. «Никогда не хвастайся своими успехами, – говаривал батюшка, – из-за этого окружающие начинают задавать дурацкие вопросы. У кого-то есть замки, дружины, дорогие наряды, у меня – двенадцать мешочков с золотом, считай – почти тринадцать. Мы сами себе хозяева и не нуждаемся в чужих советах».

Матушка не поддерживала разговоров на эти низменные темы. В ее жилах текла настолько благородная кровь, что при встрече с ней и самые знатные в наших краях люди останавливали лошадей, даже если матушка была одета по-домашнему. Меня они обычно звали племянницей, крестницей или кузиной, а батюшку и вовсе не замечали, покуда тот не наливал им по паре кружек вина. «К чему твердить о своей крови, – любил повторять он, – если спать приходится с мельником».

Моя матушка была восьмым ребенком в семье и седьмой дочерью, – не выйди она замуж за батюшку, ее отправили бы в монастырь. Это вовсе не шутка – двух ее сестер заставили-таки постричься в монахини. Двум другим почти так же не повезло – они умерли от скуки и безделья.

Что касается остальных теток, то старая Алазаис чокнулась, и поэтому никто, включая Господа нашего, так и не захотел назвать ее своей невестой. Даже смотритель сумасшедшего дома, открытого графом Тулузским, отказался дать ей приют.

Мой дядюшка Крепен – брат моей матушки – тоже был изрядно не в себе. Он отправился на тот свет прямо за моим дедом через неделю после того, как унаследовал титул. Неожиданно получив состояние, дядюшка запил, – видимо, с горя, – и в итоге умер от укуса змеи. Люди не так уж часто умирают от змеиных укусов, если только действие яда не усугубится действием вина. Они просто гниют себе потихонечку, пока не выздоровеют, а дядюшка Крепен к тому, что нализался, еще и укушен-то был отнюдь не один раз. Этот недоумок, отправившись по нужде в огород, не придумал ничего лучшего, чем присесть над двумя спаривающимися змеями, – вот тут-то они ему и показали... Змей обнаружили под телом дядюшки, сплетенных в последнем объятии и намертво вцепившихся в его задницу.

Поместья деда, принадлежащие матушке по праву наследства, отошли к единственной из его дочерей, вышедшей замуж за благородного происхождения человека, и вернулись к семейству Транкавелей, то есть к тому роду, которому принадлежали изначально. «Земля идет за кровью, – ворчала матушка, – а кровь – туда, куда ей хочется». Батюшка был мало склонен обсуждать эту тему, поскольку матушкина родня, как я уже упоминала, пожаловала ему права на мельницу. «Простолюдин не может владеть землей, – бывало, говорил батюшка. – Дворянин же может взять ее либо мечом, либо своей хреновиной. Вне всякого сомнения, хреновиной, – как и в случае с моей невесткой Эсменгардой, – это сделать проще и гораздо приятнее, если только впоследствии не придется перепахивать ею поля». После этих слов он обычно начинал тискать матушку, чего она терпеть не могла. «Баб Господь не наделил ни тем, ни другим. Довелось мне слышать лишь об одной-единственной: у нее и хреновина имелась, и на папском престоле она сидела»². С этими словами он целиком и полностью прощал матушке несовершенство ее естества.

Тем утром батюшка не мог ее потискать – между ними стояла пахнущая летней свежестью лошадь. Я вернусь к этому чуть позже.

– Если уж говорить о мечях, – заметила матушка, – да и обо всем остальном (она была решительно против того, чтобы я выражалась как батюшка, а тем более – среди бела дня в июле месяце), ты бы лучше не забывал, что сюда идут крестonosцы. Так что схорони-ка наше золото понадежнее, а серебро закопай в том конце огорода, который не собираешься использовать под нужник.

Я понимала, что батюшка уже как следует припрятал свое золото, и вряд ли оно могло стать военным трофеем.

– Все армии одинаковы, – проронил он в ответ, – им нужны зерно и мука. Скорее всего, они захотят произвести на нас хорошее впечатление и показать, что у короля Парижского³, пославшего их, добрые намерения, а посею наверняка будут за все платить. К сожалению, войско послано и папой Иннокентием, так что много они не заплатят.

Он походя потрепал матушку и водрузил меня на спину Нано, нашего мерина. Так и началось мое обучение дамской посадке, но Нано это совершенно не понравилось.

– Они умеют вести себя прилично, и нам тоже следует не ударить в грязь лицом. А ты, Перроннель, имей в виду, что это – северяне, и лучше держись от них подальше. Хорошими манерами, тем более если это манеры чужеземцев, лучше любоваться издалика.

Матушка всецело согласилась с ним. Единственное, чего она хотела, – это находиться как можно дальше. До полудня оставалось часа два, но день оказался слишком жарким для нее, несмотря на близость реки. Она строго-настрого приказала мне как следует зажать подол сорочки и нижние юбки между щиколотками, но я не носила таких длинных юбок – слишком уж много гусяного помета было вокруг. Матушка заставила меня усесться на мерина так, что мои ноги по-дурацки болтались с одной стороны. К этому времени мне довелось поскакать уже на полудюжине лошадей, не говоря о мулах и ослах, которых я загоняла до полусмерти, правда сидя на них исключительно по-мужски. Матушка заявила, что я уже слишком взрослая для того, чтобы ездить подобным образом. Она добавила, что дамам не пристало расставлять ноги, а тем более – верхом на лошади.

– Именно наша манера сидеть на лошади показывает миру, что мы – женщины. И к тому же – какие женщины, – добавила она. – Наши ноги – сомкнуты, подбородок – поднят, и мы не пялимся на чужие окна или других всадников. Запомни – правая нога прижата к левой, и никак иначе.

² Намек на героиню фольклора папессу Иоанну.

³ Имеется в виду французский король Филипп II Август (1165–1223 гг.)

Мама была целиком и полностью не права. Попробуйте представить себе, как устроены мужчины, что я делала довольно часто, и станет ясно: если уж кому и ездить по-дамски, так это – им. Однако мне не довелось пока встретить хоть одного, который согласился бы на подобную глупость, о чем я и заявила без обвиняков. Вот поэтому-то батюшка и находился сейчас с нами.

Вчера вечером матушка не отпустила его на городской сход, дабы он морально подготовился усаживать меня на лошадь. В этом батюшка проявил чудеса терпения. Вообще-то оно не входило в число его добродетелей, но вот с женщинами и лошадьми он был отменно терпелив. Нано очень не нравилось все происходящее, а обо мне уж и говорить нечего. Происходило же следующее: батюшка сажал меня на Нано, тот взбрыкивал, я падала на землю, после чего все начиналось сначала.

Наши упражнения привлекли внимание как маленьких мальчишек, купающихся в запруде, так и ребят постарше. Правда, у малышни и без того было о чем погалдеть, – о том, например, какого цвета пальцы у них на ногах, или о том, каких рыб они видят, – а вот старшие глаз с меня не сводили. И те и другие орали и улюлюкали, не затыкаясь ни на секунду. Это оказалось чересчур как для Нано, так и для меня. Батюшка пытался нас успокоить, а матушка разъярилась не на шутку и гневно кричала то на супруга, то на дочь. Дочь благородной дамы – то есть я – при любых обстоятельствах должна оставаться спокойной, как лужа на солнцепеке. Благородная же дама – то есть моя матушка – могла позволить себе орать как нечего делать. Мальчишки с восторгом присоединились к ней.

К непрекращающемуся гаму добавились новые звуки, которые еще больше смутили меня. Наши служанки очень хотели пойти на луг посмотреть, как я буду ездить в дамском седле. Матушка решительно отказала им, и бедняжкам не осталось ничего лучше, чем выглядывать из дверей и любоваться этим зрелищем на расстоянии. Я слышала, как язвит судомойка по прозвищу Колючка; как наша кухарка Мари-Биз обрывает ее, а сама не может удержаться от смеха; как пищит от восторга служанка Одноглазка. Кроме того, я услышала нечто такое, чего раньше никогда не слыхала: смешок матушкиной камеристки Констанс де Кулобр, у которой – из-за моей матушки, разумеется, – никогда не было ни времени, ни повода для подобных эмоций. Если уж Констанс де Кулобр, – пусть даже притаившись в уголке, – смеялась наравне со всеми, то, значит, я, валяющаяся с лошади, представляла собой такое уморительное зрелище, что заставила ее забыть как о манерах, так и о разнице в положении. Господь наш Иисус в свое время обошелся осликом, да и мать его тоже, и я очень благодарна им за то, что по крайней мере хоть мужчины-то сейчас надо мной не смеялись. В нашем доме их просто не было. Батюшка говорил, что на мельнице и одному делать нечего, а что касается домашних забот, то хозяйке приличествует командовать женщинами. Служанок у матушки – раз-два и обчелся, но галдели они не хуже, чем монашки во время сбора винограда.

Шум продолжался довольно долго. Неожиданно он прекратился, и наступившая тишина показалась какой-то неестественной, тем более что Колючка и Одноглазка все еще продолжали хихикать в отдалении, но эта парочка безмозглых дур и понятия не имела о том, как нужно себя вести.

Сперва разом умолкли мальчишки постарше, а потом – один за другим – и младшие. Когда эти сорванцы купаются, разве что удар грома может заставить их вылезти из воды, – на этот раз все они выскочили почти одновременно, и причиной был стук лошадиных копыт. Пацаны, в чем мать родила, наперегонки бросились к мосту, откуда доносился сей угрожающий звук, младшие даже не захватили своей одежды. Грохот становился все сильнее и сильнее, земля дрожала, а Нано еще больше занервничал.

Матушку стук подков не заставил бы замолчать, но к тому времени она уже сказала почти все, что собиралась. Через мост скакали. Подковы дробно выстукивали по камням, напоминая топот пляшущей на ярмарке толпы. Основная масса воинов оставалась позади – мост миновали шестьдесят или семьдесят из них; у двоих на копьях были флажки, но копьями могли

похвастать далеко не все. Один всадник держал знамя, которое не развевалось, а повисло на древке, не в силах противостоять изнуряющей жаре. Я встала на спину лошади, но ни с нее, ни тем более с луга так и не смогла разглядеть, во что одеты эти люди, – парাপет закрывал их.

Гуси не гоготали и не шипели на проезжающих, хотя это – их любимое занятие. Они ушли, возможно предчувствуя надвигающуюся беду.

– Конь – не стол, – проворчала матушка. – Так что, пожалуйста, не стой на нем. Помни, что ты – дама и должна сидеть на лошади, как на стуле.

Она имела в виду не грубо сбитые лавки на козлах, а изящные стулья на ножках. Таких стульев у матушки было несколько – гораздо больше, чем у кого-либо другого.

А всадники все текли через мост, около двух тысяч уже переправились на наш берег. Мне никогда не доводилось видеть сразу столько людей – ни в Безье на празднике в честь матушкиных кузин, ни даже в Пезане в день Ля-Мадлен. Я, правда, не уверена, что цифра эта верная, потому что считать людей по головам гораздо труднее, чем овец. К сожалению, к нам они не свернули, так что батюшке не представилось возможности продать им муки для их собственного пропитания и овса для лошадей. Впрочем, он не особенно расстроился по этому поводу.

– Хлеб благородных – мясо, – заявил он. – Христианину в первую очередь приличествует есть мясо, а потом – рыбу. Я и сам так питаюсь и не могу сказать, что осуждаю их.

При слове «благородные» матушка презрительно фыркнула.

– Как бы не так, – заявила она. – Если даже среди этих и есть благородные, то совсем не много. Столько их и в ковчеге не уместилось бы.

Благородные или нет, они везли знамена, расшитые крестами так обильно, что те не висели, а торчали, как плащи, которые надевают поверх доспехов, или как шеи надменных дам.

Одна группа везла настоящие кресты, наспех сколоченные из толстых жердей и неструганных лесин. В небе ярко сияло солнце, но некоторые всадники держали шесты с болтающимися на них фонарями. Все это выглядело довольно странно, но самой яркой особенностью чужеземцев был цвет их лиц. Сливово-розовые физиономии говорили о том, что их обладатели не привыкли к солнцу и здоровый загар им неведом. Некоторые всадники выглядели ужасно бледными, как будто их напудрили мукой или даже намазали известкой.

Станным казалось и их молчание. Посадите пару наших мужчин на лошадей, и они тотчас же примутся орать друг на друга, ругаться или по меньшей мере хохотать, то и дело гикая на своих скакунов. А здесь тысячи людей проехали мимо, не проронив ни слова, сопровождаемые лишь цоканьем копыт и шлепками конского навоза – единственными звуками, подтверждающими реальность происходящего.

Всадники направлялись к Безье, – к нам они явно не собирались, – и никто из них даже не поздоровался, так что нам оставалось лишь поскорее забыть о них. Кому-то, может, это и показалось бы странным, а мы, живя у моста, давно привыкли видеть самых разных людей. Батюшка частенько повторял: «Если не любишь людей, то лучше сменить местожительство». Кроме того, крестоносцы ехали не так уж близко – на расстоянии полета стрелы от нас, да и матушка приложила все усилия, чтобы не дать нам возможности обращать на них внимание.

Я не знаю, пытались ли подбежавшие мальчишки заговаривать с кем-нибудь из конных или пеших воинов, а если да, то были ли поддержаны их попытки.

Войско – чудо преходящее. Само оно может и задержаться, а очарование его быстротечно – к чудесам мы все привыкаем в мгновение ока. Вода же, напротив, всегда привлекает мальчишек, а особенно если течет из-под моста, где поток можно перегородить и устроить запруду. Их от воды и за уши не оттащишь, а когда попросишь этих сорванцов вымыть в ней руки или выбить о мокрый камень постельное белье, они умчатся далеко-далеко и не остановятся, пока не встретят другой водоем. Так вышло и на этот раз – вода одержала победу. Я не шлепнулась с Нано и десяти раз, а они уже вернулись обратно все как один и стали плескаться, словно ника-

ких крестоносцев и не существовало. Один из мальчишек подошел к нам. Глядя на матушку, он смущенно переминался с ноги на ногу и накручивал на палец прядь волос, пока не привлек, наконец-то, внимание батюшки. Он был совершенно голым – как и все маленькие мальчики, – чего мама терпеть не могла.

– В воду свалилась гадюка, – выкрикнул он. – И ее едят форели.

Змеи и вправду ползают иногда по дну заводи, а форель готова сожрать что ни попадя, но о таком я сроду не слышала.

– Кому-то не повезет, – проворчал батюшка. Мельники помешаны на предзнаменованиях, а их семьи приучают себя не обращать на это внимания.

– Так, значит, змей едят? – Матушка повернулась к сорванцу. – Смотри, как бы они эту штучку твою не отъели.

Она не любила мужчин – ни больших, ни маленьких – и часто повторяла, что пройдет много лет, прежде чем девочка вырастет и превратится в женщину. Парни же взрослеют в мгновение ока, а еще меньше времени им требуется на то, чтобы уничтожить плоды трудов Господа нашего с помощью одной из тех штуковин – болтающихся спереди и изначально, по ее мнению, предназначенных для предсказания погоды, – которая есть у каждого из них. «Господу нашему всемогущему в этом отношении следовало бы положиться на пчел и водоросли, – говаривала она мне по вечерам. – Именно по ним большинство людей и предсказывает погоду. А он зачем-то изобрел эту дурацкую штуковину, которая и сама-то безмозглая, и хозяину своему не дает толком соображать. Женщины, к счастью, устроены по-другому, – обычно продолжала она. – Честь им за это и хвала, иначе мир никогда не нашел бы выхода из райских куш – Змей пожрал бы нас всех до того, как кто-нибудь умудрился отыскать ключ».

Моя матушка так запугала мальчишку, что он прикрылся ладошкой, однако его штучка вовсе не хотела быть прикрытой, и тогда он спрятал в ладонях лицо. Спас сорванца громкий барабанный бой и стук посохов, доносившийся со стороны моста.

Мальчишки вновь сорвались с места и умчались. Через мост шло целое полчище пеших воинов. На наш взгляд, шествие это продолжалось несколько часов, – во всяком случае, оно успело опостылеть мальчишкам настолько, что они вернулись назад. В тот день по нашему мосту протопало такое количество людей, которое в другое время не прошло бы и за сотню лет. Мост наверняка рухнул бы под их тяжестью, если бы не был построен великанами и не поддерживался всеобщими молитвами и тем молоком, что мы оставляли эльфам.

– Если бы я получил по четверти грота⁴ за каждую пару ног, прошедшую сегодня мимо нас, я смог бы откупить море у Господа Бога, – сказал батюшка.

– Море принадлежит дьяволу, – заметила матушка.

Это – та самая чушь, которую обычно изрекают ее родственнички и из-за которой, как сказал бы любой рифмоплет, они скоро попадут в беду.

– Я купил бы море у того, кто им владеет, – настаивал батюшка.

Мы оба мыслили трезво, предпочитая надежную реальность мыльным пузырям фантазий, а реальность как раз и грохотала по нашему мосту, грозя сдуть его ко всем чертям своими рожками, криками через сложенные рупором ладони и лишенными мелодичности трубами.

– Мне больше понравился первый отряд, – заявила матушка. – Эти воины вели себя тихо, как в церкви, что и подобает крестоносцам.

– Первый отряд просто-напросто трусил, – пояснил батюшка. – Сперва я думал, что северяне всегда такие, а теперь считаю, что они изрядно нервничали и держались неуверенно, боясь, как бы их отсюда не погнали. Воины второго отряда шагали посмелее, потому что, вопервых, считают себя великолепным войском – и я бы подтвердил это каждому, кто смыслит

⁴ Старинная английская монета достоинством 4 пенса.

в подобных делах, – а во-вторых, как ни крути, перед ними – первый отряд, и это явно прибавило им уверенности.

Какое-то время ни один солдат не появлялся в поле зрения, лишь изредка нет-нет да покажется одинокий всадник. Через мост шли только пилигримы и «сорокадневники». Батюшка сказал, что они прибыли сюда вовсе не сражаться, а просто провести свои сорок дней вместе с крестоносцами, срезать пару кошелев, сломать несколько замков и таким образом получить папское благословение.

– Сброд какой, – презрительно заметила матушка.

– Да, я что-то не вижу у них котлов, – согласился батюшка, – и шатров тоже.

– Нет и никаких жеребцов в юбках, – вмешалась я, – не говоря уже о всадниках на дамских седлах.

Упоминание о котлах навело нас на мысль, что пора бы пойти поесть супа на кухне, – Нано уже давно отправился обедать, – но вся эта суматоха, на которую матушка запрещала смотреть, не давала нам уйти.

Мы, несомненно, оказались бы в безопасности, уехав на пару лет в горы – в замок матушкиных родственников. Там я, наверное, могла бы вырасти невинной и мягкосердечной и не прославиться впоследствии делами, которыми, несмотря на их необходимость, лучше было бы вообще не заниматься.

Тем утром каждое дело отнимало у нас гораздо больше времени, чем обычно. Несмотря на это, я хочу описать все как можно подробнее, ибо столь жуткие события происходят не часто. Я пытаюсь припомнить, беспокоило ли кого-нибудь из нас появление всех этих вооруженных белокожих чужестранцев, и не могу утверждать, что это было так. Станным казалось лишь то, что крестоносцы упорно отказывались здороваться со встречными. Они проезжали городок, и мы так и не дождалась ни приветствий, ни криков, ни гиканья, и все это несмотря на непрерывающийся рев их труб. Ни один из пилигримов и паломников не благословил нас, и никто не выразил желания познакомиться с моим батюшкой, который прославился на всю округу не только как борец, но и как человек огромных размеров. Длина его ремня уж точно являлась одним из чудес света. Жители Безье ни о чем другом и говорить не могли, особенно когда приходило время менять старый ремень на новый, подлиннее. Они опасались, что вскорости любая коровья шкура будет слишком коротка для того, чтобы вырезать ему ремень. Мы не сомневались, что предводители любого отряда чужестранцев захотят познакомиться с таким замечательным человеком и увидеть все своими глазами, не говоря уже о том, чтобы послушать мою матушку, которая тоже являлась чудом в своем роде, по крайней мере для тех, кто надеялся, что она когда-нибудь замолчит.

– Ты уверен, что они здесь только затем, чтобы поразить нас своими манерами? – Матушка повернулась к батюшке. – А вдруг причина в чем-то ином, и ты можешь случайно задеть их по незнанию?

– Это крестовый поход, – вмешалась я. – Они прибыли, чтобы принести нам свет христианства.

– У нас его и так больше чем достаточно, – возразила матушка.

– Они шли сюда для того, чтобы король Парижский смог уладить ссору с графом Тулузским, – подсказал батюшка. – А папа таким образом расквитался бы за убийство своего легата. Но раз уж это крестовый поход, графу пришлось принимать в нем участие, так что теперь они намерены воевать с Транкавеллями.

– Граф Тулузский не может воевать с нами, Транкавеллями, он – наш родственник.

– Только лишь по браку. А ты вообще жена мельника и никому теперь не родня.

Иногда батюшка делал вид, что мы – семейка мучителей и палачей.

– И очень близкий родственник, – настаивала матушка.

– А может, они пришли, чтобы взять землю своими хреновинами? – Мое предположение обращалось к бабушке.

За сообразительность я получила такую затрещину, что последнее слово и с губ-то толком не сорвалось, а уже растаяло в воздухе. Память о затрещине я бережно храню и по сей день, она – последнее, что досталось мне от матушки.

Конные крестоносцы все еще скакали, а лучше сказать – грохотали через наш мост, весь он оказался заваленным кучами навоза, над которыми вился пар. Я видела, что навоз, как соус с тарелки, сползает с моста прямо в нашу реку. Слава богу, он не мог просочиться ниже брода, по крайней мере до той поры, пока не пройдут дожди. Мне было очень жаль тех, кто шел через мост пешком.

Совет, состоявшийся накануне вечером, принял весьма мудрое решение, в противном случае только очень храбрый человек отважился бы собирать с пилигримов и воинов по одному пенни с подковы, зная, что отплатить ему могут совсем другой монетой.

При виде текущего в реку навоза я почувствовала сухость в горле и неодолимое желание выпить впрок. Неудивительно – ведь после первой же грозы вся вода будет испорчена, и мне придется, по бабушкиному примеру, пить только вино. Я остановилась и набрала в ладони воды. Сладкая на вкус, она напоминала оливки.

– Не пей оттуда, – крикнула мне матушка, – мальчишки туда делают!

– И не они одни, – услышала я бабушку, – благодаря чему вращается колесо мельницы.

– Попей с камня, выше по течению.

– С него-то они как раз и безобразничают.

Мы совсем забыли про мальчишек. Минуту назад их видели здесь, а в следующую они исчезли – то ли умчались искать еду, то ли еще раз взглянуть на крестоносцев. Возможно, я просто фантазирую, но мне не хотелось думать ни об этом, ни о той чуши, которую несли сейчас мои родители, ведь наша заводь – такая чистая, а если уж ребяташки и наделают в нее, то это все равно не сравнить с тем, что Господь делает с небес в ветреный денечек, – так что я пила, наслаждаясь свежестью воды.

Я задержалась у заводи на несколько минут, присев и делая вид, что разглядываю рыб, а на самом деле любуюсь отражением своего лица. Я зачерпывала его ладошкой, превращая в пузырьки и рябь, а потом наблюдала за тем, как оно появляется вновь. Я любила свое лицо и находила его красивым, возможно, потому, что рассмотреть его мне удавалось лишь в такие редкие моменты. Матушка считала, что молодым девушкам зеркала ни к чему. Она заявляла, что я могу заплетать волосы и на ощупь, а бабушке оно и вовсе без надобности, потому что его черная шевелюра сплошь вилась, если не считать лысину, появившуюся из-за того, что он бодался с быками на ярмарке. Так вот, я пила воду из речки и видела в нашей запруде белокурую девушку, через которую просвечивали камни, туда-сюда носились рыбки, и, должна сказать, вид ее заморозил меня. Я вглядывалась в свое отражение до тех пор, пока оно вдруг не исчезло. Вода потемнела, и сперва мне показалось, что просто солнце зашло за тучу.

Оглянувшись, я увидела за собой вооруженного всадника, который неслышно проехал по сочной траве заливного луга. За ним шагах в пятидесяти ехали на лошадях другие воины, – стук копыт заглушил звуки, доносившиеся со стороны моста.

На том берегу появились еще какие-то всадники, рыщущие вокруг городка и явно рассчитывающие поживиться чем-нибудь съестным или просто поразвлечься. Сначала они мельком увидели стайку голых сорванцов, потом заметили и нас. Они узрели дом и женское белье, развешанное вокруг, услышали вопли мальчишек, голоса которых были еще совсем девчачьими. Неудивительно, что мальчишки помчались прочь, а всадники рванулись вперед. Теперь они по воде, аки посуху, переходили Эро, осторожно ступая один за другим по бабушкиной плотине.

Я не успела броситься к матушке, – первый всадник спрыгнул с лошади, ухватил меня за руку и понес какую-то тарабарщину, которую я от страха и разобрать-то не могла. Мне показалось, что это их предводитель. Его голос я бы назвала французским, – это примерно то же самое, что и английский, а другими словами – голос чужеземца. Лицо его взмокло от пота. Я довольно быстро научилась распознавать происходящих от древних франков французов, их дружков-англичан и ирландцев нормандского происхождения (все они одним миром мазаны) по их потным красным рожам и тому, как паршиво они переносят солнце. Их отличительной чертой являлась также скорость, с которой они норовили запустить лапы под мою одежду. Я вызывала подобные желания у большинства мужчин, но они не пытались осуществить их до того, как выпьют по несколько кружек вина, а тем более в присутствии моих родителей.

– Ты – аппетитная молодая женщина, – часто говорила матушка, – и глупо забывать об этом. Если когда-нибудь мужчина схватит тебя так, как я и объяснять не хочу, тебе останется только одно – лягаться и кричать. Не вздумай пищать, визжать или голосить, не паникуй и не трепыхайся. Не забывай, чья ты дочь, – лягайся и кричи с достоинством.

Полагаю, что я кричала и, смею заявить, с достоинством, но он так крепко вцепился в меня, что с моих губ не слетело ни единого звука. Лягаться мне не пришлось – выскользнуть из его потных рук оказалось проще, и я побежала разыскивать матушку. Ее уже окружили мужчины и лошади, но матушка преисполнилась решимости избавиться от них, поскольку терпеть не могла скотину в любом обличье. Батюшку тоже окружили. Должна сказать, что я гордилась матушкой.

– Я – Мелизанда де Транкавель, – твердо сказала она. – Мелизанда из рода Транкавелей. Это – моя дочь. Это – мой муж.

Моя матушка приберегала свою фамилию именно для таких случаев, а оставила ее не то из-за упрямства, не то по настоянию деда, – мне это доподлинно неизвестно. Я тоже имела право выбора, но взять матушкину фамилию было бы нечестно по отношению к батюшке, а взять батюшкину – просто глупо. Как говорила матушка, «у торговцев и крестьян нет фамилий. Они заводят детей, и дети их – просто бесфамильные сорванцы». Таким образом, из уважения к батюшкиной мельнице я приняла фамилию Сен-Тибери, а полностью мое имя звучало так: Перроннель де Сен-Тибери. Дедушка пришел в восторг. Некоторые утверждали, что именно этот восторг свел его в могилу раньше времени и явился причиной того, что дядюшка Крепен уселся на змей. Правда, еще одна семья носила фамилию Сен-Тибери, но дедушка твердо заявил: «Если они против, то пусть разговаривают с Транкавелями». Семье этой так и не удалось выразить свое мнение по данному вопросу, поскольку прославилась я отнюдь не под своей фамилией и даже не под фамилией Транкавель.

Вопрос о том, действительно ли дедушку убил выбор имени, сделанный матушкой и мной, имеет чисто академический характер, – для нас он тоже оказался смертельным.

А сейчас матушка постепенно теряла терпение. Подходило время обеда, а таких людей, как крестоносцы, в дом не приглашают, из каких бы дальше они ни прибыли. Она гордилась своим происхождением, и народ попроще даже на лужайку не пускала, – а чужестранцы вели себя как мальчишки в заводи, совершенно не сдерживаясь: сплошная толкотня, похотливые взгляды и хохот.

Матушке пришлось сделать еще одну попытку.

– Меня зовут Мелизанда Транкавель, – произнесла она. – Вы знаете о высоком происхождении моей семьи и знаете, какое положение я занимаю в обществе. Вот моя дочь Перроннель, а вот мой супруг.

Человек, так неприятно поразивший меня – явно предводитель отряда, но не из тех, кто лезет вперед, отстаёт напоказ или держится особняком, – не счел нужным представиться, что весьма задело матушку.

– Имуущество Транкавелей конфискуется, – заявил он. – Это приказ, подтвержденный печатью короля Филиппа.

Матушка задохнулась от неожиданности, и прежде чем она пришла в себя, чужеземец продолжил:

– А что касается ваших причудливых имен, милые дамы, то могу вам сообщить, что у меня есть тетка по имени Мелизанда и сестра по имени Перроннель, и я наградил ребенком и ту и другую.

Его люди заржали и стали повторять его слова, как это делают все мужчины.

Батюшке удалось сдержаться, ведь перебранка не способствует ни покупке зерна, ни тем более продаже муки.

– Правами на мельницу я обязан графу Тулузскому, – объяснил он. – Пусть берега реки ему не принадлежат, зато вода – его собственность. Я вассал, и он, несомненно, будет рад объяснить это кому бы то ни было.

– Мы договорились с Тулузским, – не удосужившись даже прибавить титул, заявил этот мужлан, – и конфискуем ваше имущество. Кстати, и папа Иннокентий дал на это свое благословение.

Батюшка мой был известен как человек, который может раздавить руками человеческий череп, побороть медведя и укротить любую лошадь.

– Кроме того, – мягко произнес он, – меня зовут не Транкавель.

– И меня тоже, – добавила я.

– А, так ты сожительствуешь с чужой женой? Очень хорошо. А теперь, мой добрый мельник, отойди и оставь нас с женщинами наедине. Мы сделаем то, что положено.

– О чем это вы? – спросила я.

В наших краях женщины часто задают вопросы, пусть даже отвечают им не всегда.

– Я должен сжечь тебя на костре, – ответил он. – Место здесь сырое, а мне и в сухих-то местах жечь женщин не нравится. Они пахнут от этого далеко не так сладко, как живые.

Его соратники сочли эти слова еще одной великолепной шуткой. Взгляды, что они бросали на меня, напоминали те, которыми батюшка одаривал матушку в легком подпитии.

Их предводитель снова вцепился в меня, как будто он имел на это право и хотел воспользоваться им, а вовсе не для того, чтобы вывести батюшку из себя.

– Меня зовут де Монфор, – представился он мне, очаровательно улыбнувшись и обдав своим жарким дыханием.

Я заметила, что зубы у него прекрасные, за исключением некоторых, начинающих чернеть.

– Я – брат графа Симона и, если уж на то пошло, маленького Амори тоже, хотя я и не прикажу своему пажу показать вашей милости мой щит. Я рожден во грехе, как и большинство членов вашего семейства. При крещении я получил имя Мёд он, по названию усадьбы моей матери, но тем не менее люди не зовут меня ублюдком. Они знают меня как Мердена. Это – достойный титул.

Еще одна колкость в адрес матушки.

– В наших краях Мерден означает «дерьмовая харя».

Его руки шарили по моему телу, норовя залезть под юбки. Я сопротивлялась изо всех сил.

– Если я когда-нибудь сделаю не самую худшую мерзость из всех возможных, можете назвать меня святым, но пока мне неохота быть причисленным к их лику. Сколько бы свечей ни горело за меня на Небесах, я все их отдам за то, чтобы насадить на одно место хорошенькую женщину.

Насадить на это место меня оказалось не так-то просто: мы настолько тщательно укутываем некоторые части своего тела, что и луч солнца туда не пробьется, однако руки его опережали все остальное и вели себя все наглее и наглее.

«Если ты позволишь мужчине потрогать тебя под юбкой, – учила меня матушка, – то вскоре он начнет ковыряться в твоих мозгах и управлять твоими мыслями. Чтобы этого не произошло, нужно приказать ему не распускать руки».

Что я и сделала.

Мои протесты даже услышаны не были. Спутники Мердена так хохотали по поводу «ублюдка», «дерьмовой хари», а уж особенно Транкавелей, что весь этот шум и гвалт просто заглушил мои вопли.

Мой батюшка, как им не мешало бы знать, был не из тех людей, что могут бросить кого-нибудь в беде. Он расправил плечи и движением рук освободил себе место, где мог бы развернуться, и это рассердило матушку. Видя, что дочь ее не может освободиться, а муж вот-вот затеет драку и, следовательно, поведет себя вульгарно, она открыла рот и разразилась гневной тирадой. Как известно, гнев заразителен и быстро передается от одного человека к другому, но нас как громом поразило, когда один из воинов Мердена де Монфора вдруг выхватил меч и вонзил его в матушку с такой силой, что проткнул ее насквозь и чуть было не свалил с ног.

На секунду воцарилось молчание, во время которого Мерден пробормотал:

– Да, пожалуй, слишком уж быстро, даже для одного из моих людей. – Затем он громко добавил: – Не отказывайся от нее только потому, что ты ее проткнул. Используй, что осталось. – Он ободряюще сжал меня. – Никогда не отказывайся от того, что можно использовать.

И тут к батюшке наконец-то вернулся дар речи, – он завыл. Вой его был страшен и исполнен непомерного горя. Батюшка рванулся в толпу воинов – сколько же их там было: два десятка? полсотни? – и разбрасывал их до тех пор, пока не добрался до того идиота, который осмелился причинить матушке боль.

Это был тощий, с отвислым задом малый в камзоле, поверх которого он надел кольчугу ржаво-серого цвета, напоминающую цветом зимний наряд водяной крысы. Оскалившись на батюшку, он попытался проткнуть его тем же окровавленным коротким мечом, который выглядел жалкой пародией на оружие, – жалкой и жуткой, ибо на нем адела матушкина кровь. Меч был не длиннее руки рослого мужчины, весь в зазубринах и похож на то, чем живодеры режут волов на ярмарке. Малый махнул мечом перед лицом батюшки, делая вид, что собирается перерезать ему глотку. Этим он подписал себе смертный приговор. Батюшка отмахнулся от меча, схватил противника борцовским захватом и тряхнул так, что сломал ему позвоночник сразу в нескольких местах, от чего тот мгновенно испустил дух. Батюшка не дождался аплодисментов, – еще трое тут же бросились на него. К несчастью своему, они не знали, что имеют дело с чемпионом. Единственное, что я помню об этой троице, – это то, что их кольчуги были почище.

Батюшка выбил меч у ближайшего из воинов, перевернул его вниз головой, схватив за щиколотки, и колотил, как дубиной, по двум другим, пока не вышиб ему мозги, что заставило остальных людей Ублюдка помедлить по меньшей мере секунду-другую. Во время наступившего затишья я могла попытаться помочь бедной матушке, – внимание Мердена де Монфора было настолько поглощено происходящим, что он держал меня только за локоть и за волосы. Я отодвинулась как можно дальше и пнула его обутой в сабо ногой. Пиная кольчугу или железную кирасу – что в принципе одно и то же, – можно лишь сбить пальцы на ноге. Естественно, мои действия не возымели желаемого результата. Мерден перехватил повыше мои волосы и положил руку мне на затылок.

– Дитя мое... – обратился он ко мне.

Этот ублюдок задрал мою ногу вверх, чтобы поправить сабо, однако ему то ли не хватило рук, то ли они оказались коротковаты. Моя обнаженная ступня привлекла его внимание. Она привела выроodka в такое возбуждение, что он прижал меня к себе и стал покусывать мои пальцы. Это показалось мне непристойной и гнусной выходкой, такой же извращенной, как те

приемы, которыми пользуются спаривающиеся козы. Я решительно воспротивилась, затрепыхавшись так, что ему пришлось отпустить мою ногу и перенести внимание на мою грудь.

Я плевать хотела на его поцелуи и лапы, шарившие по моему телу, – мои мысли занимал батюшка. Супруг моей матушки действовал на нервы нашим гостям, и некоторые из них горели желанием наказать его за это.

К счастью, люди, обученные военному делу, как правило, не в состоянии запросто победить необученных. Будь батюшка армией, они могли бы вступить с ним в сражение и, возможно, одержали бы значительную победу в битве при Сен-Тибери, но он был гораздо более непредсказуем, чем армия, и не мог позволить себе неповоротливость и инерцию, что олицетворяет любую из них.

Солдат муштруют и учат вести согласованные действия. Они достигают успеха в координации своих передвижений, лишь упражняясь до упаду. Мысли же этих бедолаг были заняты совсем другими вещами, что я без труда поняла по непристойностям, которые они выкрикивали в мой адрес. Бедняги питали надежду привести себя в неистовство, но в то же время явно не верили, что у них достаточно умения и практического опыта для проведения столь сложного маневра. Они орали друг другу о необходимости разделиться для того, чтобы убить батюшку, но разделяться никто из них не хотел, а тем более – на несколько частей.

Отдай Мерден воинам приказ, он, возможно, упорядочил бы их действия, и им удалось бы прикончить батюшку. Но де Монфор был плохим командиром, по крайней мере пока я отчаянно трепыхалась у его бедра.

Батюшка часто говорил: «Если мужчина ставит женщину выше своей работы, он не добьется успеха ни в том, ни в другом». Гнусный негодяй де Монфор не являлся исключением из этого правила. Из-за него бандиты остались без командира, а батюшка – без единой раны, за исключением нескольких пустяковых царапин, кровоточащих у него на лбу и на животе.

Одному из бандитов наконец надоели все эти бессмысленные пререкания. Он вытащил огромный двуручный меч – чересчур длинный для того, чтобы носить его на поясе, – из ножен, болтающихся на крупе его лошади, и вздумал подсесть им батюшку под колени, пока тот не смотрит в его сторону, но батюшка всегда был начеку. Он перепрыгнул через меч и так ударил своего противника макушкой в зубы, что тому и конец пришел, а уж зубам его – и подавно. Батюшка считал, что меч не нужен ему, хотя на мельнице было полно золота, которое стоило защищать. Мне приходилось видеть, как он отрывает пони от земли или несет ослика целый фарлонг⁵, и многие разбойники, промышлявшие между Пезаной и Безье, также не раз становились тому свидетелями. Они утверждали, что батюшка может поднять пару волов, взвалить на шею ломовую лошадь, а молочного поросенка забросить на луну, но я не могу утверждать, что видела это своими глазами.

Если бы люди Мердена слышали эти истории, они не рискнули бы тронуть матушку, и батюшка, скорее всего, сохранил бы достаточно хладнокровия, чтобы уладить дело миром. Если бы только они ее не трогали...

Но крестоносцы не смогли или не захотели этого сделать. Их можно понять, – матушка представляла собой лакомый кусочек, особенно теперь, когда она лежала, раскинув ноги, и хранила молчание из-за того, что ее проткнули мечом.

То, что произошло с матушкой и могло вот-вот случиться со мной, заставило батюшку забыть об осторожности. Он взвыл и стал пробиваться к жене с такой яростью, что остановить его попытались сразу несколько воинов. Один из них теребил матушкину грудь знаменитым древним оружием пехоты – римскими шипами, возможно, для того, чтобы помочь ей восстановить дыхание. Он повернулся к батюшке и метнул свое оружие низом, чтобы шипы пропарили тому ноги, как две меч-рыбы пропаривают днище утлого челна. (Тем, кого никогда не

⁵ Фарлонг – мера длины, равная 201 м (7⁸ мили).

навешали люди папы Иннокентия, – а иначе им уж точно посчастливилось бы лицезреть эти штуки, – я бы описала их как пару железных рукавиц на кожаной основе с девятидюймовым шипом на каждой. Они – излюбленное оружие крестоносцев, используемое как в бою, так и для вылавливания клецок из горячей похлебки.)

По словам матушки, батюшка хорошо соображал во всех делах, кроме постельных. Ввиду своего положения в обществе и репутации, он носил длинные одежды. Это значило, что ног его никто не видел, а батюшка, несмотря на свою силу, был человеком осторожным и предусмотрительным. Дома он мог ходить и в войлочных туфлях, а собираясь на улицу, надевал, как и все мы, высокие башмаки на деревянной подошве. Башмаки защищали ноги не хуже, чем череп – мозги. Батюшка оттолкнулся от земли в борцовском рывке – а может, это сделал не он, а пальцы его ног, – и с размаху так врезал бандиту под ложечку, что звук удара прогремел, как взрыв пивного бочонка. Из рта у малого полезло что-то тошнотворное: не то его язык, не то кусок легкого, не то вчерашний завтрак, а то, что осталось от бедняги, просто осело бесформенной грудой. Его римские шипы упали на землю, и остальным пришлось смотреть под ноги, чтобы не наступить на них. Бог знает, кто будет чистить нашу лужайку. На солнце вся эта кровь завоняла хуже, чем гусиный помет после дождя. Этот запах не только довел Нано до иступления, но и заставил нервничать лошадей крестоносцев.

Неожиданно, безо всякого на то приказа, бандиты поволокли нас в дом. Отчасти это объяснялось присутствием в нем остальных женщин нашей семьи, а в основном тем, что именно туда устремился сам Мерден. Он зацапал меня для себя лично, а стыдливость вызвала в нем желание сотворить свое черное дело за закрытыми дверями или по крайней мере в четырех стенах. Из дома неслись вопли, мольбы, крики «нет!» (словно это хоть когда-нибудь останавливало насильников), и Мерден без труда убедил своих подонков следовать за ним. Я не имею в виду подонков, которые оказались в доме прежде него и извлекали из наших служанок звуки, настолько режущие слух, что в полуденное небо стали взвиваться куропатки, а гуси наконец-то проявили признаки беспокойства. Оценивая положение вещей беспристрастно, надо сказать, что матушки на всех явно не хватало, хотя ее и обнажили от щиколоток до талии; к тому же вид Мердена, запустившего лапы под мою одежду, где пальцы его прыгали по мне, как пауки по горячему очагу, возбуждал их похоть, но тогда я не могла принять этого во внимание.

Если когда-нибудь чья-то семья и заслуживала наказания за безалаберное отношение к воде, то это именно наша. Батюшка всегда говорил, что вода должна лишь вращать жернова и не более того, а что с ней делали мы? Мы позволяли голым сорванцам плавать в ней, и их восторженные вопли привели зло к порогу нашего дома. Хуже того, мы бездумно тратили ее, ублажая Господа и себя. Покажите бандиту сад, в котором развешаны нижнее белье, одежда и прочие тряпки, и он тут же сообразит, что в саду стоит дом, полный женщин. Покажите ему дом, полный женщин, и он попытается устроить в нем бордель и кровавую бойню.

Рядом с домом росли кусты, вполне годные для того, чтобы сушить на них тряпки, – ведь кусты, не в пример камням, продуваются ветерком. В то утро, по наитию батюшки, они были увешаны бельем, причем не только матушкиными роскошными юбками, сорочками и домашними платьями, но и целой кучей моей одежды. Кроме того, как я уже говорила, там сушилось белье нашей кухарки Мари-Биз, судомойки Колючки, молоденькой служанки Одноглазки, а также делано скромные вещи Констанс де Кулобр, матушкиной камеристки и, по ее собственному мнению, дамы весьма утонченной. Между домом и кустами черной смородины (ягоды на которых должны были созреть только через шесть недель) мы устроили в тот день такую выставку женской одежды, что глаза дня затуманились, а солнце зарделось от смущения. Каким же зрелищем это стало для Христова воинства!

Христианами они, несомненно, являлись, и батюшку не следовало упрекать за то, что он думал именно так. Его ошибка заключалась в предположении, что они собираются обращаться с нами как с христианами.

Они же обращались с нами как христиане. Этому философскому различию меня вскорости должны были научить губы Мердена. Пока мы, спотыкаясь, продирались через кусты в ритме, среднем между маршем и танцем с хлопками, Дерьмовая Харя жевал мое ухо (в какой-то момент я даже испугалась, что он отгрызет мне мочку) и называл сладкой маленькой еретичкой. Пока этот ублюдок со зловонным дыханием кусал меня, я осознала глубину батюшкиного заблуждения. Эти крестonosцы – поверьте, я видела, как некоторые из них осеняют себя крестным знаменем, будучи обнаженными не только до пояса, но и ниже (а это – мерзопакостное зрелище), – устроили поход вовсе не для того, чтобы подвергнуть насилию всех и каждого. Нет, они пришли, чтобы наказать Транкавелей – другими словами, матушку и меня – и искоренить еретиков – в данном случае меня и матушку.

Мы и наши служанки оказались перед лицом смерти не потому, что мы – женщины, будь дело в этом, нас бы просто-напросто изнасиловали, – а потому, что так решил папа Иннокентий.

Исходная истина проста: вряд ли кто обратил бы внимание на дом, а уж тем более стал выяснять, не женщины ли мы из рода Транкавелей, не полощись наши вещички на черносмородиновых кустах.

Подонки из отряда де Мердена уже наложили лапы на некоторые из наших носильных вещей, напялили их на себя и горланили, – я имею в виду негодяев, которые не наслаждались в это самое время телами тех, кому вещи в действительности принадлежали. Мужчины, одетые в нижние юбки, тем более в такую рань, – зрелище гнусное, но мужчины, раздевающиеся донага, чтобы в эти юбки втиснуться, выглядят еще тошнотворнее. Они играли в странные игры – эти чужеземцы – и вытирали нашим нижним бельем не только мечи.

Из дома неслись пронзительные вопли – совсем как из курятника, когда в него забирается лиса. Матушка открыла мне глаза на некоторые вещи, но она явно не обсуждала их ни с Мари-Биз, ни с Колючкой, ни с Одноглазкой, – их звенящие от боли крики наполняли мукой мое сердце. Я была еще больше потрясена, когда со мной стал заигрывать какой-то рыжий недоносок, с громким гогомом вылетевший из дома и одетый в платье и длинную накидку Констанс де Кулобр, в которых я мельком видела ее не больше часа назад. Кроме платья и накидки, на нем ничего не было, и немудрено – на кольчугу не налезла бы ни одна из вещей Констанс. Госпожа де Кулобр была абсолютно плоской выше талии, и поэтому даже шерсть на груди негодяя не влезла бы в ее вещи; низ платья, хоть и расклешенный по тогдашней моде, все равно оказался недостаточно широк, – кокетливо задрал юбки при виде меня, этот сукин сын не смог их опустить. Защитника моего это зрелище оскорбило в лучших чувствах, и он крепко прижал меня к груди.

Желание выродка побыстрее приволочь меня к дому объяснялось вполне практическими соображениями. Нечего и говорить, что, даже сопротивляясь изо всех сил, я не могла избежать участи, уготованной мне Мерденом. Кричать, пусть даже с достоинством, мне бы тоже не удалось, потому что я задыхалась от поцелуев этого негодяя. Единственное, что спасало меня, – это кольчуга, висевшая на нем по самые колени, и железные кольца, прикрывавшие его ноги от щиколоток до, осмелюсь сказать, самого паха. Как известно, мужчину хлебом не корми, дай только изнасиловать кого-нибудь, но это, скорее, верно для мирной обстановки и летней одежды. Во время же крестового похода или подобных ему событий мысль снять доспехи в чистом поле придет в голову разве что полному идиоту. У воинов рангом пониже и кольчуги поплоче, как довелось узнать матушке на своем горьком опыте. Рубахи у них тоже покороче, а из прочей одежки почти ничего нет. Некоторые из этих людей в таких коротких кольчугах, что кажется, будто кроме камзолов, из-под которых торчат ноги, обмотанные полосками кожи,

на них и нет ничего. А мужчина, каковы бы ни были его цели, между тряпьем, что надето сверху, и поношенными кожаными полосками, что вымотаны снизу, может обнажить достаточный участок своего тела, в особенности если припекает солнце, а кругом полно овец, которые отвлекают ворон на себя.

Экипировка Мердена де Монфора разительно отличалась от вышеописанной. Ублюдка защищала добротная длинная кольчуга, и он прекрасно понимал, что снимать ее нужно без суеты в подходящем для этого месте. Мерден дал сигнал – то есть сильно дернул меня за волосы, – и эти мерзавцы внесли меня, втащили матушку и втокнули батюшку в наш собственный дом. Мы с батюшкой остались относительно невредимыми, но я не думаю, что в тот момент матушку можно было считать живой. Я не пишу историю крестового похода – я просто излагаю факты.

Наш дом состоял из четырех больших помещений и множества разных укромных мест и закутков. Одно из больших помещений занимала мукомольня, занятая жерновами, дубовыми бревнами – «осевыми деревьями», как называл их батюшка, и хитросплетением деревянных зубчатых колес. Батюшка считал это все своими владениями и не позволял матушке трогать ни колеса, ни какие-либо другие вещи, находящиеся в комнате.

Она довольствовалась тем, что привела в порядок остальную часть дома. Раньше в одной из комнат хранилось зерно, в другой – мука, а в третьей держали коров, коз и гусей. Матушка заявила свои права на все эти помещения; их скребли и вылизывали до тех пор, пока они не начали походить на комнаты замка, хозяйкой которого матушка собиралась стать вновь в один прекрасный день. «Скотина должна жить во дворе, – сказала она супругу. – А зерно хранить можно и в сарае». Коров и коз, во-первых, было ужасно жалко, а во-вторых, зимой нам очень не хватало их тепла. Куры же, оставшись одни в таком огромном помещении, совсем одурели, – ведь их не удержишь на месте, если вокруг столько дыр и стропил, а взлетая то и дело, куры тощат и, кроме того, откладывают яйца в самых неожиданных местах.

Нас проволокли по дому и втащили в самую большую из упомянутых мною комнат – бывший приют для скота с разбитой дверью и очагом внутри. Матушка называла ее своими верхними покоями, так как потолком здесь служила крыша и солнечные лучи пробивались через прорехи на стыке балок и между черепиц. Наши куры обожали тут спать. У стены был очаг, огонь в нем пылал и зимой и летом; там же стоял чугунный котел с похлебкой, которую батюшка ел на завтрак или когда ему заблагорассудится. Сегодня здесь стоял еще и глиняный горшок с запеканкой из картофеля с овощами, источавший изысканные запахи тех трав, которые выращивала матушка. Она сама приготовила для нас эту запеканку, а помогали ей лишь Мари-Биз и Колючка. Пытаясь воскресить в памяти то, что происходило, я в первую очередь вспоминаю кудахтанье кур и запах матушкиной запеканки. Именно в этой, такой мирной и уютной домашней обстановке безжалостные подонки собирались устроить свой кровавый пир. По законам военного времени с членами благородных семейств, и даже с их служанками, никто подобным образом не обходится, ведь они представляют собой гораздо большую ценность в том случае, если им не раздвигают ноги и не режут глотки. К сожалению, мы не знали, батюшка точно уж не знал, что крестовый поход – это не война, и, следовательно, для него закон не писан. И вот мою бедную матушку проткнули мечом – она не успела даже отказаться покормить похлебкой наших визитеров, а с наших служанок содрали одежды, и самые нежные части их тел теперь чувствуют себя как курица, которую готовят на вертеле.

Когда мы оказались внутри, де Монфор разжал пальцы и потряс рукой, – он так вцепился в мои волосы, что кисть занемела. Через дверь я удрать не могла, – между мной и выходом находилось слишком много воинов, как пеших, так и конных. Кроме того, сбежать и оставить здесь бедную матушку и батюшку шансов у меня было не больше, чем взлететь и усесться на балке вместе с курами. Определенную ответственность я несла и за наших служанок. Одна из

них, скорее всего Колючка, умоляла и рыдала в мукомольне, куда ее загнали или затащили негодяи Ублюдка.

Стоило Мердену отпустить мои волосы, ко мне тут же вернулся слух. Я услышала звук разбиваемых полок или глиняных горшков, затем – бульканье, словно кто-то пробил флягу с водкой или бочонок с уксусом. Какой-то умник попал не то головой в зубчатую передачу, не то ногой под вращающийся жернов, – батюшкин механизм был очень коварен, особенно в том его месте, где вертикальное вращение лопаток колеса преобразовывалось в горизонтальное движение жернова. Из-за этого то и дело гибли куры и крысы, а иногда даже кошки. Никто, в том числе и мой батюшка, не мог остановить механизм или спасти его жертвы, поскольку никому не дано повернуть воды вспять. Самому Господу Богу это удалось лишь один раз, да и то ради Моисея, который, как известно, умел настоять на своем.

Громкий треск ломающихся костей слышался еще некоторое время, – под ведущее зубчатое колесо постепенно втягивалась голова, шея, кольчуга... Один Бог знает, во что это обошлось зубьям колес, – батюшка сам вырезал их из сердцевины дубового ствола и шлифовал вручную. Попав же между жерновами, вы исчезли бы мгновенно, и если не целиком, то уж по крайней мере – частично.

Из-под двери мукомольни потекла вонючая жижа, пачкая матушкины камышовые циновки, которые и без того уже загадили лошади. Эти циновки мы не купили и не выменяли на муку. Просто однажды мама и Констанс де Кулобр, гуляя вдоль реки, нарезали камыша, и Констанс сплела их собственными руками, разумеется, под руководством матушки. Теперь они были вымазаны кровью и содержимым чьего-то желудка.

К своему облегчению, я услышала, что бедная Колючка продолжает плакать и стонать от боли, – определенно, жижа получилась не из нее, хотя и не стала от этого менее отвратительной.

Наш разум вообще не способен с ходу смириться с ужасом происходящего и сперва откликается лишь на нарушение привычного порядка. Вот и меня больше всего потрясло, что эти мужланы заводили лошадей в дом, вместо того чтобы привязать их снаружи. Я уже говорила о матушкиных циновках. Невозможно было и подумать о том, чтобы привести в ее комнату лошадь или хотя бы пони. Однако люди Мердена сделали именно это, причем некоторые не потрудились даже спешиться. Я упоминала, что лошадей раньше держали в одной из комнат, но только до матушкиного появления, до того, как она превратила этот хлев в чистый и уютный дом. Изначально комната и строилась как конюшня, а поэтому лошадям вполне хватало места, а дверь была такой, что они свободно проходили в нее. Зимой дом казался теплее от конского навоза, а воздух был напоен их дыханием, но и тогда навоз падал на папоротник, на сухую крапиву и солому, а не на матушкины циновки.

Если твоя голова попала в мельничный механизм, ты поневоле отвлечешь внимание остальных, пусть даже в доме есть дамы, которых можно полапать, и девушки, которых можно раздеть и изнасиловать, бляя вином на их волосы. Батюшка улучил момент и рванулся к мукомольне. Ни секунды не сомневаюсь, что, попав туда, он сумел бы спасти меня, ибо батюшка прекрасно знал, какие страшные силы он может разбудить, добравшись до нее.

Путь ему преграждали кони. Не могу утверждать, что на них были всадники, – мне мешали клубы мучной пыли, вздымающиеся к потолку, мутные столбы солнечного света, гвалт и хлопанье дверьми. Батюшка взревел как бык и стал бодать головой стремяна, всаживая их под ребра жеребцам, и долбить так по бабкам, но все равно не мог добраться до двери (проползти под лошадью невероятная толщина не позволяла ему уже с десяти лет). Одного из всадников он швырнул к курам на крышу, а его коня – к стене за очагом (если же на лошадях не было всадников, значит, он швырнул двух лошадей). В результате обе сломали шеи, а у лошади, отброшенной к очагу, загорелись копыта. Батюшка раскидывал жеребцов направо и налево, но все без толку – дверь оставалась вне пределов досягаемости. Добраться до нее мешали не только встающие на дыбы кони и всадники, но и пешие воины, лупившие его мечами по голове.

Мне кажется, что батюшка получил пару ударов копытом, – жеребцы выходят из себя, если долбить их по ногам. На полу смешались кровь и грязь, что еще больше ухудшило дело, – ведь поскользнуться стало проще простого, особенно если ты в уличной обуви.

Наконец чужеземцы загнали батюшку в угол. По всему дому раздавались вопли и стоны женщин, звуча музыкой в их ушах и заставляя терять терпение. Для таких людей крик молодой женщины – все равно что барабан для малыша: при первых же звуках возникает неодолимое желание завладеть новой игрушкой.

Однако приходилось считаться с владельцем барабана. Приведи эти люди лучников или итальянских пехотинцев, вооруженных арбалетами, они покончили бы с батюшкой в мгновение ока, тем самым разрешив все проблемы, – ведь из-за него не все они могли принять участие в насилии. По эффективности после стрелы идет копьё или алебарда. Когда один из всадников уже изготовился для удара, спешившийся конюх, босоногий и изрядно раздраженный тем, что ему приходится следить за лошадьми воинов, развлекающихся по очереди с нашими служанками, отпустил поводья, которые держал в руке, и двинул батюшку по макушке алебардой.

Тот пошатнулся, но устоял. Лезвие топора почти не задело голову, срезав лишь лоскут кожи на черепе, но рукоятка нанесла ему мощный удар, усиленный весом оружия. А тем временем один из этих вислозых мерзавцев всадил меч батюшке между ног – явный живодер, хоть я и не видела его раньше, – и кровь веером брызнула во все стороны. Я не знаю, сколько в мужчине крови, – говорят, это зависит от того, сколько вина в него влезает, но вся кровь свиньи умещается в бадье, а батюшка потерял ее гораздо больше. А потом подоспело и копьё, брошенное со вставшей на дыбы лошади.

Острые вошло в батюшку, когда он уже стоял на живодере и держал за горло конюха, ударившего его алебардой, сдирая с того кольчугу, как панцирь с рака. Страшное оружие пронзило его насквозь, пригвоздив локоть к ребрам и заставив все тело биться в жутких конвульсиях, на которые невозможно было смотреть без содрогания. Несмотря на все это, мне кажется, что батюшка и не думал сдаваться, если бы не матушкина стряпня. Он все еще держался на ногах, рыча от боли и решимости выстоять, непрерывно корчась и поворачиваясь вокруг своей оси, как один из его собственных жерновов, и тем не менее ухитряясь сбивать с ног своих противников и выбивать им зубы древком копья, пронзившего ему локоть и ребра, когда один из этих негодяев подбежал к нему с ковшом, наполненным кипящей похлебкой, а второй – с целым котлом.

– Не тратьте зря похлебку! – воскликнул Мерден.

К этому моменту батюшка уже насквозь пропитался обжигающей жижей – от макушки до пряжки на поясе – и в шоке медленно оседал на землю. Он и упасть-то толком не мог, подпираемый пронзившим его копьем. Через одну-две секунды под тяжестью тела копьё почти целиком вышло с другой стороны, а затем сломалось.

– Не пытайтесь добить быка, пока он еще на ногах, – наставительно заметил Мерден. – Если вы ударили его как следует, то он грохнется и подохнет без вашей помощи.

После того как копьё сломалось, вид батюшки ему разонравился, и он жестом приказал двоим из своих людей перерезать ему глотку, чтобы тот не вздумал встать и опять прикончить кого-нибудь.

– Не режьте ему глотку – его кровь наведет порчу на женщин! – закричал кто-то, словно этих негодяев волновала какая-то там порча.

Этот малый подбежал к батюшке и стал бить его по голове. Так убивают ягнят и свиней, когда подручный мясника слишком пьян, чтобы найти артерию, и меня всегда воротило от подобных зрелищ, но, глядя на то, как они добивают батюшку, я была совершенно бесстрашна, да и до слез ли, если ты – на очереди.

Батюшка рычал, ругался и пытался встать, находясь практически при смерти, – и они перерезали ему горло, как приказал Мерден. Но кровь не полилась. Они резанули где надо,

но крови не дождалась, – вся она вытекла из первой раны. С тех пор я не раз видела, как умирают мужчины. Ни один из них не сделал этого лучше, чем батюшка, хотя осмелюсь сказать, он разочаровал матушку, присоединившись к ней подобным образом: без молитвы, рыча и, наверное, ругаясь.

Покончив с ним, люди Мердена покончили и с жалким подобием порядка. Я никак не могла поверить, что батюшки больше нет, хотя собственными глазами видела, как его убили. Если бы нас оставили одних, мне, может, удалось бы оживить матушку глотком воды, а она бы вернула к жизни батюшку, дав ему винца... Нас всех посещают эти глупые мысли, а особенно если мы лишены возможности прижать любимых к груди и убедиться, что жизнь покинула их. Кроме того, даже мужчины умирают не так всецело, как животные, у которых нет души, а уж женщины тем более, по крайней мере моя матушка – наверняка.

До сих пор мы были поглощены убийством, а это дело грязное; теперь же часок-другой можно отвести насилию. Женщинам приходится умирать, более того, они умирают постоянно и значительно чаще, чем мужчины, как изначально и задумал Создатель. Войны изобрели именно для восстановления баланса, но женщин убивают и на войне.

Не знаю, какую порчу могла бы навести на нас батюшкина кровь, но всем остальным она явно пошла на пользу. Как известно, при виде крови мужчины звереют. О мясниках идет дурная слава, особенно среди молоденьких девиц, если только те не выходят за них замуж; и вид у мясников всегда чересчур самоуверенный. Так же выглядел и этот головорез де Монфор, место которого было на бойне, если я правильно представляю себе тех, кто для нее подходит.

Он посмотрел на матушку, потом – на меня, прислушиваясь в то же время к крикам и стонам Колючки и Одноглазки, а также к тишине, вернее, к глухим звукам, которые накладывались на тишину, указывая местонахождение Констанс де Кулобр и Мари-Биз. Затем, чтобы привлечь всеобщее внимание, он отвесил мне звонкую оплеуху.

– А теперь, храбрецы мои, благородная дама, или что там от нее осталось, а также и дамы этой дамы – в вашем распоряжении. Пусть только кто-нибудь попробует сказать, что я несправедлив в этих делах.

Бандиты радостно загалдели; но наша комната была единственной, где эти мерзавцы еще ждали каких-то там разрешений. С полдюжины негодяев стали растягивать находившуюся без сознания матушку за конечности, в основном за ноги, а остальные прислушивались к тому, что происходит в соседних комнатах. Все это произошло не раньше, чем раздался голос Мердена:

– Я первым возьму эту маленькую девственницу за всех вас. Потеть над ней, лишая ее невинности, – дело неблагодарное, особенно когда солнце еще высоко, и мне не хочется, чтобы хоть кто-нибудь мог сказать, что я не в состоянии проложить этот путь. Твоя девственность – это драгоценный ларец, – прошептал он мне на ухо. – Открывать его будет так же приятно, как выкапывать трюфели, если только нам удастся уединиться где-нибудь.

Ни один мужчина еще не говорил со мной подобным образом, – думаю, это называется любовной болтовней, и при других обстоятельствах я могла бы отнестись к ней иначе.

Его люди, по крайней мере некоторые из них, надеялись поглазеть на это зрелище, как глазеют на карликов и шутов во время праздничного застолья.

– Уж я-то задам малышке жару, – пообещал Мерден.

Он шарил по мне с таким усердием, что стянул мои нижние сорочки, или одну из них, с плеч до самой талии. При этом верхняя одежда осталась где была, и под нею болтались некоторые части моего тела, – я имею в виду те, которых у маленьких девочек нет, а когда они появляются, их следует прятать от посторонних глаз.

– Уи⁶, – закричал кто-то из людей Мердена. – Насаживай ее на вертел медленно и осторожно.

– На вертел милорда де Монфора, если я что-нибудь понимаю в стряпне.

Очередное упоминание о костре понравилось мне еще меньше, чем остальные предложения Ублюдка, хотя выражение «задам ей жару» употреблялось у нас сплошь и рядом, стоило только мужчинам расслабиться за кружкой вина подалше от женских ушей.

Тем временем люди Мердена воплями выражали свое одобрение и продолжали его подначивать.

– Уи, – орали они, как будто это слово выражало высшую мудрость.

Странное словечко это «уи». Я знаю его, но не люблю. Они произносят его как «ойль» или «ой», вместо того чтобы сказать «ок»⁷, как это делаем мы, и когда слушаешь их болтовню, то создается впечатление, что они плюются оливковыми косточками. Однако я все-таки описываю крестовый поход, а не вавилонское столпотворение. Что бы ни входило в планы Мердена – изнасиловать ли меня, зажарить ли, – в первую очередь он явно хотел раздеть меня донага. Слава богу, матушка позаботилась о том, чтобы моя одежда была сшита тщательнейшим образом из крепкой ткани.

Когда Констанс де Кулобр бралась за шитье, стежки получались такие, что меньше и не бывает.

Я бы описала себя в тот момент как молоденькую девушку, которая все видела, но ничего не понимала. Частично это можно объяснить тем, что при мне еще никто и никогда не вел себя подобным образом. Это был мой первый и, надеюсь, последний крестовый поход, а его участники вели себя как самые настоящие язычники, – другими словами, они обращались с нами, христианами, так варварски, как христиане должны обращаться лишь с язычниками, которые на лучшее и не надеются. Эти мужчины забавлялись, как малолетние сорванцы, сдирая с себя одежду и собираясь доедать остатки матушкиной запеканки полуголыми и допивать батюшкину похлебку, бесстыдно распахнувшись. По крайней мере, я полагала, что именно это и занимало их, поскольку они беспрерывно сновали туда и сюда, периодически останавливаясь, чтобы проделать какие-то манипуляции с матушкой или полюбоваться, как лапает меня этот выродок Мерден, а затем мчались либо в ту комнату, где кричали наши судомойка и служанка, либо в ту, где не издавали ни звука наша неразговорчивая кухарка и благородная Констанс де Кулобр. Бедная Колючка вопила так, что кровь стыла в жилах; если ей всего-навсего перерезали горло, то совершенно ясно, что кто-то не смог определить, где ее шея. Что бы со мной ни случилось, я решила вести себя так же стоически, как моя матушка или ее камеристка из Кулобра.

Я мало что знала о мужчинах и их поведении. Батюшка, конечно, не в счет, но он представлял собою чудо, сотворенное и возвращенное матушкой. А что касается остальных мужчин, то они всегда казались мне мальчишками, которых просто научили ходить одетыми. Матушка говорила, что это так и есть. Женщины же вообще никогда не раздеваются на людях, а выродок из Монфора пытался содрать с меня одежду в комнате, полной хихикающих голых мужиков.

Как я уже, кажется, упоминала, та лошадь, которую батюшка швырнул об стену за очагом, сломала себе хребет. Она так и лежала в огне, и копыта ее все горели и горели. Если можно вообразить себе что-нибудь более тошнотворное, чем запах паленых копыт, отравляющих воздух в жаркий денек, то это только вонь, идущая от крестonosца в кольчуге. В наших краях мужчины прекрасно знают, что получается, когда лопается чеснок на солнцепеке, а если вдруг забудут, то жены не преминут напомнить им об этом. К сожалению, люди из Парижа и других чужеземных стран понятия не имеют о таких мелочах. Осмелюсь сказать, что Мерден

⁶ Да Ш).

⁷ «Ойль» – производное от Лангедойль (Север Франции), тогда как «ок» – от Лангедок (Юг).

был почище, чем другие, – сильные мира сего омывают водой свои тела если не раз в четыре месяца, то точно каждый год по окончании зимы. Однако сейчас от него, как и от остальных его людей, исходил запах другого рода. Мужчины, в отличие от большинства женщин, его не чувствуют, потому что это – не что иное, как запах похоти и вожделения, и он гораздо омерзительнее, чем вонь от козлов «в охоте». В нашей большой комнате пахло уже так сильно, что у меня закружилась голова, и я, несмотря на опасность, которая мне угрожала, чуть не упала в обморок, хотя и прилагала все усилия к тому, чтобы остаться в сознании и продолжать сопротивляться. Давая мне уроки вышивания, Констанс де Кулобр любила повторять: «Если женщина хочет продеть нитку в иголку, то следует держать иголку неподвижно. Если же мужчина пытается проделать это с женщиной, то нужно вертеться и отбиваться изо всех сил». Я уже схлопотала оплеуху, – Констанс и не заикалась о том, что мужчина для воодушевления может вышибить тебе зубы, и осмелюсь сказать, что ей досталось гораздо сильнее, по крайней мере, достаточно для того, чтобы она не отбивалась и не вертелась.

Если не считать матушку, которая к тому времени уже умерла, и меня, не доставшуюся покуда никому, женщин во власти этих скотов оказалось не меньше, чем жен у испанского мавра. То, что мы все находились в разных комнатах, заставляло их нервничать. Им стало казаться, что математика – наука скользкая и не дает возможности поделить нас поровну на всех. Принять во внимание следовало не только арифметику: дюжина мужчин – на Мари-Биз, десяток-другой – на маленькую Одноглазку, но и геометрию, что было неизмеримо сложнее. Даже мавру, который никак уж не христианин, эта задача оказалась бы не по силам: одна женщина – на кровати, вторая – на подушках, третья – на ящике с попонами или на шерстяной подстилке, четвертая – на жернове, пятая – на козлах... Для подобного разнообразия женщин требовалось гораздо больше, но эти недоумки так усердно хлестали батюшкино вино, что уже и по пальцам не могли нас пересчитать. Кроме всего прочего, они привыкли считать своих жертв в замках и крестьянских хижинах, а вовсе не на мельнице, что тоже сбивало их с толку. Пришлось довольствоваться малым: женщина – сбоку, женщина – снизу, женщина – сверху, а в самом начале одна лежала, привязанная к колесному валу, пока тот, кто развлекался с нею, не лишился головы столь ужасным образом. Женщина была совершенно неподвижна, как звезда на небосклоне, а он поднимался над нею медленно, как луна, а потом мозги его потекли ей на волосы. После этого происшествия многие задались вопросом: следует ли считать одним из участников того, от чьей головы осталась лишь лужа на полу, и как быть дальше: прислать еще одного для ровного счета, или пусть бедная Колючка довольствуется теми, что у нее уже есть?

Все это вело к спорам, а споры – раздорам и беготне из комнаты в комнату; устав от одной очереди, эти идиоты мчались в другую, так же как те дурни, что по скудоумию своему пытаются купить вина на ярмарке. В отличие от последних, у которых в итоге глаза лезут из орбит, а языки свисают от усталости, у этих к тому же из-под кольчуг свисало то, что защищает тело воина от тяжелых доспехов: у кого-то это были сорочки, а у большинства – лишь мерзкий запах пота.

Эти крестоносцы не любили ссориться, – присущая им кротость являлась одной из неоспоримых христианских добродетелей и в конце концов не могла не проявить себя. Если тот факт, что четыре женщины находятся в четырех разных местах, вызывает враждебные чувства и ведет к переутомлению, то почему бы не собрать их в одной комнате, чтобы каждый мог ясно видеть, что он ничуть не обделен, что игра ведется честно и справедливо. И вот мамини покои, обычно тихие, как пещера отшельника – я имею в виду отшельниц, – стали местом изощренного насилия.

Первыми появились Колючка и Одноглазка – их не то внесли, не то втащили, не то пинками загнали в комнату. Колючка сопротивлялась изо всех сил, а для Одноглазки время битв уже прошло. Их – с заплывшими глазами, распухшими лицами, истерзанными губами, выбитыми зубами, всех в крови и синяках – встретили громкими одобрительными выкриками,

как быков, выходящих на арену. Одобрение относилось отнюдь не к девушкам, а ко всем тем милостям, которыми их осыпали. Я не скажу, что несчастные создания держались с достоинством. Смерть их никто не назвал бы красивой, а вид – элегантным или сдержанным в то время, как эти выродки зверски били и по-скотски насиловали бедняжек, но простая истина их присутствия вызвала во мне неожиданные воспоминания и мысли. «Истина» – это латинское слово, которому научила меня матушка. Я жалею, что так редко задумывалась над ее словами и поступками, но помню, как она говорила, что «истина» значит «событие» и в то же время «дело», особенно для женщин, и это событие – поскольку уж оба понятия выражены одним словом – должно означать то же, что и дело. Вера моей матушки была довольно странной, но раз уж матушка умерла за нее, то я решила, что попытаюсь проникнуться этой верой, пока еще жива. Наши служанки умирали не из-за матушкиных истин, а потому, что они – матушкины служанки и к тому же женщины. В этом заключалась их истина. В том же состояла и истина Констанс де Кулобр. Гнусные мерзавцы втащили в комнату бесформенный тюк, которым оказалась сама мадемуазель – ее руки, ее ноги, ее распущенные волосы. Распустить даме волосы или расплести взрослой женщине косы – страшное оскорбление, зато до чего же приятно, вцепившись в них, тащить Констанс – как, впрочем, и меня, и Колючку и Одноглазку, – за собой. И если уж распустить женщине волосы считалось оскорблением, то каким же надругательством над нею было ослабить узел ее пояса, зашит он или завязан, а ведь ни одной из терзаемых ими на мельнице не позволили оставить ни накидки, ни сорочки, ни нижней юбки. Одежда Констанс де Кулобр была сорвана с нее до последней нитки, а может, разрезана мечами на куски, ведь добротную, крепкую ткань так просто не разорешь... Некоторые из них насильники привязали к конечностям Констанс, чтобы развести как можно шире в первую очередь ее ноги, за одно уж и руки, а те куски, что не удалось затянуть на ее горле, они затолкали ей в рот в виде наказания за нежелание разговаривать с ними. До последнего вздоха она оставалась сама собою – камеристкой матушки, дамой знатной дамы и самой высокомерной на мельнице. Она никогда не тратила слов попусту, тем более на низшие классы, к каковым она причисляла всех мужчин, а если и есть что-то, чего самцы пережить не могут, так это когда с ними не разговаривают, – занимаясь своими жалкими фокусами, они нуждаются в постоянном одобрении. В гробовом молчании плоть этих вонючих мерзавцев входила в ее плоть и выходила из нее; иногда они брали ее вдвоем одновременно, и одна пара сменяла другую, но если когда-нибудь и существовала женщина, слишком хорошо воспитанная, чтобы обращать на это внимание, то звали ее Констанс де Кулобр.

До этого я никогда в жизни не видела женщину настолько обнаженной, не исключая и себя самое. Если я когда и пыталась рассмотреть свое тело, то довольствоваться приходилось лишь отдельными фрагментами, которые удавалось увидеть либо стоя спиной к матушкиному зеркалу и глядя в него через плечо, либо опустив взгляд в вырез нижней сорочки или ночной рубашки. Как говорила мне де Кулобр, женщина, усердно работающая иглой, так или иначе становится слишком близорукой, чтобы видеть собственное тело.

Появление Колючки повергло меня в состояние шока. На ней не оставили ни клочка одежды, – ей даже рот не заткнули. Колючка была совершенно голой, как любой из сорванцов в заводи, но они-то прячутся в воде... Должна заметить, что, поскольку ни вода, ни даже брызги не прикрывали ее наготу, она изрядно отличалась от мальчишек. Некоторые части ее тела оказались больше, а некоторые – гораздо меньше по сравнению с тем, что, руководствуясь здравым смыслом, ожидала увидеть я. Вид обнаженных женщин был так необычен, что преисполнил меня благоговейным страхом. Может, мужчины и есть мальчишки, научившиеся ходить в одежде (кстати, к негодьям, заполонившим наш дом, последнее не относится), а вот женщины происходят от существ, которые одежды никогда не снимают, за исключением, как мне сказали, некоторых предметов перед тем, как отойти ко сну, но и это – не в матушкином доме. У бедной Колючки не имелось ни малейшего шанса отойти ко сну, разве что только заснуть навсегда,

что, честно говоря, представляло для нее гораздо большую милость, чем костер, который нам обещали. Если вам когда-нибудь доводилось видеть козлов, пытающихся поделить единственную козу, или лягушек, карабкающихся на лист кувшинки, вы без труда представите, в какую жуткую ситуацию попала Колючка. Молодые козлы в ожидании самки не слоняются вокруг, пожевывая чертополох, как это делают козы в ожидании самцов, – они громоздятся друг на друга, бодая своих соперников. У козлов и в мыслях нет причинить самке вред, но от всей этой борьбы страдает именно она, и если косточки у нее тонкие, то они ломаются. Косточки Колючки тонкими не назовешь, но они сломались, и уже не один раз.

Не знаю, почему мне вздумалось сравнить этих чужеземцев с домашними животными, – если наблюдать за скотиной, то благонравность поведения просто бьет в глаза. Это касается даже свиней, в особенности их обращения с самками, и ведь именно самки настаивают на соитии. Самцы же дерутся далеко не всегда – это, скорее, вопрос математики, а не дурного нрава.

Мы держали в доме несколько овец, как некоторые держат кошек. (Овцы – опрятные животные и не гадят где попало, тем более если у вас есть Одноглазка, которая тут же убирает за ними.) После того как эти звери, люди Мердена, вырезали Колючку и Мари-Биз из их одежды (а ведь Мари носила больше нижних рубашек, чем остальные, чтобы защититься от кухонного жара), а затем открыли батюшкину водку и другие крепкие напитки, они взялись перерезать горло нашей маленькой нежной Трехножке и выпустить кишки Виннимегу, перед тем как обратить те же самые клинки на Одноглазку.

Одноглазка, по своей смиренности, вынуждена была удовлетворять потребности большинства из них. В знак признательности они ее убили. Батюшка однажды объяснил Мари-Биз, думая, что ни матушка, ни Констанс де Кулобр его не слышат, что мужчины всегда награждают шлюху пинками, устав от ее поцелуев. Они не в силах вынести мысли, что можно получить так много, заплатив так мало. Одноглазка – против своей воли – отдала им все за ничто, и потому лишь смерть могла стать ей достойной наградой. Эти звери не могли сжечь ее: во-первых, она не принадлежала к роду Транкавелей, а во-вторых, не сумела предоставить им убедительных доказательств того, что она – еретичка, провозгласив, что жизнью человека в основном распоряжаются силы тьмы. На самом деле Одноглазка, конечно же, заявляла об этом: она пыталась выкрикнуть сию великую истину катаров⁸ всякий раз, когда открывала рот, чтобы глотнуть воздуха или закричать, но стоило губам ее разжаться, эти выродки устремляли туда свою плоть, и все богохульства тонули в кашле и шамканье. Одноглазка представляла собой жалкую пародию на ту женщину, которой она была на самом деле: к тому же, чтобы не вслушиваться в ее сквернословие, они давным-давно – возможно, с момента знакомства, – выбили ей все зубы. Очистить бедняжку огнем они не могли, и это вынудило их отправить ее в чистилище неподготовленной. Набив руку на овцах, они вспороли ей живот, а потом – в соответствии со своими представлениями о доброте – перерезали и горло.

Именно в эту минуту рука Мердена медленно, но решительно поползла по моей коже. Ублюдок не торопился – он наслаждался смертью Одноглазки.

– Мне еще рано, – запротестовала я.

– «Еще рано» – это самый подходящий возраст для мужчины с моими вкусами, – согласился Мерден. Его палец попытался проникнуть дальше, но во время беседы я ухитрилась создать еще одну тряпичную преграду между ним и собою.

⁸ Катары (от греческого «Ratharos» – чистые) – еретическая секта XI–XIV вв. в Западной Европе, для которой характерно противопоставление двух начал: «доброе» (созданный Богом невидимый и единственно истинный мир) и «злого» (материальный мир, созданный Сатаной). Катары не признавали большинства церковных таинств, поклонения кресту и святым.

Поскольку это элегия, мне следовало бы разъяснить, что у Одноглазки, собственно, было два глаза, но она, бедняжка, всегда смотрела лишь одним – пот вечно тек по ее лицу, ибо матушка предъявляла непомерные требования к чистоте и порядку в доме. Миловидная служанка – это последнее, что матушка могла бы терпеть под одной крышей со своим супругом, а единственный способ борьбы с красотой – это не давать ей продыху. (Мама была истинной еретичкой, по меньшей мере в том, что считала красоту работой дьявола.) Один глаз или два – ей предстояло закрыть их навеки, а покуда она не умерла, эти изверги дали ей массу поводов если уж не подмигивать, то по крайней мере мигать.

Именно в этот момент ублюдок попытался завоевать мое доверие. Защищающие мое целомудрие ткани были так крепко сшиты (по настоянию матушки и все остальные женщины нашего дома одевались подобным образом, дабы не вводить батюшку в искушение), что это чудовище де Монфор осознал наконец: ему придется либо позвать на помощь, о чем он и думать не хотел, поскольку только что имел счастье лицезреть своих головорезов в действии, либо изыскать иной способ освободить меня от юбки-другой. Он посмотрел на тело матушки, с которым, нехотя и лениво, как насытившиеся псы, еще забавлялась парочка негодяев, и взгляд его неожиданно смягчился.

– Конечно, мне бы следовало сжечь ее, – произнес Мерден. – Живьем и как должно, без всех этих фокусов, но я и рта не успел раскрыть, как мои люди убили ее. Она – благородная дама, и они сделали это, потому что испугались ее.

– Прикажите оставить тело в покое.

– До сих пор им не приходилось видеть благородных дам в таких подробностях, так что считай это знаком их уважения.

В то время как он собирался оказать те же почести мне, некоторые из его бандитов вспомнили, что пришло время выполнить свой долг. Они сунули бедную Одноглазку, вернее, то, что от нее осталось, в костер головой вперед, швырнув на нее кишки Виннимега, казавшиеся янтарным ожерельем или колбасным кругом. Огонь охватил ее волосы, которые вспыхнули, как охапка сена. Пока они горели, двое негодяев грызлись между ее ногами, потея от жара костра.

– Отлично, – рявкнул Мерден, прекратив шарить по мне своими мерзкими лапами. – Поджарьте их мозги, храбрецы мои. Они и есть средоточие ереси.

Он наградил меня отдававшим перцем поцелуем и прошептал:

– А может, мне в конце концов и не придется тебя жарить. – И громким голосом добавил: – Ты, наверное, уже зажарилась, детка, в своей дурацкой одежде?

Его люди разразились криками одобрения.

Не считая взлетевших на стропила кур, я единственная из всех обитателей нашего дома осталась в живых, и именно на меня устремились жадные взоры находившихся вокруг бандитов.

– Попробуй быть благоразумной, радость моя, даже если ты не хочешь быть вежливой. – Мерден опять перешел на шепот: – Транкавель ты лишь наполовину, а женщина – не меньше чем на две трети. Хотелось бы узнать, что ты сама думаешь по этому поводу?

Я решила не только не отвечать на этот вопрос, но и вообще хранить молчание. Матушка учила меня не разговаривать с чужими людьми, если она их мне не представляла. Может, мы и обменялись с ним парой слов, пока он держал меня за волосы или лез под юбки, но на вопросы его я отвечать не собиралась. Не на людях. Не при чужеземцах. Мне так часто влетало от матушки за подобные проступки, что держать язык за зубами оказалось на удивление просто.

Песнь безымянная ***В которой оргии продолжаются, покуда*** ***Дева не оказывается пред вратами Ада***

Мое сопротивление заставило Мердена побагроветь. Что бы ни встрепенулось в нем от моих телодвижений, доспехи, как я уже упоминала, висели на Ублюдке тяжким грузом. Я не раз видела, что происходит с жеребцами, когда кобылы холодно встречают их домогательства: восставшая было плоть опадает, причем времени на это нужно не больше, чем на то, чтобы сжечь короткую свечку; плоть же под кольчугой и столько-то не продержится.

Мужчин я толком и не видела, исключая тех, что протискивались ко мне поближе, но и они представляли перед моим затуманенным взором настолько нереальными, что казались множеством чертей с остроконечными хвостами и вилами. Самый голый из них умудрился не снять шлем с головы, а некоторые сбросили лишь кольчуги, не расставшись с поножами, – будь те из кожи или из железных колец.

Я не опускала глаз, чтобы определенные части этих скотов не оживились под взглядом молодой девушки и не поднялись так же быстро, как тесто на дрожжах.

Тем не менее, даже задрав подбородок повыше – назло Мердену, – я не могла не заметить шевеление плоти в волосах на животах мужчин. В отличие от женских, мужские тела покрывала густая шерсть, а на плоти некоторых я углядела следы крови, причем явно не собственной. Поначалу на мельнице было человек пятьдесят, батюшка сократил их количество, но подошли новые воины, и женщин на всех определенно не хватало. У мальчишек из заводи достало ума попрятаться, а как только бандиты наткнулись на батюшкино вино, они занялись, как я уже говорила, нашими овцами, козами и даже курами, причем проделывали с ними такое, что относящийся с почтением к животным и пище христианин не смог бы не только представить себе, но и поведать об этом не шепотом.

Эти чудовища не удовлетворялись женщиной как единым целым, даже если тело ее, расставшись с душой, находилось полностью в их власти, – нет, они копошились среди ее истерзаных останков и изливали свою похоть в рваную плоть и вывороченные внутренности. В матушкиных покоях обнаженная сущность крестового похода – гнусная и грязная от начала и до конца – предстала передо мною так же, как и значительное количество не менее обнаженных, гнусных и грязных крестоносцев. Все происходящее вызывало тошноту. Скоты, собравшиеся под нашей крышей, пререкались над половиной Колючки, почти изжаренной к тому времени, входили в тело несчастной Одноглазки по двое и по трое, используя даже пальцы мертвой девушки; дрались за то, чтобы провести руками вдоль матушкиного позвоночника или охладить ладони в сгибе ее колен, а потом погрузиться в тепло подмышки Констанс де Кулобр, – неужто в Париже не учат анатомии?

Вы можете подумать, что я слишком подробно останавливаюсь на этом кошмаре, фраза за фразой вскрывая суть происходящего, но умоляю вас, наберитесь терпения и помогите мне примириться с ее ужасом. Смотрите на сцены насилия – да не быть им больше никогда, – как на расписную вазу, разбившуюся в момент падения, но терпеливо и с болью воссозданную в повествовании тем, кто собирает ее кусок за куском, скрепляя их клеем расплавленных конских копыт или вязкой сосновой смолы.

Как же мой разум воспринял все творившееся? Однажды я видела, как молодая курица вышагивала по двору, ведя за собою дюжину своих только что вылупившихся цыплят, а за ними, сопя, следовала одна из наших свиней. Эта свинья, гроза птичьего двора, заглывала птенцов одного за другим. Жалобно пища, они попадали прямо к ней в желудок, пока не исчезли все до последнего и не начали перевариваться, все еще взывая к своей ничего не подо-

зревающей матери. Курочка обернулась, когда свинья схватила последнего цыпленка, как раз вовремя, чтобы услышать, как хруст и чавканье заглушили его писк. Шок не позволил бедной матери сразу помешаться с горя. Ее вселенная исчезла в катаклизме, и несчастной осталось лишь кружить на месте, изумленно оглядываясь. До конца жизни бедняжка так и не пришла в себя. Представьте, что эта курочка – я, но тогда я лишь видела это, а теперь переживаю все в одиночестве.

На этот раз пришел наш черед сыграть в куриц и цыплят; мои родители, я, наши служанки – все получили роли в этой игре. В каком спокойствии мы пребывали, в какой самонадеянности! Мы никогда не думали, что в наш мир могут ворваться свиньи – не домашние свинки, а целое стадо диких кабанов, чтобы выпить нашу кровь и растоптать нашу уютную жизнь своими острыми копытами.

Я позабыла про острые копыта наших убийц чуть ли не в тот самый миг, как увидела их в действии, – от ужасов, творящихся вокруг, разум наш спасает себя лишь благодатным забвением. Кабаны и свиньи, как выясняют крестьянские дети, на свою беду оказавшиеся в гуще стада, – это не знающие пощады клыкастые челюсти и безжалостные копыта. Крестonosцы оказались ничуть не лучше.

Они столпились вокруг Мердена де Монфора, предлагая в помощь острые копыта, если это может помочь ему справиться со мною, тем самым напомнив мне о том, что разум мой отказывался осознать, справедливо выделив как самый жуткий кошмар, наполнивший эти последние минуты.

Колючка, Одноглазка и Констанс де Кулобр были замучены и погублены в лучших традициях этих извергов и палачей, но ни одну из них не лишили жизни с таким звериным безразличием, как Мари-Виз. С остальными обошлись так, как могли бы ожидать женщины, оказавшиеся в подобных обстоятельствах, – то есть практически как с животными, попавшими на бойню, но тем не менее как с живыми тварями. Удар кинжалом, вышибание мозгов, удушение – все это иллюстрирует насущную необходимость лишить жертву жизни, которой та обладает, прежде чем отдать ее на потеху мучителям.

С Мари-Биз они и этим себя не утрудили. Одни носили башмаки, подбитые железом, другие – на деревянной подошве, третьи – какие-то сапоги для верховой езды. Никто, я полагаю, не носил полосок стали ниже щиколоток, что как раз входило в моду, и только у Мердена были новые кольчужные чулки. Снять обувь при общении с Мари этим скотам и в голову не пришло. Четверка за четверкой они творили свое гнусное дело среди навоза, на забрызганных кровью камышовых циновках, и на этот раз им удавалось обходиться без ссор. В то время как один насиловал ее, двое держали Мари за ноги, третий – одной ногой стоял на ее голове, а другой – на шее. Затем следовал шаг вниз, шаг вверх, и роли менялись. Я думаю, что Мари умерла очень быстро, но они и не заметили этого.

– Старая развалина! – фыркнул Мерден, увидев, что жизнь покинула ее, как покинула уже и Констанс де Кулобр, которая вообще не выносила, чтобы какие-нибудь ноги находились в непосредственной близости от нее, тем более если они принадлежали мужчине. – Старая развалина, – повторил мой властелин. – Эти малышки из Сен-Тибери слишком зажились на свете – все, кроме тебя, неугомонная моя.

Мари-Биз и действительно была самой старшей среди нас, старше, чем мадемуазель из Кулобра: в свои тридцать четыре она на год отставала от почтенного возраста матушки. Таким образом, можно считать, что она умерла от старости, если наряду с этим допустить, что мужчина, вставший на твой рот или на повернутую вбок голову, в немалой мере ускоряет процесс дряхления. Бедная Мари-Биз! Кухарки должны быть впереди своих лет, потому что в их горшках нет места для завтра, – там лишь тысячи воспоминаний минувших дней: бобы к прошлому Рождеству; дикий чеснок, все еще свежий с пасхальной недели; бабушкин секрет добавления меда в белый пряный соус; уксус для маринования свинины и сопутствующее этому стихотво-

рение, в котором каждому кусочку посвящалась отдельная строфа. Мари не являлась исключением. Когда она пришла к нам, у нее и имени-то не было – лишь дурацкое прозвище Каракатица. Матушка сочла его совершенно неподходящим для кухарки в своем доме, и батюшке пришлось окрестить девушку Мари – в честь святой Марии Магдалины, прибавив к имени словечко «Биз», что означает «поцелуй». Если матушка оказывалась поблизости, «Биз» значило «холодный ветер». Батюшка утверждал, что оно действительно могло иметь и этот смысл, но только не рядом с ним, ибо близость батюшки никого не оставляла холодным. И вот ее больше нет. Даже самый пьяный из ее палачей понимал, что она умерла. В живых не осталось никого, а тела не окоченели лишь благодаря жарко горящему огню. Пресытившись насильем, эти, с позволения сказать, воины стали играть мертвыми телами, как тряпичными куклами, перебрасывая их туда-сюда, подпирая одно тело другим и издевательски гогоча, когда те падали. Они нарядили останки в обрывки платьев и тряпок, которые сумели отыскать, и украсили камышом и перьями. Обуглившееся тело Колючки они использовали как подпорку для груди истекающей кровью плоти, плоти моих подруг, служанок нашей семьи, которые лежали в куче, как фазаны, набитые удачливым лучником. Прогоревшая насквозь Колючка сломалась, но зрелище это отбило аппетит лишь мне одной, – подонки продолжали забавляться.

В своих развлечениях они дошли до того, что усадили на место матушки ее тело, начинающее костенеть, напялив на него какую-то одежку и украшения, вытасканные из ее корзины. На матушке болталась накидка, разорванная сверху донизу – они не хотели лишиться себя повода посмеяться, – а капюшон ее спускался на лицо, скрывая молчаливое презрение, ибо глаза матушки были открыты, а этим подросткам в мужском обличье не хотелось чувствовать на себе ее взгляд, надменный даже в смерти.

Потом в дом отовсюду слетелись мухи и прочая нечисть, если только эти негодяи сами не превратились в мерзких кровососов. Нет, вихрящиеся в танце радужно-зеленые навозные мухи и жирные янтарные оводы с побережья не были оборотнями.

Как же быстро донеслась до них весть о нас, но плоть есть плоть, и не важно, чья она – женская или беличья. Она могла быть моей или кобылы в родовых схватках – мухи не видели разницы. Эти невоспитанные недоумки распахнули двери настежь, и запах крови растекался по всей округе. Он привлек ворон, которые сперва скромно усаживались на стропила, а потом мягко слетали с них, чтобы выклевать глаза, столь дорогие моему сердцу. До этого я никогда не видала в доме ни ворон, ни сорок, ни галок. Они – враги живых и проклятье для мертвых.

Мухи донимали и кусали эту пьяную ораву и, естественно, восторга не вызывали. Зато вороны прилипли всем явно по душе – негодяи распевали песенку про них, каркали во весь голос и кривлялись в вороньей пляске. Взмахивая руками, как крыльями, а потом вместе с воронами терзали тела, допившись до того, что не могли больше танцевать. Потом, как мне кажется, они пели про ворон, называя их воронами, что для меня одно и то же, как, впрочем, и грачи и галки, – слишком уж похожи на проклятия пронзительные крики этих птиц.

Вы спросите, каким образом пятьдесят человек могут беспрепятственно сотворить столько зла? Я открою вам простую истину. Для наших мест пятьдесят человек – это целая армия, особенно если они берутся за дело трезвыми. Пятьдесят человек, не упившихся до того, чтобы вываливаться из седел, могли бы завоевать даже Тулузу, займись они этим в праздник или даже после полуденной трапезы. Никто бы и не проснулся, чтобы остановить их, вернее, никто, кроме женщин, да и те вскоре поняли бы, что лучше им не вмешиваться в дела мужчин, разъезжающих в стальных шлемах с факелами в руках. То, что произошло в Сен-Тибери среди бела дня, явилось прекрасной иллюстрацией к вышесказанному. Но это – далеко не все, что судьба уготовила мне, и захвативший меня Ублюдок сгорал от нетерпения продолжить урок.

Для того чтобы утихомирить раскаленных насильем мерзавцев, требуется не только хитрость, но и сила воли, но, должно быть, выродец решил, что момент назрел. До этого он лишь нашептывал мне на ухо – теперь же голос его зазвучал во всю силу:

– Прекрасно, храбрецы мои, отлично сработано.

Ни один не ответил ему или не собирался отвечать. Храбрецы уже накаркались до умопомрачения, и вино не умещалось в их желудках.

– Что-то я проголодался, глядя на вас, люди из Медона и с островов. А теперь уходите отсюда – де Монфор желает попить в одиночестве.

Он держал меня сзади за плечи, выгнув их к себе, как будто собирался переломить меня, словно цыпленка перед завтраком.

– Если кто-нибудь еще не насытился, то займитесь делом немедленно, до того как мы начнем резать глотки. – Ему, видимо, нравилось резать глотки, даже если они давно перерезаны, а их обладатели – мертвы. – Мы искореним ересь чуть позже, когда разожжем огонь или раздуем тот, что уже есть. – Он показал на горящую лошадь и на обугленную Колючку. – Что до остального, то идите и попоите лошадей какое-то время. В общем, займите себя чем-нибудь. – Он подбодрил меня большими пальцами рук. – А пока ни слова моим братьям или еще кому-нибудь. Возможно, я останусь здесь до утра, если это придется мне по вкусу.

От слов его я слегка приободрилась, и слабый луч надежды блеснул в моей душе. Если эти мерзавцы оставят нас вдвоем, мне, быть может, удастся удрать. Он, конечно, сильнее меня, но наступит миг, когда ему придется ослабить свою хватку, – ведь даже звери меняют позы, даже кабаны со свиньями и козлы с козами.

В чистом поле мне бы не удалось удрать от всадников, а вот на мельнице я без труда спрячусь от них. Даже если они и подожгут ее – а это уж наверняка произойдет, – я притаюсь у колеса под потоком воды, где буду в полной безопасности. Лишь бы только бандиты не ослушались своего главаря и ушли.

Однако уходить они не торопились. Почувствовав вождение, мужчины стремятся удовлетворить его как можно скорее; попытка же оторвать их от этого дела занимает гораздо больше времени, чем само дело. Эти не двинулись с места, облизывая губы и размышляя, нельзя ли поймать еще что-нибудь, пусть даже с мертвых. Они ничего не говорили, но мысли их без труда читались по глазам. Наступит ли минута, когда и им разрешат позабавиться со мной?

Я старалась не терять головы. Здесь, в матушкиной комнате, я стояла на пороге Чистилища, у самых врат Ада. Дым смешивался с отвратительным запахом паленых копыт, горячей плоти – человеческой и лошадиной, внутренностей, крови, вороньего помета, а мухи роились над мертвыми телами такими тучами, что издали казались клубами ладана, – покуда не обдавали меня мертвой водою, с жужжанием проносясь мимо.

Высокий малый со спущенными рукавами отделился от хороводящихся вокруг мертвых тел. Лицо его было вытянутым, а нос – крючковатым, как клювы тех ворон, среди которых он кривлялся. Облизнувшись, стараясь достать языком как можно дальше, он хихикнул и выпалил:

– Вы – наш предводитель, лорд Мерден, наш хозяин и единственный командир. Среди нас нет ни одного воина, который мог бы осмелиться оспорить ваше право на эту маленькую язычницу, будь он простого звания или благородного происхождения.

Гула одобрения я не услышала – все явно ждали продолжения, напоминая мне зевак, внимающих зазывалам на ярмарке в попытке оценить остроумие их прибауток.

– Вы – наш вождь, вам и вести нас. Покажите, как это делать с девчонкой, милорд. Нацельте на нее свое оружие и научите нас пользоваться им по-благородному.

Остальные разразились криками одобрения.

– Ойль! – орали они на своем безобразном диалекте.

– Ой! Ойль! Вы – первый, милорд, а мы – за вами. Ее головка не так прочна, чтобы на ней стоять, – продолжал этот негодяй, – но мы готовы помочь и как-нибудь по-другому, вы только скажите. Ее плечики так и просят, чтобы их придавили к земле, а ручки и ножки – чтобы за них держали.

Раздавшееся в ответ ойканье, ойльканье и уиканье надо было слышать. Мною словно торговали на пиратском невольничьем рынке.

– Эта малышка – дочь благородной дамы, – заявил Мерден, – а если присмотреться, не такая она и малышка. Вы, мерзавцы, лишили меня возможности получить выкуп за ее мать, так что девчонка – моя. Мне с ней забавляться, мне и выкуп получить.

– Ваша – до утра, милорд! – выкрикнул какой-то малый с куриными ногами. – Быть первым – ваше право, а мы разыграем то, что останется.

– На палочках или соломинках, Мерден, длинных или коротких. Полюбujemy, как возьмешь ее ты, а затем...

– Затем придет и наш черед поскакать! А уж потом ты можешь получить выкуп за то, что от нее останется.

– А может, вы, благородные, и не знаете, как это делать с дамой?

Здесь они просто покатались со смеху.

– Это проще, чем с мальчиком, милорд. В том случае, если знать, что искать.

Дерзость говорившего вывела Мердена из себя. Он отпустил меня и так врезал наглецу, что тот покатился кубарем, а лицо его лопнуло от носа до уха.

Но утихомирить дружков оказалось не так-то просто. Один из них, тот самый, как мне показалось, с клювом вместо носа, который и начал все это, подскочил ко мне, вынуждая лорда Мердена вновь в меня вцепиться. Пялясь на меня так, что я смутилась, он содрал с себя одежду, обнажив при этом густые заросли волос, из которых, как голова и шея индюка из пары, торчало гнусное олицетворение его скотства. На вид эта штука казалась стертой и липкой, цвет ее включал все оттенки розового, за исключением тех мест, где она испачкалась ржавчиной от кольчуги – а может, ее покрывали веснушки, – и создавалось впечатление, что вся она чувствует себя так же неловко, как индюк, до которого наконец-то дошло, что его ощипали до последнего перышка.

Эта мерзость приближалась ко мне, сопя и плюясь, покуда Мерден не замахнулся на нее боевой перчаткой, после чего она потащила своего владельца к куче мертвых тел и нырнула в Констанс де Кулобр, которая лежала на самом верху. Вдруг мутные глаза Констанс открылись, затем открылся рот, а из него, как будто собираясь закулдыкать, полезла эта окровавленная шея или, по крайней мере, гребешок и борода, и пока я поняла, что вижу язык Констанс, который, конечно, не в состоянии был произнести ни звука, я чуть с ума не сошла.

– Вы устыдили меня, храбрецы мои, – раздался голос Мердена. – Крестовый поход идет довольно медленно, а вы рветесь вперед. Вы не хотите, чтобы я отстал от вас, и, клянусь Девой Марией, так мы и поскачем – бок о бок и стремя в стремя, – я бы не сказал лишь: щека к щеке, потому что вы – гнусная шайка негодяев. Но сперва дайте Мердену шанс последовать примеру вон того малого, ибо сейчас я не вижу ничего, кроме его зада и яиц.

Речь Ублюдка заставила их закивать, потом засмеяться, а настоящие вопли одобрения он вызвал, когда поставил перед ними меня, сказав следующее:

– Вы хотите увидеть над ней мою раскачивающуюся задницу? Так вы ее увидите. Освободите нам местечко, и пусть кто-нибудь поможет мне расстегнуть кольчугу, в то время как остальные сдерут с девчонки одежду.

Восторженный вопль, последовавший за этими словами, распугал всю оставшуюся живность: куры слетели со стропил, те немногие лошади, которые еще не паслись на привязи снаружи, разбежались, а все вороны исчезли в мгновение ока. Что до мух, то я не обращала на них внимания – мне было не до того. Грязным лапам этих убийц на себе я предпочла бы слепней и испражнения, но лапы уже всю шарили по моему телу. Они же срывали одежды с остальных женщин, почему бы не сделать то же и со мной?

С того самого момента единственное, что оставалось мне, – это молчание. От мысли, что я наконец-то в их распоряжении, у некоторых, осмелюсь сказать, перехватило дыхание. Так

или иначе, кричат-то обычно женщины, а я не собиралась этого делать, в чем и преуспела. Помню, в голове у меня вертелась одна-единственная мысль, да и та совершенно идиотская: я задавала себе вопрос, почему соседи не спешат мне на помощь, – ведь к этой минуте они должны знать, что происходит. С тех пор я стала свидетельницей многих случаев наподобие этого и, конечно, вполне могу ответить, почему соседи никогда не придут на помощь, даже если женщины отчаянно кричат, а животные мечутся по полям. Соседи могут перевязать раны или похоронить, но им и в голову не придет отправиться в Ад с тобой заодно.

Я же оказалась в аду. Я уже говорила, что не только домашние птицы, но и те, другие – предвестницы несчастья, разлетелись от воплей вцепившихся в меня мерзавцев. Часть моей одежды тоже слетела, ибо я вдруг обнаружила, что руки мои оголены, и почувствовала сквозняк по спине и холод под ложечкой. Я задыхалась от борьбы, вырываясь и стараясь не закричать.

Соседи все еще не подспели...

Песнь сопутствующая

В которой восседающий на коне Призрак выхватывает Деву из пламени, а Немой и Горбун вселяют в нее надежду

Люди Мердена не торопясь раздели меня почти донага, оставив лишь пару тряпок, но и в них я чувствовала себя абсолютно голой. Матушка часто говорила, что если женщина не одета полностью, то она – ничто.

Я была ничем и старалась делать вид, что это не так, как вдруг руки негодяев Мердена оставили мое тело, прекратив дергать меня за конечности и стягивать остатки одежды, в результате чего я шлепнулась на пол.

Поднявшись, я поняла, что им помешал звук, казавшийся предупреждением, которое они слышали раньше, но не могли узнать. Бандиты съежились от страха и замерли, как чувствующие приближение опасности крысы возле несущки, пусть даже теплое, готовое к съедению яйцо уже прижато к животу.

Скрипело колесо, в водотоке лопались пузыри, снаружи журчала вода: природа плевать хотела, живы мы или умерли. Звук раздался вновь – на этот раз поближе, и от него веяло таким холодом, что кровь стыла в жилах. Кто-то играл на свирели, но я не назвала бы это мелодией. Бессмысленный набор пронзительных звуков мог быть разве что песнью Пана или призывом Чертова пастуха, что приводит стада в неистовство. Из простой камышовой дудочки подобных трелей не извлечь. Звуки такой силы могли родиться лишь в инструменте, выдолбленном из цельной древесины и представляющем собой нечто среднее между трубой и волынкой.

Бандиты отступили от меня. Подобрав мечи, они уставились на Мердена, ожидая его приказа. Тот схватил меня за запястье, и в этот момент дверь резко распахнулась.

В помещение въехал некто, гордо восседающий на лошади, за которой следовали его пешие спутники.

При виде всадника люди Мердена разинули рты, по крайней мере те из его бандюг, кто не стоял против солнца. Мне же он казался лишь тенью на ослепительно ярком фоне.

Когда всадник пошевелился, я увидела мужчину из камня, нет, из кованого железа. Он сидел на покрытом чепраком боевом коне, а гладкий шлем, начинающийся от самых плеч, закрывал и лицо, и волосы, и уши. Прорези для глаз казались пустыми, отверстий для дыхания я не заметила, – конь дышал и за себя и, видимо, за своего седока, дышал со странным сухим присвистом, напоминающим звук, что сопровождает змею, ползущую по соломе. Плащ, украшенный испанским крестом, ниспадал с плеч всадника, такой же крест был вышит на чепраке лошади. Обнаженный меч он держал не за рукоять, а за лезвие, выставив его перед собой как распятие, причем так уничижено, словно явился сдавать Господу Богу царство Сатаны.

– А, – произнес Мерден, – крестоносец!

Все оставались в том же напряжении. Те двое, что сопровождали Призрака, выступили вперед. Один из них был высоким, но обезобразивший плечо горб скривил его на сторону. Горбун стоял, опираясь на палку. Второй в сравнении со своим товарищем выглядел маленьким, худощавым, гладколицым и изящным, как какой-нибудь содомит или гермафродит. Его пальцы бегали по свирели, – дьявольскую мелодию сыграл именно он.

Люди Мердена двинулись было вперед, но тотчас отступили – уж слишком странное впечатление производил всадник.

– В твоих руках – прекрасная девушка, и, без сомнения, она – чья-то дочь.

Ублюдок рассмеялся и зарылся лицом в мои волосы.

– Я собираюсь зажарить ее. Не хочешь составить мне компанию?

– Жарь тех, что ты уже убил. С появлением мух резню нужно прекращать.

- Мои парни подготовили мясо, осталось лишь насадить его на вертел.
- Я предлагаю купить его у тебя.

Из-за спины железный всадник достал мешочек, который выглядел очень тяжелым и плотно набитым.

- Чем ты заплатишь за нее? Золотом дьявола?

– Некоторые говорят, что все золото принадлежит дьяволу. А я скажу, что это – ересь, за которую дураки будут сожжены.

– Я здесь – в крестовом походе. – Как бы делая наглядным это заявление, ублюдок облапал меня со всех сторон. – А вовсе не для того, чтобы обсуждать теологические вопросы.

– Какая трогательная исповедь! – заметил Железнодорожник. – А не хочешь ли исповедаться моему мечу?

Люди Мердена расправились с моей матушкой быстрее быстрого; на этот раз они отступали гораздо скорее, чем могли приступить, – Горбун опирался вовсе не на палку, а на длинный лук.

Мерден досадливо поморщился. Он не мог проигнорировать вызов, брошенный в присутствии его людей, а их нерешительность привела выродка в негодование. Не то мешочек с золотом оказался чересчур тяжел, не то Железнодорожник – слишком слаб, чтобы метнуть его, – он упал на землю прямо к ногам лошади рыцаря.

– Сразимся за эту женщину, – предложил всадник. – Я не думаю, что нужно биться насмерть, она того не стоит. Если я выйду победителем, то заберу ее с собой; если же я проиграю, делай с ней что хочешь, а золото – твое при любом исходе.

– Пустит ли дьявол кровь Мердену или Мерден – дьяволу, мы все равно ее удержим, – раздался чей-то голос. – И долго она не продержится!

Я не представляла себе, как Железнодорожник собирается вырвать меня из лап этой своры, если ему неподвластны дьявольские силы.

Мерден сладострастно прижался ко мне, а затем приказал привести ему коня.

- Я бастард⁹ де Монфор, – объявил он. – А ты кто таков?

– Тебя также зовут Дерьмовой Харей, – отвечивал железный человек. – Удовольствуйся тем, что я называюсь Тот, Который Приносит Золото.

- Чем ты собираешься сражаться?

– Я буду биться этим крестом. – Он перевернул меч и крепко сжал рукоять.

- Тогда он окажется слишком тупым оружием.

Мерден отпустил меня и, не потрудившись даже вооружиться, вскочил на коня, которого уже подвели, и, пришпорив его, врезался в лошадь своего соперника, который едва не вылетел из седла, не ожидая подобного нападения. После этого Мерден, хохоча, вернулся за шлемом и мечом, в которых практически не нуждался, – сила столкновения заставила ноги Железнодорожника взметнуться: металл вошел в металл немного выше бедра, и рыцарь содрогнулся всем телом. Возникший из преисподней, он чувствовал боль, как и мы, смертные.

Не давая противнику опомниться, Мерден развернулся и нанес ему страшный удар по голове. Меч и шлем грохнули в унисон с ужасающей силой, – думаю, что и колокола собора в Безье вряд ли звучали когда-нибудь так громко в честь Ля-Мадлен.

- Ни ноги, ни голова, – засмеялся Железнодорожник. – Мое сердце ты найдешь здесь.

Он протянул руку с крестом, Мерден ударил по ней, и железный рыцарь снова засмеялся.

От его голоса меня бросало в дрожь. Он тонул в доспехах всадника и выходил не из шлема, а из их металлического чрева, создавая впечатление совершенной его пустоты. Может ли Сатана носить крест? Да, может, и носит. Я видела сие много раз и слышала, как при этом

⁹ Бастард – титул, дававшийся внебрачным детям крупных феодалов, признанным отцом и получившим дворянство и собственные владения.

его называют священником и кардиналом. Я бы не сказала, что крест рыцаря – настоящий, скорее, он представлял собой странный испанский символ. Всадник держал его с некоторым пренебрежением, да и меч, который, по сути дела, представлял собой еще один крест, выглядел в его руках довольно неуклюже, как будто рыцарь с трудом заставлял себя касаться его. Допустим, он победит и получит меня? Будет ли душа моя в большей безопасности в его руках, чем мое тело в руках Мердена де Монфора?

Схватка все продолжалась: зло сражалось с пороком, похоть – с ущербностью. Голова у меня закружилась, и я пошатнулась. Мне стало дурно от неистовства их ударов и ледящего душу визга лошадей, от попыток Мердена противопоставить закованному в железо призраку свою искусность в бою. Бились они без правил, бились беспощадно, и, что бы там ни предлагал Железнодорожник, они бились насмерть. Я, правда, думала, что для него смерть не существует, – он просто-напросто растворится в воздухе, в своем смехе, который становился все громче и громче.

Де Монфор сражался без щита, впрочем, он в щите и не нуждался. Развернувшись, Ублюдок подхватил меня и прижал, полуобнаженную, к своему стремени, видимо опасаясь, что его бандиты посягнут на мою честь. Он поднял меня и положил поперек седла, но я вырывалась изо всех сил, страшась меча Железнодорожника. Мерден пытался удержать меня, хватаясь за что попало: за руку, за грудь, за талию, за волосы... Железнодорожник не наносил ударов вблизи меня, а Мерден не мог толком взмахнуть мечом. Когда он отпустил меня, я едва дышала от страха.

Матушкина комната изначально служила зернохранилищем, по размеру близким к тем, что бывают в больших домах или замках. В прежние времена сюда втаскивали медведей, в кругу проводились петушиные бои, стравливались собаки. Места вполне хватало и для круживших лошадей, и для стоящих вокруг воинов. Высокий потолок позволял сражающимся вертеть мечами над головой, а если они сбивали наземь гнезда, из которых летели перья и яйца, то обстановку это не разряжало.

Таким образом, мы слышали звон стали, проклятия (со стороны Мердена), стук копыт, ударяющих то в камень, то в камыш, а то и в дорогую мне плоть. И конечно, в такие моменты лошади всегда испражняются, – ведь им все равно: что смерть, что свадьба. Интересно, заметят ли их когда-нибудь на более деликатные средства передвижения? Неудивительно, что этот Железнодорожник смеялся, правда не издеваясь, а явно забавляясь ситуацией. Мерден проклинал соперника – жуткие ругательства невозможно передать на письме. В то время как он изрыгал проклятия, железный рыцарь обращался к нему очень доброжелательно, подбадривал, желая ему победы, посмеивался, а потом снова подзадоривал противника своим исчезающим шепотом.

Мерден в помощи не нуждался, поскольку силы покидали как раз тело Железнодорожника, если, конечно, у него было тело, и именно его меч слабеет под ударами, несмотря на дьявольскую сущность его владельца.

Сущность всадника не могла не быть дьявольской. Он подал знак своим иззубренным мечом, и меньший из сопровождающих его стал вновь играть на дьявольской свирели мелодию, не известную никому. В ней звучали и тревога лошадей, и лязг железа, и режущая слух тема смерти, которая велась с самого начала. Маленький содомит играл не победную песнь – он играл реквием.

Как бы Железнодорожник ни паясничал, пользы ему это не приносило, по крайней мере в жестоком мире людей, к которому принадлежал Мерден. Тому становилось все легче и легче отбивать меч Железнодорожника.

– А ты слабоват для дьявола.

– Мой опыт в злых деяниях гораздо скуднее твоего.

На этот раз хохотнул де Монфор. Он стал играть с Железником, выискивая бреши в его защите, перед тем как нанести смертельный удар. Но смех из металлического чрева его противника не прекращался. Щитом рыцарь прикрывал тело, а мечом отражал удары сверху. Благодаря этому жизненно важные органы, если они у него имелись, были надежно защищены. Но вот легкое ранение он мог и получить.

– По ногам, – крикнул Мердену один из его воинов. – Рубаните его по ногам!

От их глаз тоже не укрылось, что ноги Железника чувствуют боль. Люди рыцаря мрачно ухмылялись, а музыка продолжала звучать.

Их самонадеянность казалась идиотской. Странно торчащие ноги их господина просто сами напрашивались на удар. Он не мог прикрыть их щитом, так как держал его слишком высоко, а надежно защитить левую сторону мечом, который держишь в правой руке, не так-то просто. Он ничего не делал, лишь кружил, смеялся и с каждой минутой все хуже держался в седле. Он сидел на лошади не как мужчина, – если, конечно, считать, что до этого он сидел как таковой, – а растопырив ноги, подобно калеке, и напоминал увеченную старуху, раскачивающуюся на табуретке.

Что же являлось причиной: дьявольский обман или потеря жизненных сил?

Мерден не задавал вопросов, – он родился бойцом, и выхватил бы жабу из пасти Сатаны, разинь тот рот на него. Он сделал вид, что замахивается для удара сверху, а сам обрушил меч на ногу Железника, отрубив ее по колено.

Жуткий обрубок, заключенный в доспехи, повис на единственной заклепке. Плоть, вероятно, была полностью отрублена, – кровь, хлынувшая из мяса, смешивалась с мозгом из кости, и столько крови я не видела за весь этот день.

Люди Мердена возликовали, а потом примолкли, – Железник хохотал над происшедшим, и в его смехе никто не услышал и нотки боли. Кровь все еще текла из культи, но его голос по-прежнему весело звучал из-под доспехов, как будто нет на свете более естественной вещи, чем лишиться части себя подобным образом.

Мердену и раньше приходилось видеть отрубленные конечности, и ему нравилось это зрелище. Ублюдок направил лошадь дьяволу в бок и изготовился для удара в шею, но в это мгновение конь де Монфора неожиданно встал на дыбы и, сбросив его на землю, рухнул сверху, наполовину прикрыв его. Стрела, ударившая с быстротой молнии, пронзила мозг животного. Флейтист же снова взвел один из тех итальянских арбалетов, которые теперь называют самострелами. Бог знает, откуда взялось это оружие, если только не из горба его приятеля.

Мерден вскочил на ноги, – спешенный или нет, он намеревался покончить со своим врагом. Выхватив у кого-то из-за пояса кинжал не длиннее гвоздя, которыми кузнецы подковывают лошадей, он бросился к Железнику, нацелившись ему в пах.

Итак, меня спасали колдуны и демоны. Железный рыцарь обломал последнюю заклепку у колена, схватил свою обрубленную ногу, закованную в металл, и ею нанес Ублюдку сокрушительный удар по голове. После этого он врезался в толпу людей Мердена, топча живых и мертвых, разметая золу и тлеющие угли, а потом развернулся и, поднявшись на стремянах, погнался в страну забвения, обрушивая на них со всего размаха свою окровавленную ногу.

При виде безликого всадника, колотящего их своей отрубленной ногой, нервы у бандитов не выдержали. Кровь же, летящая во все стороны, доконала их окончательно, – она казалась горячее матушкиной похлебки и более едкой, чем кровь дракона; она жгла им глаза и разъедала лица. Крестоносцы бросились врассыпную, но попали из огня да в полымя.

Для того чтобы полсотни человек могли выскочить из дома, пусть даже в нем сплошные двери, требуется некоторое время. За это время Горбун со своим длинным луком и колчаном, полным стрел, истребил их почти поголовно. Он просто натягивал тетиву и не целясь пускал стрелу, натягивал и вновь пускал, – ведь лук – не арбалет, и его не нужно взводить. Не терзаясь угрызениями совести, Горбун посылал свои стрелы в спины и зады бандитов, чем отомстил за

гибель моих родителей. Если вам кажется, что кольчуга – это надежная защита, то посмотрели бы вы, что творят с ней тисовые стрелы, изготовленные мастером своего дела. Люди Мердена десятками корчились – оперение стрел Горбуна торчало из их спин, а наконечники впились им во внутренности.

Мерден не погиб, как большинство его людей. Он ускользнул вместе с теми, кому посчастливилось спастись бегством, несмотря на удар, оставивший вмятину на его шлеме. Я обрадовалась, не найдя выродка, – железный дьявол велел мне лишиться Мердена его мужского орудия его же собственным кинжалом. Он сказал, что впоследствии мне не придется жалеть о содеянном, хотя осуществление этого, скорее всего, вызовет чувство гадливости и отвращения. Так представлял себе мечь Железноликий, а он был существом, не имевшим ни ноги, ни сердца, ни человеческой головы.

Вот мы и остались одни – я и мои спасители из преисподней, – в доме, напоминающем сейчас переполненный трупами склеп. Родные мои спали вечным сном, а враги стонали и бились в последних судорогах, пуская кровавые пузыри. Железный всадник расхохотался. Он осматривал свою культю, а Горбун с кинжалом в руке бродил по матушкиной комнате и вырезал стрелы из спин бандитов. Если зазубренный наконечник не позволял выдернуть стрелу, он вытаскивал ее наружу, протыкая тела насквозь. Запах свежей крови разбудил мух, а мухи на ранах врага – не менее тошнотворны, чем на твоих собственных.

Возможно, я заметалась бы как сумасшедшая, стала бы кричать во весь голос или уж по крайней мере причитать, но маленький содомит тихонько подошел ко мне, нежно промычал что-то на ухо и обнял меня. Это милое немое чудовище обладало изяществом кошки, и я почувствовала биение теплой крови под его кожей.

Затем подошел Горбун и тоже крепко обнял меня, не выпуская стрел из окровавленных рук.

– Мы – твои друзья, – хриплым голосом проворчал он, – можешь в этом не сомневаться.

Он встряхнул свои пропитанные кровью стрелы. Как и Немого, его прикрывал капюшон, а еще Горбун носил бороду. Капюшон затенял его лицо, и мне удалось разглядеть лишь то, что оно очень худое. Избегая моего взгляда, он извинился за жуткие сувениры.

– Мне пришлось собрать их, – объяснил он. – Обычные стрелы, оперенные гусиными перьями, я бы оставил, но эти красавцы летят на совиных, взятых из самых кончиков крыльев. Они оперены тишиной для стрельбы по ночам.

Он поцеловал меня, коснувшись бородой, мягкой, как весенние сережки на деревьях. Поцелуй его ничем не отличался от человеческого.

Их поддержка приободрила меня. Железноликий поднял упавший обрубок своей ноги, заключенный в броню, и, заглянув внутрь, припал к краю и отпил немного крови.

– Благороднейший виноград, – хмыкнул рыцарь. – Урожай того самого лета, когда я появился на свет из материнского чрева. Жаль, что такое сладкое вино пропадает попусту.

Он приладил ногу к культе или, точнее сказать, прикрепил ее железную оболочку к коленному шарниру, несмотря на вмятину на ней.

– Ну ладно, смельчаки, – снова хмыкнул он. – Теперь я поскачу несколько облегченным с левой стороны. Но лорд Ферблан отращивает свой хвост, как ящерица.

Голос Железноликого звучал теперь мягче и вроде бы не совсем из утробы, но от его близости сердце мое все равно колотилось от ужаса. Когда обыкновенные мужчины теряют конечность, они лежат в постели по крайней мере до тех пор, пока не пройдет лихорадка.

– Доверься нам, – обратился он ко мне. Голос рыцаря звучал добросердечно, но исходил из его железных глубин. – Доказательство своего доверия ты получишь, когда увидишь, что доверилась тем, кто этого заслуживает. И нет надежнее такого доказательства.

– Эти крестоносцы вернутся, – сказала я.

– Несколько десятков из них никогда не вернуться, поскольку уже находятся здесь. А что до остальных, то я так не думаю. Они вряд ли станут хвастаться тем, что сбежали от железного дьявола и свиты его демонов, а чтобы рассказать о своем героизме в схватке со мной, им придется поведать и о насилии, учиненном над твоими родителями. Полагаю, что великан – это твой отец, а благородное олицетворение наготы – та телесная колыбель, в которой тебя и выносили? – Он указал на матушкино тело, которое распознал по нежной коже ее рук.

В это мгновение мне следовало бы разрыдаться. В то время как я пыталась заплакать, безногое железное существо, только что спасшее мне жизнь, пыталось утешить меня. Когда рыцарь обнял меня железными ручищами и прижал к своей железной груди, я чувствовала себя попавшей между молотом и наковальней. Когда он шептал мне на ухо, то в шепоте его отсутствовали жизнь и дыхание. Настоящим казался лишь крест, да и он, как, впрочем, и акцент Железноликого, был испанским.

Тем временем Немой и Горбун взяли лопату и мотыгу, которые вследствие особенностей батюшкиного пищеварения всегда стояли рядом с задней дверью. Я не смогла заставить себя присоединиться к ним и помочь. Не сделал этого и Железноликий – исчадие Ада и самозванный лорд Ферблан. Однако естественные надобности семерых обитателей нашего дома не позволили почве в огороде затвердеть, а к тому же существовал еще и заливной луг.

– Рано или поздно кто-нибудь да вернется. – Пустотелый рыцарь запел на другой лад. – Не эти бандиты, а войско, от которого они отбились, и когда убитых обнаружат, убийц тут же начнут разыскивать. Крестоносцы теперь везде и повсюду. Одни едят обед, другие готовят ужин, – все зависит от того, кто когда встал. Некоторые, несомненно, уже отошли ко сну, но так или иначе они заполнили все вокруг.

– В таком случае я должна бежать.

Под словом «бежать» я подразумевала «скакать верхом» и при этом отнюдь не имела в виду дамское седло.

– Думаю, что ты права, ибо отныне все они – твои враги.

– Осмелюсь спросить, Ферблан, а в чем ваша цель? Ваша цель здесь, если выразаться точнее.

– В стране живых? В Пезане я спасал людей от ведьм и колдунов.

– В долине Эро нет никаких ведьм.

– Отныне действительно нет, – согласился он. – И долго еще не будет. Когда крестовый поход обретет размах, людей как таковых останется не так уж много.

Горбун и Немой, вернувшись, сложили свои инструменты так тихо, словно сами жили в нашем доме и использовали их для своих естественных надобностей.

– Мы похоронили ее родителей на чесночной грядке, – сказал Горбун, – а служанок – там и сям среди бобов. – Его голос звучал хрипло, словно он сорвал горло. – Земля мягкая, а вот глубина небольшая. Чеснок отпугнет злых духов; собаки же – совсем другое дело...

Мне очень хотелось заплакать, но я никак не могла. Немой прикоснулся к моему лицу, и тут слезы хлынули из глаз. Он продолжал дотрагиваться до меня, но я в этом больше не нуждалась. Его руки пахли розовой водой, несмотря на то, что он только что ковырялся в крови.

Железноликий подал знак вытащить тела людей Мердена наружу.

– Пусть лежат здесь легкой добычей для птиц, – сказал он. – А нам нужно убраться отсюда до того, как птицы раззвонят о нас по всей округе.

Перетаскивание двух десятков тел отнимает много времени. Пока его странные оруженосцы занимались этим, приспешник дьявола дружелюбно разглядывал меня, или, по крайней мере, мне казалось, что отверстия для глаз в его шлеме были сочувственно направлены в мою сторону, покуда он не проворчал:

– Поскольку уж мы говорим о телах, будь любезна прикрыть свое собственное.

Рыцарь Жестяные Ноги вождедел, а я сидела перед ним голая, как маленькая девочка.
– Считай, что тебе повезло, – хмыкнул этот Ферблан, – потому что за час ты узнала обо всех тех гнусностях, на которые способны мужчины.
– Слава богу, не на своем собственном опыте.
– Пока что, может быть, и не на своем.

Песнь вторая

В которой героиня видит девические сны, после чего, пробудившись в канаве, узревает спаривающихся лягушек

Я не хочу, по крайней мере сейчас, делиться с вами чувствами, охватившими меня в результате всего происшедшего, – уж слишком они горьки для того, чтобы предлагать их кому-то еще. Если и существовали какие-то реальные последствия смерти моих матушки и батюшки, а последствия эти, несомненно, существовали, то Железнодорожник и оба его спутника прилагали все усилия к тому, чтобы увезти меня от них.

– Мы должны ехать в Безье, – заявил Железнодорожник.

Он был не то демоном, не то еще каким-то исчадием Ада, и я не собиралась с легкостью соглашаться на предложение подобного существа, а потому поколебалась, прежде чем согласиться.

– Мой властелин выступал против этого крестового похода, – заметил рыцарь, как будто слова его могли все объяснить. – Поскольку его мнение не приняли во внимание, он поручил мне сообщать ему о развитии событий.

– Так вы служите одному из великих?

– Вне всякого сомнения.

– И которому же?

– Тому, чье имя не будет названо.

– Тогда назовите свое, поскольку Ферблан – прозвище, а вы, уж точно, никак не лорд.

– Я – история настолько запутанная, что в спешки и не поведать.

Больше я не слушала, – Ева, праматерь наша, вняла лживым речам незнакомца, и моя матушка предостерегала меня от подобной глупости. Я оделась быстро и тщательно соответствующим для путешествия образом, после чего сложила в сумку кое-какую одежду – получше той, что была на мне, и поскакала через луга за своими спутниками.

На Нано я сидела по-мужски, ибо как говорил мой батюшка: «Лошади вечно норвят спариться, а посему легче ездить на мерине. Как только они начинают громоздиться друг на друга, ты оказываешься в дурацком положении, сидя на жеребце, и в еще более дурацком – сидя на кобыле, в особенности по-дамски. Так что выбери кастрированного самца и будь уж с ним, беднягой, поласковой». Пользуясь возможностью, я скакала, как всегда высоко подоткнув нижнюю юбку и платье, не надев нательной рубашки, что сделала бы, отправляясь с визитом к людям с положением. Для того чтобы откровенность зрелища не смутила чужеземцев, я, подобно крестьянкам, накрутила на ноги обмотки, отличавшиеся от обыкновенных разве что количеством и качеством ткани. Они спускались ниже щиколоток и исчезали в башмаках. Я говорю «не смутило чужеземцев», имея в виду «не смутило врагов», поскольку наш народ привычен к таким вещам. Если кто-то из местных крестьян сможет позволить себе вторую лошадь, – а на это способны далеко не все, – такая глупость, как покупка дамского седла ему и в голову не придет, хотя, приобретая животное, он рассчитывает, что его женщины будут ездить на нем. Если мужчина из долины Эро видит женские ноги, он разбавляет впечатления очередным глотком вина и заставляет себя думать о чем-нибудь другом. В базарный день ноги кишмя кишат, и среди них немало голых, хотя матушка сроду не позволяла мне оголять свои. С точки зрения крестоносцев, было бы глупо предположить, что у меня вообще есть ноги, ибо обычно считается, что у женщин их нет, но я, полностью униженная и только-только не изнасилованная, испытывала странное чувство бравады. Кроме того, меня сопровождал эскорт демонов, и среди них по меньшей мере один лучник.

Я не стала собирать волосы на затылке, как надлежит взрослой женщине, а просто распустила их, как девочка, хотя больше не чувствовала себя таковой. Я путешествовала вместе с Железноликим, который, возможно, был сделан из олова, ибо «Ферблан» значит «олово», и с его Немым и Горбуном, описания которых служили им именами, так что какие уж тут условности.

Действительно ли я верила, что они демоны? Я и думать об этом забыла, как только поняла, что мы следуем извилистой тропкой в Безье, а не прямой – в преисподнюю. Предвечернее солнце пекло не так, чтобы вызвать помрачение рассудка. Все, что могу сказать о них, – это то, что обыкновенными людьми их не назовешь. Обычные люди пахнут, и главным образом обыденностью. Однако пока я скакала с ними, – часто колено к колену, – мне не удалось унюхать ничего подобного. Мои ноздри улавливали ароматы алтея, шиповника, щавеля, а потом, когда мы продирались сквозь заросли можжевельника и инжира, – запах хвои и ягод.

Человеческих запахов я не ощущала. К этому времени от раны Железноликого должно бы исходить страшное зловоние, вызывающее тошноту у всех, кроме слепней и мясных мух, однако нога его пахла скорее виноградом, чем запекшейся кровью, как будто в жилах его тек сок.

Кто-то из моих спутников пользовался удушливыми испанскими благовониями, которые изготавливаются цыганами для неверных. Подозреваю, что это был Немой, бедный маленький содомит, который не переставал улыбаться мне и оказывать другие знаки внимания. Он сосал лакрицу и жевал гвоздику, чтобы сохранить зубы.

Оставить волосы распущенными – совершенно идиотский поступок с моей стороны, и его не оправдать даже тем расстройством, в коем я пребывала. Наша тропка постепенно сближалась с построенной чародеями старой каменной дорогой, по которой шли крестоносцы, хотя и петляла пока по менее открытым местам. Заслышав трубы и тяжелую поступь закованных в железо коней, мы поспешили выбрать более безопасное направление.

Этот новый путь вел к лесу, что окаймлял римское водохранилище, превратившееся со временем в заброшенный солончак. Не успели мы сделать и пару шагов под сенью деревьев, как оказались в кольце всадников. Большинство из них уже спешили или спали в седлах, но некоторые были начеку и тотчас же окликнули нас. Ко мне сразу же потянулось множество рук, а Нано схватили за уздечку, словно он – лодка, в которой я дрейфую по течению.

– Я – на службе у легата, – солгал Железноликий. – Я еду вместе с Арнольдом Альмариком, посланцем папы.

Он отцепил пальцы воина от поводьев моего коня.

– В таком случае ты ближе к передовым позициям армии, чем любой из священников, которых мне доводилось встречать в своей жизни.

Воины громко расхохотались. Я не смеялась и не собиралась делать этого с крестоносцами.

– Я – не священник, – прокаркал Железноликий; его пеликаний голос напугал их, – хотя и ношу оружие именем папы Иннокентия, как, полагаю, и все вы.

– А это что за метелка?

Я надеялась, что Железноликий придумает что-нибудь более уважительное, чем назвать меня своей дочерью.

– Это – моя жена, – не моргнув глазом заявило Его Бесстыдство.

– Ага, жена, которая разъезжает тут с распущенными волосами? И ты позволяешь этой маленькой Молли ходить растрепой, словно она – простолюдинка или какая-нибудь городская шалава, и позорить тебя?

– Она в трауре. Бубонная чума только что унесла жизнь ее родителей.

Железноликий потянулся к шлему, будто бы собираясь снять его.

– Я и сам еще весь в пятнах, а то открыл бы лицо.

Слова эти заставили крестоносцев отпрянуть.

– Ладно, мне не к спеху искать бубоны у нее между ног, – пробормотал их предводитель. – Да и у тебя тоже.

Немой беззвучно захихикал, что напугало их еще больше.

– Прощай, англичанин, – произнес Железноликий. – Манер тебе хороших, а к ним – хоть парочку зубов.

Они расступились, и мы миновали их лагерь без дальнейших переговоров.

– Я вам не жена, – заявила я Железноликому.

Ему было не до этого.

– Войско рассеялось по всей округе, – заметил он. – Если мы продолжим наше путешествие и вечером, то, без сомнения, вновь наткнемся на них. Посему нам должно отдохнуть, тем самым дать им время собраться в одном месте.

– Я – вам не жена.

– Да и я не из тех, кто женится, так что можешь не занимать себя размышлениями на эту тему. А если бы мне и пришлось в голову связать себя узами брака, я бы уж взял на себя труд подобрать кого-нибудь постарше твоих четырнадцати.

Железноликий ошибся на пару лет, о чем я и не преминула ему сообщить.

– Тогда кого-нибудь не с куриными мозгами, – парировал рыцарь.

Он указал на одно из тех разбросанных по всей округе сооружений, что остались нам от вестготов. Они представляют собой округлые каменные ульи, каждый – с камеркой внутри. Диаметр камерки едва превышает рост высокого мужчины, хотя выпрямиться в ней ему бы не удалось.

– Остановимся здесь, – сказал Железноликий. – В народе считают, что они не то волшебниками построены, не то с луны свалились. Ни один крестоносец, будь он самый верующий христианин, нас тут не потревожит. А если кто-нибудь, проходя мимо, услышит голоса или флейту Немого, то подумает, что мы – гномы или, наоборот, великаны.

– Я не собираюсь делить сей свинарник с тремя мужчинами, – воспротивилась я. – Кроме того, у этих склепов только одна дверь. Если кому-нибудь взбредет в голову сунуть внутрь горящую лесину или усесться с мечом у выхода, с нами будет покончено.

– И дерзко, и мерзко, – отметил Железноликий.

– И мерзко, и дерзко, – согласился Горбун.

Немой извлек из свирели веселенький мотивчик.

– Я поплю в этой канаве, – заявила я. – Она сухая, да и крыс в ней не будет.

Я указала на серебристо-серые кольца монпелье – крупнейшей из наших ядовитых змей. Они довольно агрессивны, но не тронут вас, если вы сами к ним не полезете. Эта медленно и величаво начала свой поход вверх по канаве, а затем устроилась в ее дальнем конце, блеснув чешуей, которая по цвету не отличалась от кольчуги Железноликого.

– Смотрите, чтобы она не приняла одну из ваших конечностей за своего дружка, – съязвила я, – а то у вас и вправду появится жена.

Железноликий пребывал в дурном настроении. Себе он мог позволить говорить о женах, а мне – нет. Тем не менее я считала себя обязанной быть с ним вежливой и сердечной.

– А как вы догадались, что тот всадник – англичанин? – поинтересовалась я, чтобы возобновить разговор.

– Чтобы назвать женщину шлюхой, англичане используют лишь два слова: одно из них – «метелка», другое «Молли». А вот я назову тебя шлюхой дюжиной разных слов, если ты не заколешь волосы, козочка моя.

Мы разбили лагерь. В моем случае это значило лишь то, что я расположила свой зад на дне канавы. Я, конечно, расстелила бы плащ, но он, увы, был слишком хорош для этой цели.

Горбун достал хлеб, а Немой отправился за крабовыми яблоками, как у нас называют дичку. Вместо этого он нашел самых настоящих крабов, причем не безвкусных пресноводных из прудов, а огромных, как блюда, морских. До моря было, правда, больше лиги¹⁰, зато повсюду текли речушки с соленой водой. Мы съели крабов живьем, сырыми, высосав плоть даже из клешней, поскольку не осмелились разжечь костер, чтобы сварить из них похлебку.

Несмотря на жару, рана Железнодорожного не гноилась. Прижечь ее было нечем, и я предложила воды для промывания. Немой вздохнул над моими тревогами, а Горбун что-то проворчал. Я еще раз проявила полное невежество. Демоны и живые мертвецы не чувствуют боли, – не к этому ли выводу мне следовало прийти? Железнодорожный еще больше смутил меня, полностью отстегнув раненую ногу, то есть он отцепил поножи от бедра и потряс ими. Внутри было пусто – ни крови, ни костей, ни плоти, ни продуктов разложения. Полы кольчуги скрывали его ногу, вернее, культю или обрубок ее. Человек, чудовище или машина, он лишился ноги отнюдь не недавно, если вообще лишился ее. Железнодорожный хмыкнул. Мозги, скрытые под шлемом, были не менее хитроумны, чем батюшкин мельничный механизм.

Свою вторую ногу от отцепил у колена. То ли его правая была подлиннее, то ли он делал вид, что это так, дабы обмануть окружающих.

– Приятно сбросить их после долгого дня верхом, – объяснил он, как будто эта новая загадка могла вызвать у меня что-то, кроме удивления. Рыцарь шумно отхлебнул, припав к краю своей железной ноги, явно что-то вкушая. Одобрив содержимое, он наскоро благословил его и передал ногу мне. Вся она от колена и ниже представляла собой флягу с великолепным мускатом, причем не сброженным, а перегнанным. Я захмелела просто от запаха.

Итак, он – безногий калека, разъезжающий с огненной водой для балласта, словно плоскодонка. А может, в доспехах, кроме голоса, и нет ничего? Я решила не думать больше на эту тему.

Хорошее вино, свежие крабы, хлеб, испеченный лишь день-два назад, мгновенно подействовали на меня. В это безоблачное время года сумерек нет, и темнота наступает мгновенно. Мы с солнцем ушли на покой одновременно.

Я собиралась тихо поплакать до полуночи, пока души остальных пребывают в иных сферах, но, услышав, как один сверчок заскрипел лапками, а другой – ответил ему, поняла, что должна отдаться сну.

Мои спутники сидели в некотором отдалении – уважающие мое горе и в то же время готовые защитить меня. Всклипывая, я прочла за них, нечестивых, молитву. Я молилась о том, чтобы завтра Господь сподобил меня поласковее обходиться со всей троицей, а в особенности с Железнодорожным, если, конечно, суждено мне дожить до завтрашнего дня. Смерть меня больше не волновала. Я познакомилась с ней слишком близко. Если костлявая оставила меня в покое, то так тому и быть. Если же она снова придет, неся насилие и боль, то все будет кончено, и важно ли, сколько времени это займет – минуту или час? Все кончится с последней песчинкой в часах или когда догорит свеча, а боль явится всего лишь последним жестом жизни.

Молитву свою я обращала не к какому-нибудь святому, а непосредственно к Богу Единому. От молитвы я быстро перешла ко сну, который развернул передо мной волнующие картины происходящего между мужчинами и женщинами в любовном соитии. Мой сон не имел ничего общего с дневными событиями: в нем никого не пинали и не душили, в нем никто не кричал. Я слышала вздох, тихий, как свет звезды, льющийся на летние травы, видела лица, сливающиеся в поцелуе, сплетение рук и ног, обнаженных и таких прекрасных, как будто они принадлежали самим ангелам небесным. Мы с матушкой редко затрагивали эти темы. У меня совсем недавно прошли первые месячные, и она благословила меня и сказала, что недели через четыре они воротятся. Обо всем прочем я знала только со слов Мари-Биз. Поединок мужчины

¹⁰ Л и г а – мера длины, равная 4,83 км.

и женщины она считала восхитительной игрой, но говорила, что если бы батюшка когда-нибудь вступил в единоборство с женщиной, то поломал бы ее. Поэтому-то я и одна у родителей. Матушка отказалась возобновить игрища, но служанок своих тем не менее к нему ревновала.

Итак, я осталась со своими смутными от недостатка знаний снами о телах, сплетающихся в объятиях лицом к лицу, и о чувствах, которые утонченными никак не назовешь. Подобные зрелища не ставили меня в тупик, – живя на лужайке у речки, я так или иначе видела в совокуплении всех обитателей Ноева ковчега, от черепах и гадюк до нашего племенного быка Журдена, покрывающего своих подружек одну за другой. Я уже не говорю о петухах, курах и лебеде Фределоне, дама сердца которого, сумасшедшая Королева Бланш, подпускала его к себе только с одной-единственной целью.

Таким образом, хитросплетенье рук и ног в сокровенном общении не сбивало меня с толку. Когда я погружалась в навевающие томления мысли, загадку представляло выражение лиц, и в особенности женских, в подобные моменты. Во всем животном царстве самцы то утробно ворчат, пуская слюни (даже у гадюк течет гнусная жижа с запахом миндаля), то озирают окрестности в поисках соперника, врага или приятеля, который, неожиданно вмешавшись, может превратить парочку в трехногое чудо.

Что же делают при этом самки? Козы жуют крапиву, свиньи пускают слюни в помои, – не могу себе представить, чтобы матушка проделывала нечто подобное или рассказывала мне об этом. А может, ты просто смотришь вдаль? Находишь в небе звезду и следишь за ее движением или напеваешь про себя нежную песнь трубадура?

Мой сон, видимо, был прекрасен, но невозможность ответить на все порожденные им вопросы вызвала бездну тревог в моей душе. Я назвала бы его мирным лишь однажды, а именно, когда мне снились две спаривающиеся лягушки с такими сосредоточенными мордочками, как будто сам Господь призвал их к молитве. Самец взобрался к самке на спину и, устремляя взгляд вдаль, медленно раздувал свой пузырь, та же наотрез отказалась отвлечься на него или на Господа, всецело поглощенная пережевыванием пойманного ею кузнечика. Это воистину священное видение было вполне достойно канавы, в которой я спала.

И тут мой сон внезапно прервался.

Немой, освещенный светом звезд, низко склонился надо мной. Указательными пальцами он слегка сжал мою шею под мочками ушей. На какую-то долю секунды мне показалось, что он собирается придушить меня, но потом я сообразила, что это всего лишь попытка разбудить, не поднимая шума.

Двое других моих спутников уже проснулись и выглядывали через край канавы. Я подползла к ним поближе и увидела множество голых и полуголых мужчин (некоторые из них – в шлемах), вскарабкавшихся, как черепахи, друг другу на спины. Обнаженные мужчины не удивляли меня более, но, увидев, что они взгромоздились друг на друга в таком количестве, стремясь к земле в судорогах и конвульсиях стадной похоти, я не сразу сообразила, что это значит. Осмелюсь заявить, что, будучи деревенской девчонкой, я намного опередила своих спутников в осмыслении происходящего.

Насколько же пророческим оказался мой сон о лягушках! В самом начале весны, пока природа еще толком не пробудилась ото сна, можно нередко встретить подобную этой живую гору из лягушек и даже жаб. Самцы ищут самок, семя их впустую стекает на лапки, а вожделенные партнерши то ли еще не проснулись, то ли заняты своим туалетом, то ли удалились в монастырь под ближайший плоский камень.

И вдруг самцы обнаруживают, что один из них успешно взгромоздился: видят они это, слышат, осязают или просто наталкиваются на парочку в темноте, – я понятия не имею. Каждый из них соображает, что лучше стать папашей наполовину, чем совсем им не стать, и тут же прыгает, пытаясь занять свое место на башне, рост которой стремительно уменьшает шансы каждого. Порой за подобным занятием я заставляла не меньше шести десятков лягушек, а слу-

жанки наши утверждали, что видели пирамиды и из нескольких сотен особей, что гораздо выше, чем они могли бы сосчитать.

Позвольте мне не заходить с аллегориями слишком далеко, тем более в присутствии стольких смердящих задниц. Истина же состоит в том, что когда пирамида распадается, а мы, женщины, то по злорадству характера, то в попытке не опоздать на завтрак, иногда ведем себя так же, часто выясняется, что внутри нее самки то и в помине нет. Все же это геометрическое построение начиналось с огромного недоразумения, когда, например, подслеповатый самец вспрыгивал на спину своего соседа или несдержанный ревнивец спешил оседлать своего дружка, мирно дремлющего на камушке. А может – и с тех пор я часто думала об этом, – самочку просто-напросто устрашает безвкусная архитектура всей конструкции, она приходит к выводу, что ей там нечего делать, выбирается из-под этих дураков и дает деру.

Так вышло и здесь.

Кто-то с блестящей кожей, поменьше ростом и еще более раздетый, чем остальные, выбрался из-под кучи лоснящихся тел и помчался прятаться в нашей канаве. Еще мгновение – и молодая женщина Колючкиных лет (то есть на год-два старше меня), задыхаясь, плюхнулась рядом с нами. Ее тело прикрывал лишь пот десятка-другого из тех ее обожателей, которым посчастливилось оказаться поближе. Она шумно отхлебывала из бутылки, что сжимала в руке.

– Ты отдаешь себя задешево, – обратилась она к бутылке, – ведь по словам моей матушки: «Проституция – работа надежная, лишь бы правильно определить себе цену».

Она сделала вид, что только сейчас заметила нас, пожала плечами и пустила бутылку по кругу.

– Без труда взяла – не жалея отдала, – заметила она. – Это еще одна присказка старушки.

Бутылка содержала довольно посредственный арманьяк, который, без сомнения, и являлся той самой пресловутой ценой. Нам удалось приложиться к нему по разику, после чего Железноликий захватил бутылку и понудил нас отползти по канаве подальше. Мы едва успели сделать это, как крестonosцы слезли друг с друга и начали перебранку.

Наш путь преграждала монпелье. Она оцепенела от холода и не могла двигаться, но это вряд ли помешало бы ей расправиться с нами, пусть даже яд ее и находился в задних зубах.

– Дайте-ка я, – прошептала девушка.

Она обогнала Железноликого, который определенно испытывал трудности в передвижении ползком, так как, не имея коленей, не мог ни опираться, ни отталкиваться, и ухватила змею длиной с нее саму чуть ниже головы твердой, но нежной рукой. С тех самых пор, как первый из змеев прокрался в Эдем, обнаженным женщинам нередко удается провести его потомков. Вот и эта доверчиво прижалась к обманщице.

– Мне приходилось держать в руках мужские игрушки – и поникшие, и шаловливые, – прошептала она змее, – многие из них даже потолще тебя, но таких красивеньких я сроду не видела!

Не успела та устроиться поуютнее, как девушка швырнула ее в ночь, к своим бывшим клиентам, где жертва обмана кого-то искусала, кого-то перепугала и, безусловно, растерялась сама. Бедняги не осмелились размозжить ей голову каблуком, ибо в подавляющем большинстве были раздеты.

Вот так я познакомилась с Мамли ля Мамлон¹¹. Мне показалось, что я сразу же разгадала ее сущность. Она походила на Одноглазку и Колючку с большой долей мудрости Мари-Биз, что помогало ей ярче воспринимать жизнь. Лишь по прошествии какого-то времени я обнаружила в ней некоторые черты Констанс де Кулобр и даже самой матушки. Это случилось через день-два, когда я повзрослела еще больше.

¹¹ Имя смысловое: Mameline – грудь (фр. У, Mamelonne – сосок (фр. У

До рассвета мы не могли ускользнуть от этих бесчинствующих крестоносцев, потому что не видели дороги, а путешествие после восхода солнца осложнялось множеством других проблем.

– Поездка в сопровождении девственницы и блудницы, – пояснил Железнодорожник, – поневоле задерживает воина, даже такого непобедимого, как я, ибо он вечно занят защитой чистоты одной и сбором денег за услуги другой.

Горбун посчитал эти слова блистательной шуткой, а мы, женщины, смеяться над ней не стали. Немой же просто взвел свой арбалет, корча при этом рожи ослику, только что выбравшемуся из лесной чащи, где он притворялся оленем. Зловонные ветры, выпускаемые им, дополнялись напыщенным видом, а его глазницы торчали выше ушей. Мамли объяснила, что ослик принадлежит ей.

Мы не сразу нашли место, где оставили лошадей, а поиски одежд ля Мамлон отняли столько времени, что в нас закралось подозрение, что она путешествовала вообще без них. В конце концов я достала ей из сумки мантилью и нижнюю юбку.

– Теперь мы подруги! – воскликнула она, оттирая свои залапанные груди. – Ведь подарки от мужчины – просто плата, подарки же от женщины, в особенности от тебя, – дело иное. Ничто в этой жизни, включая поцелуй мавра, не касалось моего живота нежнее, чем твоя юбка.

Ни матушка, ни Констанс де Кулобр никогда не говорили подобным образом и, возможно, даже и мнения не имели по этому поводу. Я попыталась узнать мою новую приятельницу поближе.

– Зачем ты лежала под всеми этими мужчинами? – поинтересовалась я.

– Да я этим живу.

– А почему они сбились в такую кучу?

– Во-первых, они напились, а во-вторых – торопились.

– И сколько тебе заплатили?

– Они оставили мне жизнь. Зачастую это – лучшее, что ты можешь получить от солдата. Новоприобретенный собственный опыт заставил меня согласиться с ней.

– Назови мне свое имя, – попросила я. – Свое настоящее имя.

– Некогда мне припоминать его. Я сейчас даже думать толком не могу.

По мере знакомства с Мамли я обнаружила, что у нее вечно нет времени толком подумать. Она нередко мечтала, изредка размышляла, но вот думать... Только не Мамли. Такой подход делал ее философом, и, как большинство философов, она часто ошибалась.

Тем не менее ее рассуждения всегда забавляли. У меня, как можно предположить, были и свои мысли, но ход их нарушался, когда я слышала, что она отвечает на некоторые вопросы Горбуна.

– Чем отличается шлюха от наложницы? Некоторые говорят, что разница – в количестве букв, а некоторые – что она в продолжительности услуг. Я же скажу тебе, что разница – в деньгах. Шлюха получает гроши, а та, другая – и вовсе ничего, если не считать всякие пустячки и безделушки, которые умная девушка и сама стянет в любое время.

– Допустим, что мне понадобятся твои профессиональные услуги, – предположил Железнодорожник. – Сколько бы ты взяла с меня?

– Нисколько, – отрезала она. – Ты – друг, а другу достаточно лишь попросить об этом.

Мамли уставилась на безликую глыбу, скрывающую его голову, на металлический блеск тела, придающий ему сходство с мерзкой ящерицей...

– Конечно, как только друг попросит меня об этом, его положение в иерархии моих привязанностей заметно понизится.

Матушка согласилась бы с ней. Она всегда подчеркивала, что есть вещи, с которыми мужчины – она подразумевала батюшку – не должны приставать к женщинам.

Я обрадовалась, что ля Мамлон тоже носит волосы распущенными.

– В нашей профессии лишь сводни закалывают волосы, – настаивала она. – А я женщина, а не содержательница притона.

Своей простодушной испорченностью она походила на маленькую девочку, будучи годами, – как я уже говорила, – чуть старше меня, Одноглазки или Колючки. Правда, пухлостью она превосходила всех нас трех, вместе взятых, – возможно, оттого, что ее так часто растягивали.

Почему я путешествовала с такими людьми? Да просто-напросто потому, что больше мне путешествовать было не с кем. Знаться с матушкиной родней, Транкавелями, оказалось опасно. И с кем же мне следовало находиться, как не с моими новыми спутниками? Может быть, отправиться к батюшкиным родственникам и учиться замачивать горох?

Словно отвечая на мои самые мрачные мысли и вопросы, Железноликий, наконец, заговорил:

– Итак, ты считаешь, что поскольку я позволяю людям называть себя Фербланом, то мой панцирь изготовлен жестянщиком? Ладно, посмотри, что носят другие рыцари. Какие-то рыболовные сети из металлических полосок и проволоки. Их кольчуги изготовлены отнюдь не оружейных дел мастерами и даже не кузнецами. Жестянщик сроду не скроил бы так паршиво. Изготовить обычную кольчугу по силам тому, кто делает уздечки. Любая женщина могла бы сшить ее, взяв в руки иголку.

– А заодно уж связать и мне какого-нибудь Ферблана, который, подобно ящерице, способен отбрасывать свои конечности, а возможно, и другие органы.

Я считала, что его доспехи – не мое дело. Единственное, что меня занимало, – это их содержимое, если оно, конечно, в них наличествовало.

– Лорд Ферблан, – издевалась я. – Лорд Оловянный! Существует ли такой человек?

Ля Мамлон устремила к нам в попытке помирить, если можно устремиться куда-либо или кого-то помирить, сидя на пукающем ослике.

– Имена! – воскликнула она. – Что значит имя? – Она молола языком без передышки. – Женатые мужчины назовут тебя как угодно, лишь бы получить желаемое.

– Неужели и женатые ходят к тебе?

Наша блудница не уставала вызывать удивление.

– Только если жены их посылают. Когда я начала торговать собой, а это случилось, как только я перестала отдаваться из удовольствия, что произошло сразу же, как выяснилось, что никакого удовольствия в этом нет, мне дали прозвище Блят, а так в Париже называют тараканов. Мужчины любят унижать. Клиенты, чьи пальцы ползали по моему телу, звали Тараканом меня. Потом они проникались большим уважением, обращаясь ко мне – Титька, стоило им уцепиться за мои буфера. Я не позволяла называть себя другой частью женского тела, поскольку считаю, что сам Господь скроил для меня мое «о-го-го».

– Не смей говорить, что Господь создал наши срамные места, – выбрала я ее, – даже мысли такие – ересь!

– Поверь мне, цыпленок, это не совсем так, – прочти «Аве Мария» раз сто, и замолишь грешок, а сожгут-то всех Транкавелей и прочих ваших Совершенных¹² как раз за утверждение, что Сатана сотворил что-ничто в нашем мире. Исключая невезение, разумеется. Уж оно-то точно создано им. А вот «о-го-го» ему бы сроду не придумать, потому-то они его так и влекут.

Матушка никогда не пользовалась словом «о-го-го». Она предпочитала выражение «себя», произнося его особым тоном, а наряду с ним «там внизу» или просто «там». Мари-Биз называла это «о-ля-ля», но ведь кухарки все называют не так, как обычные люди, даже овощи.

Я не находила времени оплакивать подобные воспоминания. Ля Мамлон представляла собой превосходное средство от рыданий.

¹² Совершенные – руководители религиозных общин катаров.

– А теперь... – продолжила она, но тотчас же потеряла нить повествования, ибо маленький ослик рухнул под ней, наподобие того сооружения из палок, на которых горожане сушат одежду. – А теперь меня зовут Рёва, – засмеялась она, поднимая ослика за холку.

– Это значит, что ты ревешь?

– Это значит, что я ору вовсю. Мужчинам нравится это слышать, хотя ты, Перроннель, еще мала для таких разговоров. Им приятно чувствовать себя на женщине, а не на бревне, – местным, по крайней мере. Ну а господа из Парижа и в особенности англичане скорее сыграют в это с дыркой в заборе.

Горбун рассмеялся, а Немой громко фыркнул. Даже Железнодорожник усмехнулся на иностранный манер. Ослик не смеялся, но выразил свое отношение отнюдь не менее красноречиво. Он засунул голову под мантилью Мамли, бывшую ранее моей, и пребывал там до конца путешествия, тем самым доказав ее утверждение о том, что даже выючные скоты под ее юбкой чувствуют себя как дома.

Расстояние от Сен-Тибери до Безье всего несколько лиг, которые не превратить ни в пятнадцать, плывя по морю, ни в тридцать, пробираясь через горы, и меня поразило, что путешествие отняло у нас столько времени. Причина заключалась в том, что Ферблан вел нас обходными путями. В Кабриале он отправил своего Горбуна купить хлеба, а в Башелери велел Немому проделать фокус с вином, который удался на славу – здоровая винная бочка исчезла в мгновение ока, за что нас чуть не побили камнями и мы едва не лишились ушей. Когда мы направились в Сен-Жан-де-Либрон, который расположен совсем в другой стороне, я поняла, что движение наше напоминает лавирование корабля против ветра. Войско идет довольно медленно, – оно может убить все утро на поиски еды к завтраку, – но эти крестоносцы вряд ли сильно отстали от нас. Более того, они могли вновь оказаться впереди.

Наблюдая, как городские стены, ярко освещенные солнцем в течение дня, погружаются в тень с наступлением ночи, как собор из золотого жука превращается в угольно-черного, я почувствовала страх. Разве этот Железнодорожник Ферблан не был сам крестоносцем? Жалость ко мне помутила его разум на мгновение. Он оскорбил одного из сильных мира сего, вернее, брата этого человека, из-за паршивой девчонки, к тому же принадлежащей к семейству, сжечь которое они сюда и явились. Он наверняка уже пожалел о своем опрометчивом шаге.

Я направила Нано в сторону рыцаря, но не успела и рта раскрыть, как тот сам обратился ко мне:

– Я не горю желанием войти в Безье, и причина заключается в следующем: мне не хотелось бы появляться среди тех, кто у власти.

– А это еще почему, скажите на милость?

– Потому, что у меня с собой пергамент, который гласит, что и они и те, кто рядом с ними, будут преданы огню.

– Вы говорите так, словно уверены, что город падет.

– Ты же знаешь свой народ и видела этих. Неужели ты сомневаешься?

Самонадеянный тип. Мой родич Раймон-Роже был известным воином и охотником. Несмотря на молодость, он совершил уже столько рыцарских подвигов, что их перечень по длине не уступал знаменитому батушкиному ремню. Я как раз собиралась выложить ему все это, но вдруг услышала топот копыт и, обернувшись увидела на востоке тучу пыли, наводящую на мысль, что середь бела дня ночь расправила за нами свои крылья.

– Крестоносцы! – заорала я.

Их авангард приближался так быстро, что у нас не осталось шансов избежать этой встречи.

Железнодорожник, казалось, пришел в восторг от происходящего. Меня вновь охватил страх быть проданной врагам или преданной каким-то другим способом. Однако мой личный лгун

и демон всего-навсего готовился к новым обманам, которые он, видимо, практиковал на всех без исключения.

– В толпе легко спрятаться, так что заколи волосы, Перроннель, – прошипел он.

Даже дома, где, естественно, ветер не дует, я не могу заплести косы быстрее, чем за девять минут, поэтому ля Мамлон завязала мою гриву узлом, я спрятала плоды ее трудов под капюшон, и мы поскакали навстречу головному отряду.

Железнодорожник держал меч перед собой как крест, вновь изображая дурацкое приветствие, которое крестоносцы позаимствовали из своих баллад. Прodelывать это – сверх идиотизма, даже если меч тупой, – а в большинстве своем они таковыми не являлись – ибо крестоносцы резали себе пальцы и наносили жуткие увечья лошадям.

Он приветствовал первых подъехавших всадников по-латыни, ввиду чего его сочли священником и удержались от дальнейших расспросов. Его шлем их озадачил, и глаза некоторых из всадников светились желанием швырнуть Ферблана в пруд – вероятно, из-за того, что священников в рядах крестоносцев и так было уже больше чем достаточно. От беды, по крайней мере на некоторое время, нас спасло приближение основной массы всадников.

Возглавляли верховых сплошь именитости. Как я узнала позже, среди них находились герцог Бургундский, графы Неверский и де Сен-Поль, архиепископы Реймса, Сена и Руана и шесть епископов, – моя матушка разговаривала с людьми такого ранга чуть ли не каждый день.

Два всадника ехали отдельно от других. Один из них – тощий малый с манжетами, отделанными беличьим мехом, явно имел священный сан, доказательством которого служило его брюхо, пусть в остальном сложением он и напоминал виноградную лозу. Другой – среднего роста, лет пятидесяти на вид, был быстр в движениях и упитан. Его лицо напомнило мне кого-то – быть может, борца, побежденного некогда батюшкой.

Беличьи Манжеты заметил, кивнув в сторону Железнодорожника:

– Я знаю этого парня и когда-то видел его лицо, хотя теперь у него и нет такового. Он был хорошим человеком, верным кресту, пусть теперь и выглядит верхом неуклюже.

– Небось сидел слишком близко к костру? Не доверяю человеку, который разъезжает с девками и блудницами в каком бы то ни было качестве. А что до увечного, – он сплюнул в сторону Горбуна и перекрестился, – то горб – это дьявольская ноша, и ее никогда не навесят на тебя без достаточных оснований.

Я не могла достойно ответить на «девок и блудниц», не упомянув имя Транкавелей. Поэтому я поступила как ля Мамлон, то есть улыбнулась и промолчала. Однако сильные мира сего обожают демонстрировать свое величие даже перед девками и блудницами. В подтверждение этому я услышала слова Беличьих Манжет:

– Тех, кто убил моего друга Пьера де Кастельно, ждет верная смерть.

Он бросил такой взгляд на темную громаду Безье, на башнях и в бойницах которого еще играло солнце, а птицы перепархивали с места на место, готовясь ко сну, будто все это – овечьи внутренности, кишасшие опарышами.

– Друга как моего, так и Господа нашего. И папского легата, проливавшего кровь свою с этим человеком.

Он еще раз отозвался о Железнодорожнике так, как если бы дьявольское создание было подвластно смерти.

– Я понимаю, о чем вы, Арнольд Альмарик¹³. Вы считаете, что если мы перебежим побольше народу, то среди них окажутся и те, кто нам нужен.

– Нет, – ответил Арнольд. – Я не предлагаю этого, лорд де Монфор.

¹³ Арнольд Альмарик – представитель папы, аббат монастыря Сато, одного из самых крупных и богатых монастырей тогдашней Франции. Идеологический руководитель похода.

– Мне нужна ясность. Вы говорите от имени Господа, а я отвечаю за армию, возглавить которую не может ни один из этих слабаков.

Так значит, это и был Симон де Монфор – сводный брат, которым Ублюдок так бахвалился. Неудивительно, что лицо его показалось мне знакомым, – сходство просто бросалось в глаза.

Под «слабаками» он, очевидно, подразумевал своих именитых спутников, ибо махнул рукой в сторону головы колонны, где они ожидали его, постепенно покрываясь оседающей пылью, подобно тому, как измазанные навозом быки покрываются мухами.

– Придворные и «сорокадневники», – презрительно усмехнулся он. – Через сорок дней жены призовут их домой.

– Они уедут, а вы поджарьте побольше еретиков – и за отсутствующих.

– Когда герцоги и архиепископы отправятся по домам, они возьмут с собой и войско, и граф Тулузский опять переметнется на другую сторону.

– Но к этому времени вы уже сожрете молодого Транкавеля и не будете нуждаться в графе. Пусть вы лишитесь какой-то части армии, зато приобретете земли, которыми сможете вознаградить молодых баронов за то, что они останутся при вас.

– Это зависит от того, насколько вы верите мне, Арнольд Альмарик.

– Я верю, что вы сумеете позаботиться о себе. А верите ли вы мне?

– Верю – до заката и, быть может, еще чуть после рассвета. Никто не вызовет моего доверия на более долгий срок.

Альмарик продолжал пялиться в сторону Безье так, как будто пытался поджечь его взглядом.

– До завтра еще полно времени, – произнес он. – Мы полакомимся ими на празднике Ля-Мадлен.

– Мы можем управиться с этим за час, а можем и все лето потратить. Что-то, конечно, будет зависеть от способности этих биттеруа¹⁴ выдерживать осаду, но главную роль, судя по моему опыту, играет везение.

– Господь пошлет его нам!

Священник пришпорил лошадь и уже не слышал, как Симон де Монфор пробормотал себе под нос:

– Человек сам кует свое счастье, а уж после благодарит за него Господа.

Ферблан, находясь среди именитостей, к которым, по его словам, принадлежал и сам, совершенно не слушал их. Его лошадь походила на ломовую, как и большинство боевых коней. Он позволил им с Нано обнюхивать друг друга, а сам спрятал лицо-маску мне в капюшон, да так и остался, подобно ослику, сунувшему голову в мешок с овсом.

Железноголовое чудовище! Сперва объявил меня своей женой, а теперь вознамерился поиграть в рождественские поцелуи!

Услышав знакомый голос, я поняла причину его поступка. Голос принадлежал Мердену. Незаконнорожденный выехал из ниоткуда и сейчас изрыгал проклятия на ухо своему братцу.

Симон не любил, когда его крыли.

– Мерден, ты глупеешь!

– Ерунда, братец.

– Перед боем это случается со многими.

Железноликий и я спрятались, как монахи на похоронах. Мерден выругался, чтобы подкрепить свой аргумент.

– Битвы не будет, братец. Мы без труда одолеем их.

– Не битва, так бойня; говорят, ты в этом мастер.

¹⁴ Биттеруа – прозвище жителей Безье.

– На месте болтунов я бы поостерегся. Сам Христос наставляет меня в деяниях. А что ты, братец, сделаешь с жителями Безье?

Лорд Симон рассмеялся, словно вопрос был чисто риторическим.

– Нет, ты скажи, – настаивал Ублюдок. – Мои люди ждут от меня правды. Что ты сделаешь, как только мы ворвемся в город?

– Я предам их огню и мечу за то, что они осмелились сопротивляться. Ты знаешь законы войны.

– Ах вот как. Но они же обороняют город лишь потому, что ты объявил их еретиками, которые в любом случае подлежат сожжению.

– Я выполняю приказы Арнольда Альмарика. Будь они поумнее, давно бы уже оставили свой чудный город мне, а сами благополучно удрали. Но им не хватило на это ума, за что я благодарен Господу. Их головы – водочные бочонки, а желудки – скопище мерзости. Правда, проспиртованные, они будут лучше гореть, зато кишки их провоняют всю округу.

– Это не относится к их женщинам, Симон. Они такие нежные.

Ублюдок причмокнул, как будто посасывал инжир.

– Не изойди слюной, братец.

Подскакав к ним галопом, Арнольд Альмарик тотчас же вклинился в разговор:

– Говорите, женщины? Вам повезло, Мерден.

Он стремился сохранить мир между братьями.

– Мои отцы раскопали девчонку как раз для тебя.

Действительно, среди домишек Сен-Жан-де-Либрон пара капелланов пленила молодую девушку. Она молчала и не сопротивлялась, и святые отцы заворуженно смотрели на нее. Они знали, что жить пленнице осталось недолго.

Худенькая девушка с чувственно приоткрытым ртом лицом походила на рыбу. Тело ее находилось в постоянном движении, вожделенно изгибаясь даже тогда, когда с виду казалось неподвижным. Само собой разумеется, что ни один мужчина не обратил бы внимания на лицо девушки, тело которой говорит на таком языке.

– Я знаю эту трясогузку, – прошептала стоящая рядом ля Мамлон. – Она – шлюха по праздникам, и имя ее Виолетта ля Вьерж¹⁵.

– А разве шлюха может быть девственницей?

– В этой жизни может быть все, что захочешь, – ответила та и замолчала, дрожа от страха.

– Приступайте к обыску, – приказал Арнольд Альмарик.

Этим он дал им понять, что пора раздевать ее. Святые отцы призвали на помощь какую-то старуху, но поскольку артрит лишил ловкости ее пальцы, эти двое с удовольствием сами взялись за дело.

– Надеюсь, мы не собираемся раздевать всех еретичек подряд?

Старшего де Монфора задержка явно раздражала.

– Зачем же всех – только хороших, – усмехнулся младший.

– Она вовсе не из катаров, – заметил Альмарик, – и обвиняется в колдовстве. Что ж, по пути мы должны нести очищение. Эта девчонка – могущественная ведьма.

– А вот и нет, – пробормотала Мамли. – Она просто шлюшка, которая сбегает после пары поцелуев.

Кем бы она ни была, ее вещички сшила отнюдь не Констанс де Кулобр, так что святые отцы в мгновение ока вытряхнули девушку из одежды, – по части раздевания женщин эти священники проявили себя большими мастерами.

Тело ее оказалось безупречным, за исключением маленькой бородавки на левой лопатке.

¹⁵ Девственница (фр. У

– Это – сосок дьявола, – провозгласил Арнольд Альмарик. – Она вскармливала ребенка кровью из своей спины!

– Она девственница, – добавила старая карга, – она девственница, и это является лучшим доказательством. Ведь Сатана выбирает именно девственниц для супружества и материнства.

– В точности как Святой Дух, – согласился Ублюдок.

– Противоестественно совокупилась и противоестественно же родила.

Альмарик проверил пальцем ее девственную преграду и согласился с тем, что она не нарушена.

– Сжечь ее, – скомандовал он. – Сожгите ведьму на чистом огне и развеите пепел. А потом приготовьте мне ужин.

Он обвел суровым взглядом окружающих, как это делают все праведники. Стоя совсем рядом, я хорошо разглядела его лицо, лиловато-красный цвет которого, в особенности на носу, хотелось сравнить с цветом изюма. Кровь медленно пульсировала в его ноздрях, и казалось, что в ней извиваются червяки. Если на свете и существовал человек с червивыми мыслями, то он, несомненно, находился сейчас рядом с нами.

Испытания на ведьмовство и колдовство – милое развлечение, но слишком тяжелы для женщин. Кроме того, нельзя сказать, что все они идут на пользу подозреваемым, а особенно тем, кто невиновен. Так, например, хорошо известно, что ведьма может вытащить камень из котла с кипятком безо всякого для себя вреда. Таким образом, молодые женщины, способные на этот подвиг, совершенно справедливо признаются виновными в колдовстве. Однако никого не волнует дальнейшая судьба тех несчастных, которых оправдали. Некоторые из этих бедняжек умерли во время великого судебного разбирательства в Безье от травм, подтвердивших их невиновность. Я сама знаю одну женщину, которую изувечили так, что даже по прошествии нескольких лет ей приходится носить руку на перевязи.

По словам моего батюшки, прижигание языка раскаленной ложкой является гораздо более занятным испытанием. Поджаривание идет на пользу женским языкам, а если женщины в семье говорят несколько невнятно, то семья от этого хуже не становится.

Когда власть имущий сжигает женщину, он делает это, сидя на лошади. Именно лошадь отличает его от простых смертных, и чем реже он слезает с нее, тем лучше.

Эти крестonosцы не стали складывать костер. Они просто обрушили один из домиков, и он загорелся от собственного очага. Затем они изготовились бросить юную ведьму на бревна или же под них. Она по-прежнему оставалась голой, и ее лопатки подергивались, но в присутствии столь высокопоставленных особ никто не дерзнул совершить над ней еще какое-нибудь насилие.

– Поторопись со своим перцем, – прошипел Железзликий Немому.

От безумия он перешел к совершенной глупости. Уж не собирался ли он зажарить ее с приправами?

– Прикройте эту женщину, – приказал Симон, – пока она не заколдовала лошадей.

Стоило ему вымолвить эти слова, как несколько лошадей взвились на дыбы и сбросили всадников. Другие стали выделывать курбеты или вскидывать задом, с десятков лошадей со всадниками и без оных разбежались во все стороны. Мне потом рассказывали, что кобыла одного из рыцарей бросилась в море у мыса д'Агд, то есть за несколько лиг отсюда, и доплыла до самой Африки, где и она и всадник превратились в верблюдов, страшась того, что мавры надругаются над христианскими частями их тел. Волшебство, может, и не в состоянии передвигать горы, но слухи оно порождает самые чудовищные.

– Смотри, что она делает, хотя одному Богу известно, как это ей удастся, – зашипел Арнольд Альмарик. – Давайте немедленно сожжем ее, пусть даже костер еще не разгорелся. Сожжем, покуда она не...

В это мгновение его собственный жеребец встряхнул ноздрями и заверещал, как сойка, наглотававшая отравы. Еще минутой назад Немой сперва ласкал мошонку этого жеребца, а потом отгонял от нее мух, а вот теперь тот вдруг умчался скачками, вскидывая задние ноги и опираясь на землю в основном передними ногами и носом, безумно встревоженный тем, что происходит с его задом.

– Колдовство! – во весь голос заорал Альмарик. – Сжечь ее! Сжечь ее!

Мужчины обычно не обращают внимания на воинов, которые не могут справиться со своими лошадьми, но Арно (более известный под именем Арнольд) Альмарик являлся высокопоставленным священнослужителем, чем и представлял опасность, так что его призыв немедленно подхватили:

– Сжечь ее! Сжечь ее!

– Сжечь ее немедленно! – добавил Симон, оглаживая свою лошадь, чтобы не допустить дьявола к ее заду.

– Я уже бросил ее в пламя, – сообщил Железнодорожник. – Я и мои люди.

Я не заметила, чтобы он сходил с места, не в пример Немому и Горбуну, но когда огонь полностью охватил дом и его крыша провалилась, стало явственно слышно, как внутри него Девушка-Рыба кашляет, смеется и, по-видимому, болтает со своими собственными демонами, ибо до нас доносилось множество голосов.

Она бормотала без передышки. Один из ее демонов закричал от боли, но она не умирала. Тем временем крестоносцы задышали в дыму, а их лошади чихали. Вой демонов раздавался уже отовсюду.

– Этот городишко одержим дьяволом, – заявил Симон де Монфор. – Он полон колдунов и чародеев. Сжечь его полностью!

И они сожгли его полностью, точнее, подожгли все, что могли, а Девушка-Рыба по-прежнему чихала и продолжала что-то лопотать.

– Так это же тот самый железный малый! – взревел Мерден, наконец-то взглянувший в нашу сторону. – Я его знаю. Если ты ищешь...

Его собственная лошадь прервала эту речь, выпустив струю ярко-зеленой пены из внутренних органов, которые уже явно покинули то место, где им следовало находиться, и я свято уверена, что через пару мгновений несчастная выплюнула бы и их, если бы не так отчаянно била себя копытами в зад. Бедняжка проделывала это с неопишуемой яростью, и боевое убранство стало сыпаться с нее, теряя заклепки. Я никогда раньше не видела, чтобы лошади впадали в такое неистовство. Она работала ногами гораздо быстрее, чем собака, вычесывающая из уха блоху, – но собака-то чешется одной лапой, а несчастная животина пыталась использовать все четыре одновременно, причем на таких частях тела, дотянуться до которых не позволяла сама природа-мать. Для того чтобы обмахнуть зад, лошади, как известно, снабжены хвостами, но эта коняга либо вертела им с такой скоростью, что он стал неразличим для глаз, либо просто сбросила его в первый же миг своих мучений. В конце концов она зигзагами понеслась в сторону Безье, но Ублюдок проявил завидное благоразумие, спешившись заблаговременно.

– Я ел крабов вчера вечером, а сейчас вижу их повсюду! – злорадствовал Железнодорожник.

Многие лошади скакали боком или задом наперед; некоторые просто преклонили колени в молитве. Он быстрым маршем повел нас прочь. Мы обходили основную массу всадников, прячась за деревьями, камнями и даже в высохших канавах. Никто не заметил, что мы ушли. Они слушали, как горит ведьма, и смотрели, как горит городок. Возможно, они жарили в углях колбаски, и, быть может, ведьма все еще болтала с ними прямо из их плешек.

А вот с нами она болтала вне всякого сомнения. Ее громкий, но неразборчивый голос слышался из стоячих прудов и из тени виноградников, а тем временем ля Мамлон жирела не по дням, а по часам, и ее маленький ослик спотыкался чаще обычного.

Позаимствованные у меня юбка и накидка так натянулись, что чуть не лопались, и я не в первый раз задумалась, уж не беременна ли она.

– А что это за чудо случилось с их лошадьми? – Я задыхалась, поскольку мы скакали довольно быстро.

– Ты бы тоже живо заплясала, будь у тебя перец в зад. Жаль, времени у нас нет, а не то ты, Перроннель, получила бы такую возможность.

Мамли хихикнула. В животе ее так булькало, словно она проглотила Девушку-Рыбу.

– А вам, женщины, пора спешиться, – сказал Железнодорожник. – Пришла твоя очередь тащить этого осла для разнообразия.

Кроме себя, я видела лишь одну женщину, и при этом я восседала верхом на Нано, а вовсе не на ослике. Железнодорожник опять забыл о манерах, и необходимо было указать ему на это.

Ослик Мамли, с высокой холкой и низко свесившимися ушами, мирно пукающий при ходьбе, разрешил конфликт, рухнув под своей поклажей грудой ребер и копыт и, как следствие, обрушив толстопузую Мамли в дорожную пыль. Она выругалась, а ее живот, явно одержимый демоном, закричал на разные голоса.

Одежды ее, в свое время принадлежавшие мне, были сшиты безукоризненно крепко. Я и раньше подчеркивала это. Так вот, из них выпали не только туго забинтованные во избежание подагры собственные ноги Мамли, но и вторая пара ног. Эти оказались аккуратнее, стройнее и абсолютно голые. Мне повезло, что они отличались от первой пары, – это помогло сохранить присутствие духа, в противном случае я могла подумать, что наша маленькая шлюха ни с того ни с сего превратилась в четвероногую, и перенапрягла бы остатки разума, пытаясь осмыслить такое чудо природы.

Вслед за ногами вскоре последовала бледная задница с пупком, посаженным напротив нее, пару грудей и бородавка на лопатке, которые стали судорожно биться в пыли во всей своей наготы, напоминая только что выловленную форель, а затем к ним присоединились и прочие части Девушки-Рыбы, которая вела себя поспокойнее, чем обычно, и почти не чревоушала, поскольку задыхалась от недостатка воздуха.

Уловка Железнодорожника наконец-то дошла до меня. Пока Немой, выполняя его приказ, шнырял среди крестоносцев, начиная перцем зады их лошадей, ля Мамлон просто сунула Виолетту ля Вьерж не то под юбку, не то за шиворот, в зависимости от того, что оказалось ей проще. Последующий вклад Ферблана составлял пару врак, касающихся в основном сожжения Девушки-Рыбы, или ведьмы, как упорно называл ее Арнольд Альмарик. Да, врать Железнодорожник оказался горазд, так слава ему за то, в чем он был искусен.

Тело Виолетты ля Вьерж, Девушки-Рыбы, ведьмы или шлюшки, сбегавшей после пары поцелуев, стало танцевать для нас в чистом поле, ибо ничего другого оно не умело. К счастью, моя сумка обладала достаточной вместимостью, и я достала из нее еще одну юбку, дабы прикрыть наготу девушки и не дать Горбуну сойти с ума от желания, – хоть он уже и тащил на себе ослика.

– Прикрой свою бородавку, а затем танцуй отсюда, – велел ей Ферблан, – и впредь будь поосторожнее с этим дьяволовым соском.

Он дал ей пару монет, и она в знак благодарности припала к его жестяным ногам.

– Пляши-ка сама по себе, – настаивал Железнодорожник, пинком освободившись от привязанности. – Я не могу путешествовать со всеми шлюхами христианского мира – этим я опорочу своего властелина.

Тут она заплакала, закачалась в танце и пропала из вида – на этот раз в одежде. В одежде, но без обуви, и ее стертые подошвы пылали ярче предзакатного солнца, а ее крики, и так-то странные, становились все страннее и все громче.

Я почему-то думала, что это встреча с Виолеттой ля Вьерж – не последняя. Она потанцевала в сторону Безье, а мы направлялись туда же, несмотря на явное нежелание Железнодорожника.

– Запомни, маленькая Перроннель, я не хочу встречаться с вашими правителями.

– Да вас прекрасно встретят, – поддела его я. – Их собакам вы могли бы подарить к празднику ослиное мясо.

– Ага, – пробормотал он, – я бы предпочел попраздновать с их собаками.

Разговор не клеился. Горбун нес больного ослика, который по-прежнему пускал ураганные ветры, а ля Мамлон ехала на его лошади.

– Мне кажется, – продолжал он, – что завтра, с наступлением праздника Ля-Мадлен, лишь их собакам удастся попировать.

Меня тревожил Железнодорожный, будь он человеком знатного рода, демоном или просто карликом, спрятавшимся в доспехи. Я не скрывала своих мыслей ни от кого, даже от врагов, и через некоторое время спросила:

– Ферблан, а вы на чьей стороне? За что вы боретесь?

– Я служу истине. Это все, чего требует от меня мой властелин, – ответил железный рыцарь.

– Этот ваш властелин, он – Бог или человек?

– Он гораздо ниже Бога, судя по его собственному признанию, и гораздо выше человека, судя по моему мнению о нем.

Железнодорожный вцепился в меня рукой в перчатке, – рука его казалась настоящей. Он, собственно, носил кольчужные митенки с отверстиями для пальцев, на пальцах росли ногти, и они были настолько же грязны, насколько день – жарок.

– Мой властелин – мое личное дело, и наоборот. Достаточно того, что у него есть я. Он – мое солнце, а я – его тень. Все остальное – загадка. Отгадай ее, а я все равно не стану ни подтверждать, ни опровергать твою догадку.

Он разжал руку и оттолкнул меня. У него была сильная хватка.

– Ну так в чем же загадка, Ферблан? – настаивала я.

– Мой властелин явился босым, – начал он ровным голосом. – И я шел босым вслед за ним. Когда у меня были ноги... – Голос его на мгновение прервался. – Я был хвостом его коня. – Он подавился смехом. – Вот и вся загадка. Златовласка.

Железнодорожный и сам представлял собой загадку. Железная, иногда кажущаяся безглазой голова, жестяные ноги, пустые внутри, а в промежутке – некая плоть, из которой мне пока удалось разглядеть только пальцы. Однако еще до конца праздника мне предстояло увидеть не только пальцы мужчин и детей в клювах летящих ворон, но и кое-что пострашнее в зубах у собак и кошек.

– Этот осел сдох! – заявил Железнодорожный, обращаясь к ля Мамлон после того, как тот ожерельем провисел еще часок-другой на шее Горбуна.

– Чепуха! – запротестовала та. – Я же слышу, что он спит или, по крайней мере, портит воздух.

– Он сдох и начинает смердеть.

От кого-то действительно воняло, но я не говорила об этом, поскольку матушка учила меня не приносиваться к людям в жаркий день.

Мамли соскользнула с лошади Горбуна и, подойдя с наветренной стороны, подняла ослику веки. Тот пустил слюни, но ничего ей не сказал.

– Его сон очень глубок, – признала ля Мамлон.

Горбун с проклятием швырнул ослика на землю и в сердцах пнул его ногой.

– Точно сдох, – прорычал он. – Жизни в нем не больше, чем в мешке с солью, а пользы – и того меньше. Его хвост весь день трепался у меня между ног, а хреновина тыкалась в ухо, не говоря уже о копытах, что тверже наковальни. Я весь в синяках, и, спрашивается, чего ради?

Ля Мамлон не слушала его. Она делала вид, что находится совсем в другом месте, – это, по ее словам, частенько происходит со шлюхами, – и, видимо, предполагала, что ее ослик делает то же самое.

К тому времени как она вернулась, тот уже лежал в канаве под грудой щебня. От него осталась лишь вонь и вывихнутая передняя нога, торчащая из-под камней. Мамли ухватилась за нее и стала целовать так, как целуют всепрощающую родительскую длань или кольцо на пальце папы Иннокентия, в то время как Ферблан пропел зауспокойную молитву из пустот своей головы. Этим он вновь вызвал мои подозрения: ведь если уж ослы и допускаются на небеса, то точно не христианами. Ля Мамлон заплакала.

Я терпеть не могла слез.

– Такое впечатление, что это твой отец, – съязвила я.

– Не «это», а «он», – всхлинула Мамли! – Ты когда-нибудь видела такую гордую переднюю ногу и такую здоровую хреновину?

– Только у жеребца, – согласилась я, поскольку в отношении передних ног большими познаниями не располагала.

Песнь третья

*В которой Деву осаждают священники и маги,
затем одна шлюха задирает юбки, чтобы
показать ей падающую башню, а после всего
этого происходят настолько жуткие события,
что их и предвидеть оказалось невозможно*

Нам позволили войти в Безье через древние Домициановы ворота, приоткрытые теперь лишь на ширину обычной двери. Вскороости их собирались и вообще запереть покрепче, ибо крестоносцы приближались. Привратник потребовал у нас пароль, и имя моей матушки его вполне удовлетворило.

– Никто не в силах разбить эти ворота, – заметила я, – не говоря уже о стенах. Смотрите, как они высоки.

Замок моего кузена возвышался в вечернем небе по левую сторону от нас, прочие городские укрепления выглядели почти столь же величественно.

– А Симон де Монфор – очень решительный человек, – возразил мне Железноликий, – и, как всем неудачникам, ему нечего терять. Если духовные и светские власти уполномочат его командовать сражением, он быстро найдет способ пробраться внутрь ваших укреплений. Если нет – он подождет, пока другие идиоты не лягут горой трупов перед самой неприступной стеной, и, взобравшись по телам, перешагнет на нее.

– В таком случае он – трус.

– Поверь мне, он очень умен, – сказал Горбун.

Беседа, мы быстро шли по улице. В те времена девушке позволялось ходить пешком, но только не с распущенными волосами.

– Не лети так, – предостерег меня Железноликий, – а то разорешь свою невинность.

– Вы думаете, она там что, на живую нитку смётана? – спросила Мамли.

За это Ферблан дал ей пару легких пощечин, сняв кольчужную перчатку. Мне же он сказал:

– Как знаешь, Дева!

Так девственность моя, благодаря Мердену чуть было не утраченная, стала нарицательной. Железноликий пусть в виде прозвища, но вернул ее мне. Я приняла это прозвище с волнением, ибо оно дарует мифический статус, и от него не так-то просто избавиться, судя по опыту нескольких женщин, среди которых – даже бабушки, окруженные дюжиной внуков.

Мы шли по ночному городу, и я видела Безье таким, каков он есть. Сельская девушка, попав в город с родителями, пребывает в шорах. Отсутствие родителей наполняло болью мое сердце, но в то же время предоставило мне возможность поближе взглянуть на правду жизни.

Город ломился от чудес и неожиданностей, а уж другое такое скопище порока во всем графстве Тулузском следовало поискать. Мужчины рядились здесь в женские одежды, женщины – в мужские, а уж полумужчинам с женскими грудями, бородатым девицам и прочим подобным извращениям я просто потеряла счет. Если все это являлось их физическими недостатками, я сострадала им. Многие из них размалевали лица.

Кругом царил любовь, открыто исповедуемая самыми разными людьми, включая вышеперечисленных. Любовь торговали на улицах, обменивали, ставили на кон, проигрывали в кости. Сгорая от отвращения и любопытства, я видела, как свободно обнимались мужчины,

женщины и иные создания, бесстыдно переходя к задиранию юбок и распахиванию мантилий. Даже одетые в рубище и отрепья сладострастно приоткрывали свои лохмотья.

А под отрепьями и лохмотьями жадные руки находили одно и то же – вне зависимости от того, кто был их жертвой – мужчина, девушка или гермафродит, или, вернее, находили одно и то же, насколько я могла углядеть, а я могла углядеть ровно столько, сколько позволял мне Ферблан. Находили они лишь пот и мрак, как это мне, четырнадцатилетней, и разъяснила Констанс де Кулобр после случая, когда, выслушав непристойную песенку трубадура, я по глупости сочла ее забавной. В матушкиной кухне Ублюдок Мерден преподал мне урок на тему похоти, во время которого выяснилось, что похоть не прикрыта и кровава, а эти же казались вещами более высокого порядка – эта любовь, о которой пели мужчины, этот пот и мрак, а стоило мне почувствовать запах пота, я поняла, что все это отнюдь не забавно.

Я обернулась к Мамли за объяснениями, но она уже исчезла в ночи.

– Ей нужно заработать нашу похлебку и наш завтрак, – произнес Ферблан. – Вчера я истратил все свое золото.

– Стыдно предлагать женщине торговать своим телом ради вашего благополучия, пусть даже она шлюха. Вы не можете так поступать.

– Могу и должен, – усмехнулся Железноликий. – Кроме того, ля Мамлон больше не шлюха. Теперь она – содержанка, как всегда и хотела. Святой Мамли придется прокормить четыре рта плюс ее собственный, и она – наверху блаженства.

– Я думала, вы были ей другом, Ферблан.

– Я и сейчас ее друг, Дева. Я также ее содержатель. А ты хоть и чиста, как лепестки цветка, стала ее сводней. Она носит твои нижние юбки, будучи с мужчинами, и руки они запускают под твои складки и оборки. А за это она принесет тебе похлебку. Как ты вспыхнула, Перроннель. Я чувствую твой жар даже в столь жаркую ночь. Дева и сводня – парадокс, такой же приемлемый, как и многое другое в нашей жизни. Пусть он тихонько переваривается в твоей хорошенькой головке, только смотри не прижги его.

В этот момент небо решило излиться дождем, но не таким, чтобы все разбежались. Святая Мария Магдалина – покровительница парфюмеров, перчаточников, дубильщиков и кающихся грешниц – целую минуту плакала над парадоксом Ферблана и моим смущением.

Немногие пережили следующий день и могут припомнить эту минуту. Те, кому это удалось, клянутся, что она пролила кровавые слезы. А пока все эти люди пялились на то же, что и я, за отсутствием любимых, чтобы их отвлечь, и умерших, чтобы их расстроить, и развлекались, осмелюсь сказать, как только могли.

Я видела человека, глотающего огонь, человека, глотающего мечи, и человека, глотающего змей и веревки, и при этом они вряд ли состояли в родстве. Потом ко мне подошел мужчина, весь разрисованный картинками, которые, по его словам, находились у него под кожей. Дождь, наверное, уличил бы его во лжи, поплачь Ля-Мадлен чуть поусердней, но в этом случае человек этот едва ли сумел бы подрисовывать себя каждое утро, и, таким образом, наверняка существовал какой-то хитроумный способ нанесения узора на те части тела, до которых он не мог дотянуться. Горбун предположил, что, вероятно, с этого человека или заживо содрали кожу, или он просто ангел, прошедший сквозь большое окно в соборе. Железноликий ответствовал, что люди, с которых заживо сдирают кожу, умирают довольно быстро, а если бы ангел прошел сквозь стекло, то мы бы услышали об этом, потому что на свете наберется едва ли с десяток стекол, разрисованных подобным образом, и они известны всем и каждому.

Мужчина этот был не одинок. Его сопровождала женщина с цветком на лице. Она утверждала, что все ее тело покрыто цветами, но у Ферблана по-прежнему не было денег, а ля Мамлон (только что вернувшаяся с деловой прогулки, где она трясла юбкой в переулках или лежала под фруктовыми прилавками) заявила, что не собирается тратить кровные деньги на то, чтобы увидеть голую женщину. Она посоветовала нам подождать до завтрашнего вечера, когда празд-

ник закончится и народ начнет оголяться за так, и мы не сможем отличить знатоков от идиотов, за исключением тех, у кого или картинки на заднице, или змеи между ног.

Потом мы видели мужчину, жонглировавшего ножами, за ним – мужчину, который, удерживал у себя на носу три скамеечки для ног, по которым, взбираясь и слезая, сновала наряженная дьяволом собачонка, заснувшая раз на самом верху. Мы также видели мужчину, стоящего на пирамиде из женщин, содомитов или еще каких-то существ, слишком непотребных, чтобы смотреть на них, хотя Немому, похоже, они очень понравились. Еще какая-то женщина крутила в воздухе сальто. Ее одежда не являлась ни женской, ни мужской, но акробаты всегда так одеваются: юбок они не носят, и посему женщины и мужчины выглядят почти одинаково, исключая очевидные различия, о которых узнаешь, рассматривая маленьких детей или живя на ферме.

Жонглеры с музыкальными инструментами приводили Немого в восхищение всем, что делали: биением в барабаны, игрой на дудках или же просто пререканиями. Ферблан заметил, что большинство из них – сатанинское отродье, но потом поправился, припомнив, что такие высказывания – еретичны и говорить подобные вещи можно разве что в Безье, где и без того полным-полно еретиков. А потом, кем, собственно, был сам старина Железноликий, чтобы рассуждать о дьявольщине?

В основном я слушала шарлатанов – лекарей и тех, кто продавал средства, помогающие, по их словам, от всех болезней. Продолжая хихикать от горя, я говорила, что хочу купить лекарство, которое излечило бы меня от ощущения мужских рук под своей юбкой. Железноликий резко ответил, что лишь время может избавить от этого.

Горбуна мое хихиканье безумно раздражало, но он показал, где продаются снадобья, будь то порошки, молитвы или филактеры (что-то вроде заклятия замедленного действия). Я видела, как бородавку на вымени коровы прижигают тлеющей палочкой; видела я и лошадь, пользуемую от геморроя какой-то студенистой массой, которая рекомендовалась также как отличное средство для женщин после родов и изысканного вкуса приправа к поджаренным хлебцам.

Здесь выставлялись напоказ всевозможные увечья, что характерно для всякой ярмарки, а уж тем более – в день рождения святой. Я видела скрюченных параличом, инвалидов с культями, злых горбунов: золотушных, гниющих заживо, расцвеченных сыпью и чесоточных всех степеней и видов, в том числе заразных и тех, кто подхватил чесотку по глупости, разоблачаясь где ни попадя.

Одна монахиня проглотила снадобье и выплюнула глисту длиной с ходулину, но к тому времени, как мы подошли, от глисты осталась лишь голова, ибо духовник женщины, явившийся до нас, унес остальное в котле со святой водой, заявив, что это принадлежит Господу или же сотворено им. Раз уж мы впали в ересь, то считали все Божьим промыслом. Для священника это, конечно, являлось вызовом.

Да что уж там глиста, когда нам показывали змей и змее-рыб в глиняных горшочках, и нерожденных младенцев в железном котле, и морскую деву с рыбьей головой и телом женщины, которую владеец называл идеальной, потому что выпивать и совокупляться она могла, а говорить – нет.

Мы видели и мужчин с узорами, наколотыми на коже, и женщин, которым дозволялось крутить сальто и делать колесо на улицах, не прикрыв свои ноги ничем, кроме туго натянутой ткани и похотливых взглядов зрителей. Одна разрисовала глазами все ноги и расшила их зеркальными пуговицами, но даже встречаясь взглядом с самим собой, никто глаз не мог отвести от ее мелькающих конечностей.

Благодаря высоким домам и узким улочкам кое-где держалась такая тень и прохлада, что плевки не высыхали и не стекали, а прилипали к камням, как слизь улитки. Римляне, слава Богу, соорудили здесь систему канализации, и по всем улицам тянулись пересекающиеся дре-

нажные канавы, по которым стоки сбрасывались в реку Орб, а не то ярмарка утонула бы в лошадиной моче и человеческих нечистотах еще до того, как святая пролетит хоть одну слезинку или примет первую чарочку. Самый весомый аргумент против жизни в городе, думаю, состоит в том, что горожане используют оживленные улицы для дел, которые деревенские жители совершают за кустиком или в ямке, свежая при этом кроликов или обрезая сыр.

– А ты знаешь, что под городом проходит тоннель для слива нечистот? – неожиданно спросил Горбун. – Чародеи минувших веков сложили кирпичную трубу, по которой, как говорят, можно проехать верхом на лошади. Ты слыхала об этом, Перроннель?

Матушка сроду не рассказала бы мне ничего подобного во время наших поездок в город. Она, как и ангелы, не признавала за собой никаких телесных функций за исключением того, что произвела на свет меня, хотя, иногда одиноко, взгромождалась на ящик, заглядывать в который никому не разрешалось, поскольку, по ее словам, в нем находились слепящие небесные камни. Констанс де Кулобр обычно толкала за ней этот ящик по всей мельнице.

– Проходит подземный тоннель? Это правда, Ферблан?

– Да, проходит и уносит нечистоты. Мне знакома такая система. Городу, в особенности при осаде, она ничего хорошего не сулит.

Это обстоятельство имело огромное стратегическое значение, но меня затошнило при одной мысли о подобном, тем более что старина Железноликий хмыкнул и добавил:

– Где проплывает городское дерьмо, кинжалы врагов проползут без труда.

Мне не хочется разъяснять, но на своем странном наречии он назвал дерьмо «серьмом», а вместо «кинжалов» употребил совершенно непроизносимое слово, поскольку мы раньше никогда не говорили о них.

Что я могла о нем думать? Вот он передо мной – оловянный рыцарь в доспехах, тусклых, как пересохший ручей, не дающих отблесков даже в свете факелов, вновь ведущий разговор о том, что находится под землей. У него мозги дворянина и изворотливость придворного, и вместе с тем он лжив и непристоен, и если это описание относится не к дьяволу, то я не знаю, кто он такой.

Вы можете удивиться, как это наша компания, состоящая, помимо меня, из горбуна, шлюхи и мужчины с железным котлом вместо головы и какими-то трубами вместо ног – ни дать ни взять паук, – не обратила на себя внимания. На самом деле нас замечали, принимая за таких же шарлатанов и уродцев, какие кишмя кишели вокруг. Горожане иногда поглядывали в нашу сторону в ожидании того, что мы начнем показывать фокусы или глотать иголки, но им всегда было на что отвлечься, а уж Мамли нафокусничалась за нас всех.

Человека, не привыкшего к диковинкам, больше всего в Безье восхищали животные. Здесь показывали лошадей с холмами на спинах, называемых верблюдами или дромадерами, в зависимости от того, сколько холмов они несут. Верблюды казались не менее унылыми, чем те, другие, и причина, видимо, заключалась в цвете их шкуры. Видели мы и другого зверя – серого, огромного, как дом, с ушами размером с оконные ставни и пятой ногой, свешивающейся с середины морды. Собравшиеся вокруг него спорили о том, что это за зверь, и среди них – Ферблан (который заявил, что это слон), священники и другие знатоки. На спине у зверя холмы отсутствовали, а вот его помет очень напоминал небольшие холмики и грозил со временем завалить Безье горами дерьма, что, собственно, и случилось, когда животное застряло между двумя домами и не могло сдвинуться с места.

Кроме того, я увидела то, что и раньше видела в Безье, но предпочитала не вспоминать. Они держали там кучу разных маленьких волосатых детишек, – я насчитала, по крайней мере, десяток этих существ, которых вели на цепочках или кожаных поводках. Сперва их зовут мартышками, а потом, когда те подрастут, их сажают в клетку и называют обезьянами. Говорят, будто это – дети мавров или черных мавров, но я видела отпрысков тех и других и знаю, что они очень похожи на нас. Детьми цыган их тоже не назовешь. Более убедительной кажется тео-

рия о том, что они – потомство гермафродитов или содомитов, и надо сказать, Немой смотрел на них с любовью, но Ферблан объяснил, что они – наказание Божье мужчинам, которые совокупляются с себе подобными, и я думаю, что это – наиболее удачное объяснение из всех, ибо отсутствие женского, смягчающего начала приводит к тому, что эти существа сплошь покрыты волосами, не исключая рук и ушей. Правда, я ни разу не лицезрела беременного мужчину, но разве за такую короткую жизнь, как моя, увидишь все чудеса, существующие в мире, и к тому же все знают, что по воскресеньям в церкви можно встретить тех, кого сроду не встретишь в будни, а дни святых ничем не хуже воскресений.

Эти злосчастные мохнатые малыши являли собой символ всего зла, порожденного человеком. Город показал мне свою изнанку, дав увидеть их лица.

Я отправилась в церковь Ля-Мадлен, чтобы заказать молитвы за упокой душ матушки и батюшки, а также заплатить за то, чтобы их имена упомянули завтра перед мессой в честь дня святой. Я выбрала церковь Ля-Мадлен потому, что праздник посвящался ей, а кафедральный собор и святая часовня располагались за городскими стенами, хотя, без сомнения, под надежной защитой Господа.

Раздав милостыню, я купила лучшие восковые свечи и зажгла их. Они прогорели на пару пальцев, пока я стояла на коленях, молясь за моих дорогих. Я также поставила толстую сальную свечу за упокой души Констанс де Кулобр, и нашла хлипкую и кроткую с виду старую деву, чтобы та помолилась за Констанс, по крайней мере, пока я наблюдаю за нею. За Мари-Биз, Колючку и Одноглазку я поставила по тонкой свечке и заплатила толстой вдове, чтобы та до завтрака возносила молитвы за них и часок помолилась перед свечами, поставленными за родителей и Констанс.

Ночные бдения мне оказались не по средствам, но батюшка все равно терпеть не мог священников, а мои женщины поняли бы меня и простили.

Продала ли я платье из своей сумки, чтобы оплатить это все? Отнюдь нет, деньги мне дала ля Мамлон. Она сказала, что предпочла бы истратить их на священника, – покупать молитвы вдовы немногим лучше, чем платить за танец обнаженной женщины, – но в достаточном количестве снабдила меня деньгами из мужских рук, только что с вождением шнырявших по ее телу. Взяв монеты, я вытерла их, и это сделало меня настоящей сводней.

Я вышла из молельни и стала бродить по церкви в поисках священника, как настаивала Мамли, чтобы заказать ему заупокойную службу. Мне хотелось найти такого, который мог бы отслужить ее хорошим голосом завтра с утра, пока он еще не напился.

Тот, за кем я пришла сюда, нашел меня сам, и довольно быстро. Он достиг уже возраста дородности, но был высок, ясноглаз и физически крепок, во всяком случае, насколько я разглядела его. То же, что мне разглядеть не удалось, скрывалось под ризой цвета загаженного коровами снега, что делало его похожим на кармелита.

Теперь, когда я пишу эти строки, мы можем назвать его монахом, хотя уже и в дни матушкиной юности монахи встречались повсеместно, за исключением тех монастырей, где им надлежало пребывать. Некоторым из них поручалось шпионить за священниками-еретиками (то есть за всеми без исключения). Это означало, что они непрерывно подвергались воздействию зла и порока, но в чтении молитв, – если сойтись в цене, – им не было равных.

Стоило нам с ним – человеком столь мне нужным – встретиться, как он тотчас же оттеснил меня в какую-то комнатку – наполовину пещеру, наполовину кладовку, ведущую в подвальные помещения церкви. Споткнувшись, я миновала пару ступеней и увидела множество угрожающе выглядящих келий, каждая – с горящей свечкой и лысым святым отцом. Проход напоминал соты, полные пчел, и я так струхнула, оказавшись под церковью Ля-Мадлен, как будто действительно свалилась в улей, тем более что из него неслись звуки, весьма похожие на грозное жужжание. Воздух дрожал от молитв и протестующих возгласов, а также тех полу-

придушенных криков, какие издают женщины, когда сопротивляются из последних сил. Туда-то он меня и подталкивал.

Я не так-то легко отступаю, и ему пришлось тычками спихивать меня вниз по лестнице. Давление создавалось вышеописанной полнотой плоти и концентрировалось в некоем выступе, расположенном на длину руки ниже его грудной клетки. Если это являлось животом, то он был на удивление остроконечным. Что бы это ни было, я поспешила отодвинуться.

В келье я выложила ему, зачем пришла, и вручила деньги так решительно, что не могла не удивить святого отца, который руками взял деньги, а глазами – меня самое. Когда я закончила говорить, отталкивая его выступ и увертываясь от него, то по выражению лица монаха моментально поняла, что он не слышал ни единого слова. Его интересовало исключительно мое тело (или, как говорят по-латыни, его принципиальные части).

Наши священники – люди особого сорта. Повстречайтесь здесь, у нас, со священником, и вы сразу познакомитесь с его шустрými руками и скорой на подъем другой частью тела, причем скорой настолько, что если вы тотчас же не отскочите, то обнаружите, что эта часть уже преградила выход и заперла дверь на щеколду, – и я вполне могу это засвидетельствовать. Любая девушка, которой по какой бы то ни было причине необходимо побеседовать со священником и которая надеется вступить в зрелость с плоским животом, предпочтет разговаривать с ним на открытом месте (в монастыре слишком много укромных уголков, некоторые из которых – кольцеобразные, где к ней можно приблизиться с двух сторон одновременно), при этом прохаживаясь быстрыми шагами и держа открытый молитвенник или псалтырь перед запахом мантильи, не говоря уже о складках юбки или застежке. Стоит любому из его десяти пальцев, трех больших пальцев (или одиннадцати нижних пальцев, как считают монахи) утратить чувство ориентации, она может прихлопнуть его между страниц и таким образом положить конец поползновениям. Однако такого оружия я, увы, не захватила.

Рук священник, надо признать, не распускал. Он так пожирал меня глазами, что в руках и не нуждался. Вместо этого он задрал подол ризы и показал мне то, что я давно ожидала увидеть. Монах – это не что иное, как заляпанная вином ряса (или рясса, как пишут парижане), а под ней – голый мужчина. Плоть его отличалась довольно-таки внушительными размерами, что, в общем, характерно для монахов, а подвески, ничем не поддерживаемые, когда их владелец поднимается, просто свисают, как груди женщины, рожавшей раз десять, и не успокаиваются до тех пор, пока не ткнутся носами в землю, чтобы заняться там разнохиванием тайн дождевых червяков. Этот оказался длинным, запыленным на конце, но отнюдь не вялым.

– Хвала Господу за то, что он прислал тебя ко мне! – сказала эта штука, даже и не упомянув моих бедных родителей.

– Хвала Господу и Пресвятой Деве Марии! – Его владелец тоже говорил и тоже странно.

– Спасибо Господу и Аве Мария!

Один из них перешел на латынь.

Священникам не полагается совокупляться. Совершенные катаров вообще считают плоть нечистой, а женскую – так просто вершиной творчества Сатаны. Поскольку большинство наших священников провозглашают себя Совершенными, а все наши Совершенные, кроме самых великих, – священники, каждый из них может грешить по другую сторону ереси, если не сказать – одеяла, и никто не считает, что в грех вовлекается его сущностное «я».

То же случилось и с этим образчиком добродетели. Его вполне устраивало предоставить своей штуковине вести переговоры, покуда не выяснилось, что на меня это не действует, и тогда ему пришлось несколько изменить тактику.

– То, что находится у братьев вроде меня между ног – это их целомудрие, которое может утешить страждущих. Если ты его боишься, просто не смотри на него, а я знаю одно восхитительное местечко, где мы можем скрыть его от посторонних взглядов.

Если уж Ферблан опасался, что быстрая ходьба может повредить кое-что во мне, то гнусная и чудовищная абстракция – целомудрие святого отца – могла сожрать это кое-что с потрохами, чего я допускать не собиралась. К несчастью, его интересовали не только мои женские достоинства, как сверху, так и снизу, но и то, что находилось у меня за спиной, – он пытался нащупать защелку на двери и закрыть ее. Как же, ради всего святого, могла я защититься от этого человека, не угрожающего мне прикосновениями, но уже наглядно показавшего, что может обходиться без помощи рук?

Монахи обычно подпоясаны веревкой – веревкой от колокола Сатаны, как говорила Колючка, – символизирующей их вечную чистоту. Матушка утверждала, что лучше рассматривать ее как соскользнувший нимб, а Мари-Биз – как воспolzшую подвязку, но веревка этого уже валялась на полу, а плоть заслоняла мне свет, когда я совершила еще одно жизненное открытие. Защищаясь от мужчин, я понапрасну трачу время, ибо следует нападать на них. Все, что для этого нужно, – это чуточку ума и изобретательности.

В его келье горели свечи. Я решила зажечь еще одну – поближе к Господу.

Фитиль оказался сухим – пламя никогда не касалось его. Он все еще пытался пробраться сквозь мое презрительное пренебрежение весь целиком по маленькие розовые ушки. Между тем в пределах досягаемости находилось море воска, который стекал со свечек на его *pré-dieu*¹⁶. Я подогривала одну свечку над другой и, зажигая, размещала их на том же крошечном алтаре.

Келья наполнилась ревом, визгом и еще более пронзительными звуками. У него выросла сотня рук, неистово стремящихся потушить его чресла, сперва пытаюсь сбить пламя, а затем погружая их в разбавленное вино и святую воду, а вместе с тем освободивших несколько пальцев, чтобы вырвать глаза, горло и сердце из той грязной, кровавой жижи, в которую он собирался меня превратить.

Он визжал и орал так, что на крики могло примчаться с десятков соседей. Мой недавний опыт подсказывал мне, что десяток – это слишком много, и поэтому я ухватила кисточку его веревки и забила ему в глотку. Остальным я обмотала шею монаха и издающую громкие звуки нижнюю часть его головы, завязав этот нимб потуже, чтобы он не спешил соскользнуть.

Даже кармелиту не дано творить чудеса непрерывно. Он вновь стал зверем о двух руках, одна из которых была обожжена воском, а другая царапала веревку на его глотке, так что путь к выходу оказался относительно свободным. Я забрала свои деньги и помолилась, чтобы он сумел себя развязать, но только не слишком быстро. Оставив его корчиться в отвратительном запахе нечистот, воска и паленых волос, я помчалась к скромным непристойностям города.

Созданные им химеры продолжали преследовать меня, а среди них – не столько его умножившиеся руки или исходящая гордыня, сколько тысячи глаз, вылезающих из глазниц, чтобы терзать и жалить мой разум. Карабкаясь по ступенькам, я представила, что выбираюсь из глубин его мозга.

Однако я испытала еще не все чудеса из тех, что написаны мне на роду.

Мне бы следовало помнить, что праздник Ля-Мадлен всего лишь на месяц опережает канун летнего солнцестояния. Спеша по узкому проходу, я наткнулась на Мамли, вещающую, точнее, внимающую худому мужчине незаурядной внешности. Высоким ростом он походил на Арнольда Альмарика и испускал такую же черную ауру, несмотря на платье из алой ткани, окутывающее его с головы до ног, а ткань эта – дорогая, и ее не часто увидишь, тем более в свете церковных свечей.

Левой рукой он держал Мамли за правое запястье и, казалось, выкачивал из нее жизнь подобно тому, как паук или оса высасывают гусеницу. Мамли оцепенела от звука его голоса

¹⁶ Низкая скамейка, иногда с мягкой обивкой, на которую прихожане, молясь, становятся коленями.

и явно получала удовольствие от своих ощущений, но говорят, мухи и гусеницы тоже не чувствуют боли, а иначе сопротивлялись бы или, объединившись, покончили бы с тиранами.

– Это Собачья Шкура, – произнесла Мамли так, будто это обыкновенное имя, а яркие собаки встречаются на каждом шагу.

– Это мой полночный титул, – сказал он мне, – и должен использоваться лишь при свете звезд, когда свечи потушены.

Он протянул ко мне свободную руку, словно пытаясь выкачать мою кровь, как и ее.

– Я – Раймон де Брусе, – добавил он.

– Перроннель де Сен-Тибери. Я из семьи Транкавелей. Моя матушка...

– А, Дева с мельницы...

При слове «Дева» он причмокнул так, будто его язык был у меня между ног.

– Узнал тебя по цвету волос. И по коже. Я часто наблюдал за тобой.

– Никогда не видела вас раньше, – твердо ответила я. – И не слышала, чтобы мои родители говорили о вас.

– Обо мне говорят все, – он опроверг меня, не рисуясь и не ломаясь, – но видят лишь немногие, поскольку я часто становлюсь невидимкой.

Ля Мамлон замурлыкала и хихикнула, как ребенок, которому поют смешную песенку.

– Что до наших встреч, Перроннель де Сен-Тибери, то я наблюдал за тобой. В пруде у меня есть вода, а в кошельке – стекло, и я часто вижу тебя и в том, и в другом.

– Чепуха, – ответила я.

– Мне все равно, веришь ты или нет. – Он говорил бесстрастно, как и прежде. – Я просто говорю своей непорочной прислужнице, – он указал на Мамли, пребывавшую в транс, – что на твоей левой лопатке бородавка – точно такая же, какую я послал Виолетте ля Вьерж, и она может нащупать ее, чтобы подкрепить свою веру в меня.

При этом он пристально посмотрел мне в глаза, которые затуманились, несмотря на то, что на теле моем нет ни бородавки, ни родинки, ни даже веснушки.

– О других секретах, которые хранит для меня твое тело, я поведаю тебе, когда мы останемся наедине и твое внутреннее «я» будет в большем внимании.

Покраснев до корней волос, я тем не менее подавила смешок при взгляде на ля Мамлон как на чью-то непорочную прислужницу, хотя надеялась, что хорошее воспитание не позволит мне прокомментировать это заблуждение.

– Тебе должно быть стыдно за эти мысли, – заметил он и так взглянул в мою сторону, что у меня душа ушла в пятки. – Неужели ты думаешь, что мой Властелин не может мгновенно подарить или отобрать девственность, запечатать лоно этой юной шлюхе, уподобив ее новорожденному младенцу, или овладеть величайшей из святых девственниц, даже святой Урсулой, и оставить ее оскверненной и запятнанной, как любую шлюху? – Он уставился на меня и прошептал: – Опаленную его славой или унесенную порывом его экстаза? Саму сладчайшую святую Урсулу и все десять тысяч ее монахинь?

Я порадовалась упоминанию о еще нескольких людях, поскольку до сих пор он, казалось, разговаривал лишь со мной и с теми частями моего тела, о которых я предпочитала не думать.

– Скажу тебе прямо, Перроннель, моя маленькая девственница с мельницы: я не навлеку на тебя неудовольствия своего Властелина, назвав другим твоим именем. Скажу прямо, что ты предназначена мне.

Он замолчал, и в этом молчании я услышала, как скребутся когтистые лапы. Потом он обратился непосредственно к ля Мамлон:

– Когда этот город падет, ты поступишь в мое распоряжение.

– А где это произойдет?

Он говорил медленно, как хорошо вышколенный ребенок, отвечающий наизусть:

– На холме Алариха, в Часовне-на-Костях.

Колдовством я была сыта по горло и больше не могла выносить эту глупость.

– А кто, собственно, сказал, что Безье падет?

Он по-прежнему говорил тоном проповедника, которым так хорошо владеют все эти рисующиеся волшебники:

– Мой Властелин заявляет, что Безье падет, и я наложил заклятье, которое обеспечит торжество его воли. Если ты не веришь мне, Дева, то посмотри, что произойдет у ворот Сен-Жак завтра после полудня. Только смотри на это, сидя верхом на лошади, и смотри на это снаружи, ибо увидишь ты, как распахнутся они и примут в себя посланцев преисподней, что и пожрут город задолго до окончания этого глупого праздника.

– Зачем ты это делаешь?

Железнодорожник пришел за своими женщинами. Он говорил так, будто всерьез относился к подобным вещам.

– Почему ты наложил столь страшное проклятие?

Де Брусе Собачья Шкура повернулся ко мне, потом – вновь к нему, словно хотел подпитать ненавистью свой взгляд, столь же кровожадный, сколь у оголодавших за зиму волков.

– Я проклял Безье и прокляну Каркассон, потому что это – владения Транкавелей, а мой Властелин ненавидит их, как и всех тех, кто, отвернувшись от света Христовой веры, не обращается к нему, Властелину мрака.

– Они давным-давно стали прибежищем священникам катаров, – задумчиво проговорил Железнодорожник, – а теперь ходят слухи, что молодой виконт собирается стать одним из Совершенных.

– Во Вселенной только два великих правителя, – прошептал Собачья Шкура. – Своды и круги царствий всеобщего Отца нашего – там, наверху, – он уставил пальцы к звездам, ярко сиявшим над крышами домов, – а мой повелитель властвует над этой землей. Папы знают об этом и страшатся *Его*.

Я почувствовала его дыхание на своих волосах: голове стало нестерпимо жарко, как будто она и впрямь горела.

– Вот почему они ненавидят это дурачье катаров, которые надеются постами изгнать Его из своих жизней.

Потянув Мамли за ухо, он привел ее в чувство, а потом пропал из вида. То есть это мы перестали видеть его, а ночью такие фокусы легко удаются.

Голос его остался с нами.

– Это – дело рук моего Властелина. Он подсказал папе Невинному¹⁷ устроить его нелепый крестовый поход и стереть эту ересь с лица земли. – Он захлебнулся от смеха. – Ну и простофиля же он.

Железнодорожник открыл было рот, но в этот миг вновь раздался голос Собачьей Шкуры:

– Вы видели Арнольда Альмарика. Как по-вашему, чьему Богу он служит – Богу папы Иннокентия или моему?

– «Девственница», – издевалась я, – «непорочная прислужница»!

Произнеся эти слова, я возненавидела себя. Еще минуту-две назад я зареклась насмеяться над ля Мамлон по этому поводу. Может, она и шлюха, но вместе с тем она – моя единственная подруга. Беда заключалась в том, что де Брусе Собачья Шкура, он же Альый Раймунд, на мгновение показав свое истинное лицо, напугал меня гораздо больше, чем брат кармелит, демонстрирующий в течение четверти часа все части своего тела в их мерзкой совокупности.

– Для Собачьей Шкуры я все еще девственница, – ответила милая девушка, – и это не образное выражение. Он говорит, что в плоть мою ведут пути, которые пока не обнаружил ни один мужчина и которые он со временем откроет и наречет.

¹⁷ Иннокентий – невинный (лат.).

– Откроет, несомненно, – взяв в руки нож. И лезвие должно быть очень острым, Мамли, чтобы добраться до них, ибо сокрыты они в самой глубине.

– Могу представить, как нелегко тебе пришлось только что, а иначе ты не говорила бы так жестоко со своей подругой.

К счастью, Железноликий оказался не так близко, чтобы услышать это, как, впрочем, и Немой с Горбуном. Тем не менее ночь казалась мне настолько исполненной злобы в свой полуночный час, что я прижалась к Мамли и стала расспрашивать ее об этом знатном колдуне. Великое семейство де Бруссос принадлежало к высшей знати, как бы ни увлекалось оно искусством черной магии.

– Я познакомилась с ним в прошлом году, – начала Мамли. – Купив за олений окорок, – а за такую плату я готова принадлежать любому, – он брал меня как животное и получил столько удовольствия от обладания мною способами, о которых я и духовнику-то рассказать не осмелюсь, что после доплатил этой колодой карт.

Она пошарила под юбкой и извлекла крошечный кожаный мешочек с картами, разрисованными цифрами и удивительнейшими картинками. Все они выглядели так чудно, что у меня голова пошла кругом, стоило мельком взглянуть на них сквозь ее пальцы. А что до времени, когда он дал их ей, то здесь она заведомо лгала, однако я ограничилась следующим замечанием:

– Он, должно быть, только что дал их тебе.

– Нет, они у меня уже год, и я изучаю их целую вечность.

– Когда мы встретили тебя под всеми этими крестonosцами, ты была совершенно голой, как, впрочем, и большинство из них. И ни один из вас не мог похвастать ни накладным, ни прорезным карманом, не говоря уже о кошельке.

– У женщины всегда есть карман, – ответила она. – А иногда и два, в зависимости от того, как ею пользуются. Под давлением обстоятельств я научилась рассовывать свои ценности по самым разным местам.

– Одно из твоих предположений – отвратительно, а второе – лишено здравого смысла.

Она склонилась к булыжнику, вздохнула и разложила карты.

– Ты так и будешь препираться со мной на анатомические темы или все же согласишься взглянуть на мои волшебные картинки?

Взглянув на ее волшебные картинки, я почувствовала, как у меня холодок пробежал по спине. Они разительно отличались от всего, что доводилось мне видеть раньше, включая карты, разложенные на цыганском барабане. Даже Мари-Биз, которая играла в такие игры, никогда не рисовала ничего подобного Констанс де Кулобр (утверждающей, что та карт вообще не рисует). На этих изображались пронумерованные от одного до десяти мужчины с мечами, мужчины с монетами, мужчины с жезлами и мужчины с кубками. Те же, что на первый взгляд представляли собой просто милые картинки, оказались вовсе не милыми, а жутко-зловещими, сравнимыми разве что с дыханием дракона или наколками, что можно иногда увидеть на коже ярмарочного жонглера. Там были Сатана, колесуемый кролик и лисы с волками, воющие на молодой месяц; мужчина с перебинтованными ногами, женской грудью и нимбом, как у святого, и обнаженная женщина с колдовским колпаком. Тело ее по красоте напоминало тело Колючки, но с гладко выбритого срамного места свисал мужской орган длиной со змею или с бычий хвост и похожий на веревку с цветком на конце. От этих я перешла к ужасам войны, человеку на виселице, повешенному, правда, не за шею, а за щиколотку и, как мне показалось, улыбающемуся; костлявой Смерти с косой и песочными часами и множеству всяких иных диковин. Каких только чудес я не нагладелась в Безье за сегодняшний вечер, а раскрашенные картинки Мамли могли бы предсказать их все, да и не только их.

– Это – магический расклад, – прошептала Мамли, – магический и жуткий.

Я не раскладывала карт, а просто смотрела на них. Меня особенно поразила огромная башня, не менее настоящая, чем те, что возвышались в замке за моей спиной, в которую мол-

ния была до тех пор, пока ее зубчатые стены не раскололись и люди не посыпались оттуда кричащими сгустками огня.

– Может, нам и повезет, – пробормотала ля Мамлон, собирая карты и делая вид, что она прячет их в то место, в котором якобы и хранила до этого. – Может, нам как раз и повезет. Ты выложила некоторые из них лицом вниз.

Я не выкладывала их и вообще к ним не прикасалась. У меня создалось впечатление, что они сами суетливо выскакивали у нее из-под юбки, словно там сидела целая орава дьяволят, но ночь была на исходе, и я с ума сходила от горя и беспокойства.

Пока мы брели по темным улицам, карты Мамли постоянно приходили мне на ум – карты или рисунки на них, которые принимали большие размеры, чем в действительности.

– А эта расколотая башня, – спросила я, – эта рушащаяся каменная твердыня, эти сцены гибели и разрушения – что они означают?

– Конец дружбе, семье и налаженной жизни, – нараспев произнесла она, почесавшись при этом там, где воспитанные дамы не должны, словно для придания достоверности этой кошмарной лжи. – Полная перемена.

– Именно это со мной вчера и произошло, – прошептала я.

– Эти карты наделены силой, а Собачья Шкура – могущественный волшебник. Он предвидел направление наших судеб, Перроннель, – от сего дня и до конца света.

Де Брусе Собачья Шкура и его карты явились не единственным сюрпризом, преподнесенным нам Мамли. Она добыла для нас хлеб и вино, а также кое-что из одежды. Правда, эти наряды выглядели омерзительно даже в полночной тьме, и Бог знает, что подумала бы о них святая при свете утренней зари.

Не то наряды, не то вино вернули Горбуна и Немого в наше общество. Железнодорожник же никогда не отходил далеко. Я поняла, что он не очень-то хорошо ходит пешком. Одна из его ног лязгала при ходьбе, издавая звук, похожий одновременно на гул наковальни и дребезжание ведра. Я слышала это весь вечер, но принимала за звон колокольчиков бродящего по соседней улочке стада овец. Только сейчас до меня дошло, что он постоянно держал меня в поле зрения.

– Давайте гулять по улицам до утра! – прокричала я, пребывая под воздействием вина Мамли. – Гулять и слушать музыку ярмарки.

– Может пойти дождь, – мрачно ответил Горбун. – Он уже шел сегодня.

– Это городские дамы выливали ночные горшки, – рассмеялся Железнодорожник. – Они не повторят этого до завтрака, по крайней мере, с верхних этажей. Я согласен с Перроннель. На открытом месте мы будем в большей безопасности.

– Хорошо так рассуждать, если на голове кастрюля, а все остальное заковано в металл, – ухмыльнулся Горбун. – А прочие могут и лихорадку подхватить.

– Ну уж не в центре главной площади, – парировал Железнодорожник. – Я хочу прийти туда пораньше. Твой кузен собирается произнести прекрасную речь, Дева.

Я совсем забыла о Транкавелиях, поскольку матушки не было рядом, чтобы напомнить мне о них.

– А ведь все мы могли ночевать в замке, – выругала я себя, – и спать на льняных простынях. Если бы вы, Ферблан, так не возражали против этого.

– Твое присутствие помешало бы твоему кузену, – мрачно ответил тот. – Он же удрать собирается.

– Удрать? Транкавель?

– Даже Транкавели способны проявлять здравомыслие, Дева. А в этом почти столько же здравого смысла, сколько и в Симоне де Монфоре. Ему известно, что война предоставляет человеку на выбор лишь две возможности: потерпеть поражение или остаться в живых.

– А как же его люди?

– У простых мужчин и женщин только один выбор – остаться в живых, если удастся...

– Чушь!

– Давай послушаем, что скажет он сам в свое оправдание. Ведь твой кузен – благородный человек. Он не сбежит, покуда не преподнесет это должным образом.

Так мы оказались на просторной площади перед замком Транкавелей и заснули в самой ее середине после первых петухов. Содержимое ночных горшков на нас не падало, звезды же, а потом и солнце светили слишком ярко для того, чтобы своду небесному пришла мысль опорожнить свой собственный. (Я прекрасно знаю, что небосвод на всех здешних языках – мужского рода. Когда я увижу мужчину, выливающего ночной горшок, то пойму, что мне действительно явилось чудо из чудес!)

Кто-то из нас проснулся из-за людей, бродивших в поисках ночлега, кто-то потому, что на него наступили, а одна – моя бедная Мамли – от того, что на нее улегся какой-то невежа, заявивший, что она – матрас, хотя постель в день Ля-Мадлен стоит гораздо дороже, чем девка.

Железнодорожник поднялся последним. Великий шум заставил его если не вскочить на ноги, то уж, по крайней мере, приподняться. Суматоха началась перед замком, ворота которого запахнулись и явили моего кузена Раймона-Роже, восседающего на прекрасном скакуне, состоящем из ноздрей и зубов и выглядевшем так, как и должен выглядеть конь, за которым ухаживают самым наилучшим образом. Гарцуя, он врезался в самую гущу людей, представ перед всеми нами, то есть перед людьми, и ожидающими этого появления, и лишь просыпающимися, и пришедшими просто из любопытства и к этому времени составляющими довольно внушительную толпу. Поскольку конь нес на себе не кого-нибудь, а самого Транкавеля, его сопровождали другие лошади, однако они держали своих всадников на почтительном удалении – чтобы спины их не закрывали рот моего кузена, когда он вознамерится открыть его.

Должна сказать, я очень гордилась им. Он выглядел так же прекрасно, как и его конь, – вплоть до зубов, а это уже о многом говорит. Жители Безье вновь и вновь приветствовали его радостными криками – ведь они очень любили его, как, впрочем, и жители окрестных деревень. Матушка всегда питала надежду, что я выйду за него замуж, если она будет долго скрывать меня, а потом – улучив момент – возьмет да и покажет. Правда, у кузена уже была жена, но сие матушку не волновало. «Это такой риск – быть женщиной, – говаривала она. – Потому-то жизнь и предоставляет каждой из нас столько великолепных возможностей».

Сейчас эта великолепная возможность движением руки призвала нас к молчанию.

– Храбрые защитники Безье, – начал он, – мои прекрасные и мужественные парни! (Естественно, в толпе находилась масса женщин, однако благородные люди не в состоянии продрать глаза в столь ранний час, поэтому мы приняли этот комплимент с той же живостью, с какой он был произнесен.) Мои соратники биттеруа, я созвал вас сюда в это святое утро, чтобы посоветоваться с вами и раскрыть свой великий план сражения.

Я оказалась одной из немногих, кто понял эту фразу. Когда живешь в доме, полном женщин, поневоле становишься искусен в чтении по губам. Когда кузен назвал добрых граждан словом «биттеруа», раздались громкие крики одобрения, спугнувшие голубей и чаек и унесшие остатки здравого смысла. «Биттеруа» – это ласковое прозвище, придуманное жителями Безье для самих себя, и собравшимся на площади очень польстило, что мой кузен его помнит.

Ликование продолжалось некоторое время. От возбуждения и избытка фамильной гордости я слегка толкнула Железнодорожника локтем.

– Здесь довольно много евреев, – прошептал он. – Полным-полно. Дождемся его плана и послушаем, что скажут эти умники.

Если уж я не протестовала, когда меня назвали мужественным парнем, то не находила причин, по которым евреи могли бы осудить обращение «биттеруа».

– Простота есть сущность всех успешных кампаний, – продолжал кузен, – простота замысла и дерзость исполнения. Мой же план – суть сама простота. Я знаю, что могу рассчитывать на вашу смелость, храбрецы мои, как и вы знаете, что можете рассчитывать на меня.

За этими словами последовало значительное количество героических плевков, однако слух окружающих они не усладили. Ни один из них не смог издать сочного шлепка при падении на булыжники, ибо на тех стояло слишком много ног.

Следующую часть своей речи мой кузен произнес галопом, и я дивилась, как легко успевают за ним горожане:

– Пока эти северяне и прочие чужеземцы изнуряют себя пред нашими мощными стенами, удерживаемые народным ополчением биттеруа, я совершу вылазку в Каркассон и соберу подкрепление из числа воинов тамошнего гарнизона. А потом я вернусь и сотру всех этих чужеземцев в порошок о наши несокрушимые укрепления. Вы, храбрецы Безье, станете ступкой, а мы с нашими не менее храбрыми друзьями из Каркассона – пестиком. Эта военная хитрость позволит немедленно снять осаду и одним ударом рассчитаться с так называемыми крестоносцами.

Большинство граждан, казалось, согласились с ним и собирались снова выразить моему кузену свое одобрение, когда один из евреев, перебив его, нарушил ход событий.

– А до Каркассона, между прочим, пятьдесят лиг! – выкрикнул он.

– Только не верхом, мой храбрый друг. У тебя лишь две ноги, а у лошади – четыре.

– Значит, на лошади путь будет вдвое длинней.

Это взволновало женщин. Они начали роптать, как только Раймон-Роже заговорил о Каркассоне. Мой кузен – я продолжаю на этом настаивать – был очаровательным мужчиной, а женщины по-своему истолковывают заявление о том, что предмет их восхищения собирается ускакать за три-девять земель. Одна-две из них завывали и стали причитать, издавая такие же звуки, как ослы или цыганки, потерявшие моток бечевки.

Мужчины сделаны из более крепкого материала. Хорошо обдумав предложенный план, они решили заглушить всю свою трусость очередным криком одобрения. Выражение «мощные стены» бесконечно порадовало их, ибо показалось лаконичным описанием совершенства. А уж если рот забит завтраком, оно звучит как стихотворение и молитва одновременно, хотя подобное на другом языке – не более чем напыщенная ахинея. «Несокрушимые укрепления» представляли собой примерно то же самое, особенно если завтрак состоял из вина, и вызывали даже больший восторг, поскольку звучали несколько дольше. Но подлинной причиной, заставившей их драть глотки, явилось выражение «храбрецы». Особо сильное рвение по этому поводу проявляли пожилые и беззубые лет тридцати и постарше.

– Если ты хочешь завоевать доверие ветерана, то нет ничего лучше, чем назвать его храбрецом, – пояснил Железноликий. – Он вряд ли умрет за тебя, но орать уж будет непременно.

– Сколько же воинов вы можете привести с собой из Каркассона? – спросил тот же еврей. Он говорил тонким-претонким голоском, и жаль, что люди тем не менее хотели его выслушать. – Может, двести? Огромное войско, что угрожает нам, способно без труда поглотить и две тысячи человек.

Он построил фразу несколько на испанский манер, – я услышала, как в толпе называли имя Соломона из Героны, – и его вывод оказался слишком трезвым, чтобы найти отклик у горожан.

– Я очень рад, что ты поднял этот вопрос, – заявил кузен Раймон-Роже, – и что ты, иноземец, чувствуешь себя у нас как дома и можешь так открыто высказывать свои опасения.

Он поднял руку, словно пытаясь отвести от еврея народный гнев.

– Ты и действительно коснулся самой сути нашей военной хитрости.

– Точно.

– Сути его военной хитрости.

Снова героические плевки.

– Время. Время изнурит этих крестоносцев так, что они станут слабее собственных теней. Скажи мне, что они будут есть? Может быть, мы пригласим их откусать вместе с нашими женщинами?

Он милостиво, как умеют лишь великие люди, улыбнулся Соломону из Героны, который не планировал ничего такого в отношении крестоносцев и посему воздержался от ответа.

– Мы запасли хорошую муку, а наши колодцы глубоки. Снаружи лишь разлившаяся река Орб. Их вода тухнет в канавах. Им придется есть всякое дерьмо или ловить кроликов в море.

Не знаю, разорались ли они снова. Думаю, что разорались. К тому времени я уже оглохла от криков. У кузена оказался талант изрекать всякую чушь, а ведь ничто лучше какого-нибудь идиотского оборота не заставит людей поверить в тебя. Действительно уж, кролики из моря.

Однако не все слушали его. Одни, вроде меня, уже совсем оглохли, другие жевали хлеб, третьи лапали Мамли ля Мамлон или пребывали в поисках других, подобных ей (а как же огорчались мы, честные женщины, когда нас путали с такой, как она). Куда бы Мамли ни направилась, за ней тянулся хвост холостых мужчин или мужей, ухитрившихся затеряться в толпе и выжидающих возможности потрогать ее, так что я не сомневалась, что мы позавтракаем на славу.

– Эти крестоносцы – «сорокадневники», – продолжал Раймон-Роже. – Они здесь только для того, чтобы отслужить свои сорок дней и получить вечное прощение, обещанное им папой Иннокентием. Как будто это так просто заслужить.

Он говорил как человек, который и сам очень долго добивался прощения.

– Они сидели в своих парижских замках («парижские замки» – такая же находка, как и «кролики из моря») и думали, что проще сорок дней подыхать с голоду под стенами Безье, чем обливаться потом у врат Иерусалима, и, шевеля губами, стали возносить свои молитвы. Пускай возносят, ибо здесь их молитвы – это то единственное, что они могут засунуть в рот. А сорок дней – достаточный срок для диких краев, как хорошо известно нашему Спасителю. Кроме того, многие думают, что их срок пошел с того самого дня, когда они примкнули к этому так называемому крестовому походу, что произошло не одну неделю назад.

Сначала лишь некоторые подхватили клич:

– Что же они будут жрать?

А после это сделали все те, кто не спал, не ел и не лапал ля Мамлон:

– Что же они будут жрать, эти «сорокадневники»?

– Кроликов из моря! – выкрикнула Мамли из сети опутавших ее рук, и сотня шлюх взвизгнула: «Кроликов из моря», в то время как мужчины нырнули им под юбки в поисках плоти.

– Скорее они съедят ваши кости, – сказал Соломон из Героны.

Я расположилась рядом, поскольку вопросы большой стратегии очень заинтересовали меня. Не думаю, что кто-нибудь еще услышал его, по крайней мере, мыслящей частью своих голов. Стоило Соломону открыть рот, как все окружающие немедленно глохли.

Железнодорожник ограничился коротким замечанием:

– Для еретика твой кузен слишком свободно обращается с Христом.

– Вы священник или сплетник? – спросил его Соломон. – Или что-то между ними?

Как я уже говорила, он был одним из нескольких евреев, находящихся в толпе. Как и мой кузен, они привели лошадей, хотя – в знак уважения – не сидели на них.

Евреям не положено ездить верхом на лошадях или украшать кинжалы драгоценными камнями, но я сроду не слыхала о том, чтобы кто-нибудь в графстве Тулузском, да и во всем Лангедоке следил за неукоснительным исполнением подобных законов, включая даже тот, что обязывал их ходить в черном. Черное платье в Безье, да еще в праздник, могло лишь привлечь к тебе внимание, если ты, конечно, не древняя старуха, а Соломон таковой не являлся.

В то время как народ расходился, мой кузен поспешно покинул площадь, видимо опасаясь, что кто-нибудь попытается задержать его. Он галопом вылетел из города через ворота Сен-Жак, которые смотрят на юг и ведут к дороге на запад. С собой он прихватил несколько сотен всадников, чтобы лучше убедить еще несколько сотен вернуться с ним из Каркассона.

– Ерунда, – заметил Железнодорожник. – Кому нужны лошади при осаде? Они сожрут весь овес.

– А затем можно сожрать и их самих, если это не запрещено религией, – согласился Соломон.

Вскочив на свою кобылицу, он добавил:

– Я отбываю в Каркассон вместе с героями. В городе не осталось ни одной блохи, даже на христианском священнике, а это и впрямь дурное предзнаменование – ни блохи, ни вши, ни даже гли. Поэтому я еду в Каркассон, где их пока еще в избытке.

Я схватила его за рукав и спросила, о чем это он, собственно.

Он ухмыльнулся (я уже стала привыкать, что ни один мужчина не возражает, если хорошенькая женщина берет его за руку) и, помедлив, ответил:

– Я изучал вас, христиан. Всем известно, что у ваших праведников, в особенности у духовенства, нимб вокруг головы. Я пришел на мессу и встал в темном углу – просто посмотреть, что происходит, и увидел, откуда берется этот нимб. Благословляя паству, ваш священник задирает подбородок, высвобождая его из рясы, и совершает крестное знамение. Затем кивает головой, точно как и наш, за исключением того, что мы сохраним тело в чистоте, как велит нам закон, – и вот тут-то взвиваются его обитатели всех чинов и рангов и в свете свечей носятся вокруг его головы.

Его лошадь уже переходила на галоп, когда он обернулся и прокричал:

– Сегодня на вашей мессе блох нет! Если вы поторопитесь, то, может быть, каких-то и догоните.

Исчезновение блох в Безье действительно казалось необычным. Ровно пятьдесят лет назад в день Ля-Мадлен крестьяне-арендаторы убили деда моего кузена в храме ее имени, и тогда – как и сегодня – блохи тоже отсутствовали. Этот факт отметил один из сопровождавших его дворян: «В церкви масса народу, но ни один не чешется, да и у меня нигде не зудит. И это, милорд, в высшей мере злое предзнаменование». Так оно и вышло. Не успели эти слова отзвучать, как кто-то проткнул мечом печень виконта.

Когда я услышала, что блох больше нет, у меня упало сердце. Мне стало еще хуже, когда ля Мамлон, принеся нам завтрак, подтвердила это обстоятельство.

– Я не подцепила ни одной блохи, – заявила она, – даже от тех, кто дрыхнет на соломе, и от бродяг, у которых кожа да кости. Очень странно.

Она зевнула и попыталась почесаться, но удовольствия не получила.

– Да... и чужих не поймала, и своих растеряла...

Она стала звать по именам своих любимцев из-под мышек и попросила меня тоже им покричать, но смятенные мысли мои витали где-то далеко.

«Если на тебе нет блох, – говаривал батюшка моей матушке, – то это значит, что ты не просто мертв, а мертв уже какое-то время». У матушки никогда не было блох, потому что их вылавливала Констанс де Кулобр, так что обе дамы беспрестанно фыркали по поводу батюшкиных шуточек, хотя он и был совершенно прав: по сравнению с другими женщинами, например с Колючкой, матушку вряд ли кто назвал бы живой.

Гибель определенно подстерегала Безье, несмотря на неприступность его стен и то, что я и ума приложить не могла, как это может случиться. О надвигающейся беде знали все, за исключением самих хвастливых биттера. Об этом знали блохи. Об этом знали евреи. Об этом знал мой кузен, а также Ферблан и батюшка, сказавший совсем недавно, что звезды предвещают зло, – а правота его уже подтвердилась.

Пребывая в подобных размышлениях, я решила осмотреть укрепления. Мои спутники составили мне компанию.

В одной из баллад говорится, что стены Безье возвышаются на сто стоп – выше, чем летают грачи, выше, чем растут деревья. Для баллад это звучит недурно, но сочиняют-то их не женщины, которые, занимаясь шитьем, умеют точно определять размеры.

Возможно, автор баллады, провозглашающий себя великим математиком и историком, имел в виду стопы карликов или ласок или же измерял стену не длиной стоп от носка до пятки, а просто ставя их одну на другую.

Некоторые, в основном биттеруа и прочие пропойцы, толкуя о ярдах или о расстоянии между луком и натянутой тетивой, бахвалятся, что высота стен или уж по крайней мере башен составляет сотню подобных единиц измерения. Пусть оставшиеся в живых дураки повторяют это, если посмеют. Ярд – весьма впечатляющая мера длины, равная расстоянию, на котором оказывался кулак матушки от ее плеча, когда врезался в ухо Одноглазки за подмигивание батюшке. Помножив это на сто и направив в небо, мы уперлись бы в облака, если нашли бы их, и это само по себе явилось бы поэмой. Я рада, что ярд в наших краях не в почете, в особенности среди лучников, которых у нас не так уж и много, а что касается остальных, то к середине дня редко кто сохранял способность видеть дальше своего носа или натянуть тетиву хотя бы на длину ногтя, а то и просто стоять на ногах, чтобы проделать это.

Что касается меня, то стены могли возвышаться хоть на сотню лиг, превзойти Вавилонскую башню и дергать небеса за подштанники. Какой в них прок, если враг умудрится отпереть замок на воротах, а ведь это и составляло военную хитрость крестоносцев и именно об этом молился Арнольд Альмарик.

Я взобралась на узкую башню, расположенную между воротами Домициана и цитаделью Транкавелей, и стала наблюдать, как подходит крестоносное воинство. Я подумала об Альмарике, потом о де Монфорах – о сдержанном старшем брате и об Ублюдке – и содрогнулась. Не знаю, то ли меня просквозило на холодных ступенях лестницы, которая, как и все такие места, воняла мочой пьяниц, то ли я испугалась при виде полчищ, надвигающихся на нас с востока и поднявших такую пыль, что она заслонила солнце, хотя половина неба все еще оставалась голубой.

Башня представляла собой неглубокую круглую выпуклость, иначе говоря, являлась в сущности лишь половиной башни, а говоря по-военному – скорее фартуком, чем юбкой. К счастью, никто из столпившихся на ее узенькой площадке не разделял моего беспокойства по поводу того, что готовит нам этот день. Они болтали и подсмеивались друг над другом в ярком утреннем свете. Как и у многих храбрецов, их зубы были черными, а слюна – красной. Яркость окраски поддерживалась с помощью нескольких больших бочек с вином, которые они сообразили притащить с собой, – бочек и металлических кубков, передаваемых от одного к другому, – собравшиеся отличались изысканными манерами. Должна сказать, что они просто лопались от храбрости, эти самочинные вояки из биттеруа. Меня особенно потрясло, как остроумно они отворачивались в сторону, чтобы освежить холодные ступени.

С опорожнением мочевых пузырей похвальная доблесть воинов не убывала. Они наблюдали за приближающимися крестоносцами и считали их отряды или, по крайней мере, тучи пыли, которые те поднимали. Их башня была такой высокой, что они не прятались, а дерзко взирали на восток, обмениваясь различными стратегическими соображениями. Одни утверждали, что северян следует держать снаружи, дав им возможность умирать от голода, как и распорядился мой кузен, другие же предлагали впустить крестоносцев в город и по одному перерезать им глотки, третьи уже настолько накачались вином, что пытались опровергнуть любого, кто говорил последним. При этом они, мешая разные наречия, гоготали, как стадо гусей, преследующих полоумную пастушку.

Матушка в свое время высказала очень мудрое замечание по этому поводу: «Покажите мне храбреца, и я покажу вам пьяницу или дурака». Она цитировала своего брата Крепена, который мог считаться знатоком в этом вопросе, совмещая если не три, то уж точно два из перечисленных качеств.

Я протолкалась к стене, проложив дорогу среди оружия двух видов – кубков и жезлов, выражаясь языком тех карт, что показала мне ля Мамлон, – и своими глазами увидела приближающееся войско.

Речь идет о войске в пятьсот тысяч человек. Говорят, что оно растянулось на семь тысяч шагов. Наверняка уж растянулось. А может, это и преуменьшение. Если считать, что каждому воину, не говоря уже о его лошади, требуется хотя бы шаг свободного пространства для передвижения, – а на самом деле это расстояние больше, – то ширина их строя должна составлять порядка восьмидесяти воинов (я никогда не видела боевую лошадь с задом уже мужского, так что давайте увеличим эту цифру до ста), и такая широкая процессия не сможет уместиться на дороге. В действительности она не уместилась бы ни в долине Эро, ни, скорее всего, на самом краю земли. Да и откуда взялось такое число? Из чьих чресл они выпрыгнули? Неужели в дикой части Франции так много оплодотворенных матерей или все одновременно рождены этой папессой, когда она чудесно разрешилась от бремени? А может, Иннокентий III мановением жезла высек их из скалы? Собрать такое огромное войско или даже его десятую часть явилось бы несомненным чудом. Двадцатая часть его представляла бы собой очень внушительную силу и больше соответствовала бы моим предположениям, но я всего лишь женщина, которая умеет считать только по пальцам.

– Какое внушительное войско, – мрачно заметил один из тех, кто стоял рядом со мной, – хотя, по правде говоря, я не могу отличить реальных воинов от воображаемых.

– Если уж быть откровенным, я не могу отличить их от собственной головной боли, – также честно откликнулся другой. – Это все от солнца.

– Нет, от плохого вина.

– Да, от вина.

– Раймону-Роже придется привести изрядное число каркассонцев.

На расстоянии полета стрелы из большого лука от наших стен авангард войска повернул на юг, разомкнув шеренги, так что сперва мы даже подумали, будто они перестраиваются, готовясь атаковать нас. Доспехи воинов ярко блестели на солнце, светившем им прямо в лицо, и выглядели они весьма устрашающе. Такой же представлялась и основная масса крестоносцев,двигающаяся вслед за авангардом.

Сияющие всадники остановились и в одно мгновение стали похожи на серые тени. Минуту назад они казались ангелами света, а теперь вдруг стали тонкими, как старая паутина. Они добились превращения, резко опустив щиты и сорвав с себя шлемы, а в некоторых случаях – и кольчуги.

– Виконт прав, – произнес чей-то голос. – Они уже умирают от голода или какой-нибудь лихорадки.

– Клянусь Господом и всеми Святыми Мариями, это истинная правда, – ответил другой.

– Дерьмовая шлюха! – согласился третий, обращаясь к своей любимой святой, но он как раз был тем самым, с головной болью, и изрекал все эти пакости на языке северян, а не на нашем.

Хорошо сказано. Без шлемов наши противники казались скелетами и привидениями. Как выяснилось, герцог Бургундский – старый и жеманный Эд III – занял у евреев крупную сумму на то, чтобы одеть своих воинов в каски, и настаивал, чтобы те носили их непрерывно. На нашем июльском солнце их головы в касках похудели до кости, и, возможно, внутри ее. В обычный день это сравнимо с погружением макушки в горшок с похлебкой, сваренной Мари-

Биз. Сегодня утром они с тем же успехом могли сунуть головы в стоящий на огне котел для тушения и держать их до того, пока лица не отвалятся от черепов.

– Их не так много, – сказал один из защитников. – Я не могу насчитать больше пятидесяти двух тысяч, а я уже второй раз пересчитываю.

– Действительно, не много, – согласился второй. – То, что не юнцы и не священники, в основном – хоругви, а я не боюсь ни тех, ни других.

– Хоругвей я ни капельки не боюсь, – заявила я, чтобы вступить в разговор и привнести в него что-то свое.

Ничего хуже, чем привлечь к себе внимание, я сделать не могла. Когда крысы дразнят кота, мудрая мышь держится от них на расстоянии.

– Ни капельки, – храбро повторила я, полагая, что в осажденном городе нет места робости.

В Сен-Тибери мне показалось, что всадники везут через мост огромные кресты. Теперь я осознала, что они везли каркасы – жерди с поперечными перекладинами – для хоругвей и знамен, развевающихся на древках. Я терпеть не могу эти трепещущие на ветру полотнища даже в церковных процессиях, а уж тем более когда они плывут над копьями воинов. Даже сама ткань кажется распятой, как будто крестоносцы превратили Божье шествие в парад огородных пугал.

Мне следовало обращать больше внимания на то, что творится вокруг.

– Предатель! – неожиданно заорал кто-то, прервав мои размышления на военные темы. – Гнездо предателей! – добавил он, облизывая мне ухо вином. Он обращался не ко мне лично, но имел в виду именно меня – Перроннель де Сен-Тибери. – Сжечь их! А эту белокрысую ведьму – в первую очередь.

Их враждебность поразила меня.

Железнодорожник, которого поддерживали Горбун и Немой, только что, полязгивая, поднялся наверх, и надо сказать, что мы представляли собой довольно странную четверку в хмельном свете дня: горбатый, безгласный, оловянная голова и я сама, которой, как женщине, находиться здесь вообще не пристало. Причина происходящего была как-то связана с внешним видом Железнодорожника, но гарнизон не дал мне времени понять, в чем она заключается.

– Сжечь их! Сжечь их всех! – Крик подхватили и другие.

– Сегодня для костра, пожалуй, жарковато. Не тратьте дрова впустую. Лучше посадим-ка их на наши мечи.

Жаль, что этого не произошло. Они пощадили наши жизни на ближайшее будущее, поскольку Ферблан рассказал им занимательную историю. Затем нас потащили к сенешалю, который узнал меня, в результате чего мы получили еще несколько минут, пока он раздумывал, как же с нами разделаться. Его решение оказалось для нас в высшей степени неприятным. Нет, нас не на мечи посадят, а подвешат на веревках, перед тем как вышвырнуть из Безье, в том числе и меня – меня, семья которой владеет этим городом, и которую мать старалась связать с ним нерушимыми узами, и которая, таким образом, могла сама стать его владелицей.

Если бы нам указали на дверь или даже пинками выкинули за ворота, выпихнули через бойницу или заставили выползть по римскому канализационному тоннелю, о котором упоминал Железнодорожник, то это пощадило бы мою гордость. Нас же, как я уже сообщала, на веревках, жутко раскачивая, стали спускать со стены, как овец, которых таким образом отправляют попасть в во время снежных бурь.

Снежная буря или даже низко идущая грозовая туча могла бы обеспечить нашим задницам некоторую защиту от вульгарных взглядов врагов города. В действительности же четыре трясущихся комплекта ягодиц (которые уже не назовешь «парами» – настолько туго их стянули веревками) свисали со стены в ярких лучах солнца и ожидали, когда стрелы начнут в них втыкаться.

– Да ладно, – утешила я Горбуна. – Крестец, именуемый иногда ягодицами, представляет собой украшение абсолютно глухое и дурацкое. Наши задницы не услышат свиста стрел, особенно если те оперены твоими совиными перьями.

Немой издавал совершенно не приличествующие мужчине хлюпающие звуки. Железноликий позвякивал своей чешуей. Горбун плевал в стену.

– И это будут не только обычные стрелы из луков. Это будут кинжалы, стрелы из самострелов, из итальянских баллист, дротики из арбалетов, метательные копья, раскаленные гарпуны, какие-нибудь лопаты с длинными ручками и, наконец, самые заурядные камни вроде кусков кремня, не говоря уже о болах¹⁸ с двумя, тремя, четырьмя и пятью головами, голышах из пращи и случайных метательных ножах.

– Ай-ай-ай, – пожурила его я, как это делаем мы, деревенские девушки, – где же твое мужество?

И вот когда носы наши оказались на уровне амбразур крепостных стен, у наших мучителей кончилась веревка. Мы остались висеть на немыслимой высоте. Горбун решил продолжить разговор.

– Эти крестonosцы совершили утомительный переход и не могут похвастать обилием развлечений, – добавил он. – Думаю, что подтаскивание катапульты или чего-то наподобие твоему подвешенному заду явится для них большим удовольствием.

Моя задница висела ниже и более свободно, чем все остальные. Она утешала себя мыслью, что пиренейские орлы здесь не водятся, а в то же время для ворон и прочей крылатой нечисти ее взгромоздили довольно высоко. Стрелы, к сожалению, летают повыше, и их клювы втыкаются довольно глубоко.

Я, конечно, заслужила все его насмешки – и эти, и даже большие... Не что иное, как мое пренебрежение мелочами привело к столь ужасному повороту судьбы – я не обратила достаточного внимания на то, как мы были одеты.

Женская одежда – это лабиринт. Живя внутри его, женщина не успевает заметить различные тривиальности снаружи, а уж особенно – одежду мужчин. Это мое извинение, а горе – его частичное оправдание, вкуче с тем простым обстоятельством, что благодаря Железноликому мы попали в город уже в полной темноте. В такое время люди едва ли заботятся о том, чтобы счистить навоз с башмаков или стряхнуть со штанов кусачих мух.

По этой причине наряд Горбуна не обратил на меня не то что особого внимания, а и вообще никакого. То же можно сказать и про одежду Немого. Естественно, и с моим лордом Фербланом проблем возникнуть не могло, но он-то был дьяволом, а женщина, когда скачет в компании Сатаны, пытается узреть его хвост.

Вместо этого мне следовало бы проследить, чтобы он взял свой плащ и вывернул его наизнанку. Сделать это требовалось для того, чтобы избавиться от его эмблемы крестonosца, пусть даже с помощью подобной лжи. Конечно, это оказалась бы довольно глупая уловка, поскольку изнанка креста не может стать невидимой, особенно если с лица он вышит. Изнанка креста – это просто крест, который явно находится с обратной стороны.

Я этого не заметила, а многие горожане заметили – в тот самый момент, когда он, лязгая, как ведро из колодца, явился из мрака башенной лестницы, чтобы высушить пот на солнышке. Принимая во внимание все обстоятельства, надо признать, что нам повезло, ибо нас не зарезали прямо на месте. До сих пор единственным унижением, которому подвергли нас биттеруа, явилось лишь то, что у них кончились веревки.

– Наша веревка слишком коротка, – повторял чей-то голос.

¹⁸ Бола – метательное оружие, состоящее из ремня или связки ремней, к концам которых привязаны круглые камни, иногда обтянутые кожей.

– Если она не достанет до земли, нам придется спускать их по-другому, – ответил ему кто-то.

– Например, подрезав ее.

– Она растянется, если мы ее подрежем.

– Чем аккуратней мы будем подрезать ее, тем больше она растянется.

– Наша веревка слишком коротка.

– Это уже их веревка.

– Мы могли бы продать им еще.

Вот вам горожане как на ладони – лавочники до мозга костей. Денег у нас не было ни на шнур, ни на веревку, ни даже на соломенные жгуты.

Нашим кошельком являлась Мамли, а после покупки завтрака и пары свечек для Ля-Мадлен она опустела. Мы слышали, как ля Мамлон пытается выторговать у них еще веревки, цепь, веревочную лестницу, несколько скрепленных шестов. Она сказала, что вполне кредитоспособна, но наши палачи не соглашались ни на деньги, ни тем более на вино. Их ценой, и, надо сказать, справедливой ценой, было тело молодой женщины. Они стали поднимать меня наверх.

– Вы делаете ужасную ошибку, – урезонивала их ля Мамлон. – Она – знатная дама и слишком высокомерна, чтобы доставить вам подлинное удовольствие, в особенности перед обедом. Кроме того, она – кузина Транкавеля. Этот молодой Раймон-Роже однажды непременно вернется сюда, пусть лишь затем, чтобы наказать вас за то, что вы суетесь в его семейные дела. Дворяне очень разборчивы в подобных случаях, и, быть может, он возжелает поскакать с ней сам.

Эти негодяи пообещали ей достаточно веревок при условии, что до того она накрутит им все их собственные (или укрутит их – я не сильна в похабщине). И вот ля Мамлон собственной персоной оплатила нашу свободу, предоставив себя в виде небольшого подарка всем и каждому воину гарнизона: ветеранам, мальчишкам и даже их пустым доспехам. По крайней мере, я считаю это довольно точным описанием последующих непристойностей. Несмотря на всю ее щедрость, они спустили нас вниз без должного старания и даже ударили о землю.

Едва оказавшись на свободе за Эро, – кровообращение в заду еще не успело восстановиться, – я вдруг почувствовала, как кто-то легонько покусывает меня за шею (теперь-то я знаю, что подобным грешат любовники). Покусывание сопровождалось приятным запахом чеснока, клевера и дикой мяты, который показался мне слаще поцелуев. Это был Нано, которого я привязала у Домициановых ворот. Никто не слопал его и не возжелал, так что он снова стал моим. С ним вернулась и лошадь Ферблана, которой удалось сбросить ослабившиеся путы. Ее появление отнюдь не удивило меня, поскольку вряд ли кто-нибудь мог польститься на это привидение, будь у него даже яйца и приличная шкура. Горбун поймал ее, а старина Железные Губы заключил в объятия. Меня этот жест поразил, а кобылу – нет.

Мы поспешили на юг, затем на запад, – вокруг городской стены, чтобы не столкнуться с крестоносным воинством и его походными котлами, – а потом вновь на юг к мосту Сен-Жак на случай, если биттеруа вознамерятся швырять чем-нибудь нам в головы.

– Садись на лошадь, – приказал мне Железноликий, – натяни капюшон и заправь внутрь свою висюльку. Тогда мы сойдем за пару жирных аббатов с рысящими за ними капелланами. – «Висюлькой» он назвал длинный кончик моего капюшона, – пользуясь словами на иностранный манер.

Нано так обрадовался встрече со мной, что удалялся от городских стен с завидной прытью. Немой мчался, изображая моего капеллана, и его рысь больше напоминала галоп – нелегкий аллюр для твари о двух ногах. Горбун, естественно, представлялся нашим вторым капелланом и не испытывал трудностей, мчась галопом, ибо все, что располагалось у него ниже талии, а особенно ноги, отличалось изрядной длиной.

Я уже говорила, что войско крестоносцев двигалось по Дороге Чародеев – старой дороге Домициана, которую маги наколдовали наряду с каменным мостом у Сен-Тибери и изящным мостиком у деревни Сен-Жак, около которой мы и оказались. К счастью, крестоносцы не перешли через Орб на нашу сторону или, по крайней мере, еще не перешли. Таким образом, чтобы уйти от них, нам не пришлось прибегать к мрачному вранью Железноликого.

Честь обязывала нас ждать ля Мамлон столько времени, сколько ей понадобится на то, чтобы унести из Безье свои бедра или то, что от них осталось. Представьте же мое облегчение, когда к западу от реки я увидела утонувшие в земле сады. Каждый из них, обрамленный валунами, представлял собой маленький подземный замок. Давным-давно их выкопали вестготы – второе известное истории племя чародеев. Как вы помните, они сооружали также круглые постройки из камня, и делить эти покои с мужчинами было бы страшной глупостью со стороны девушки. Их сады лучше влияли на здоровье – в них ты мог не спеша лакомиться фигами или рвать вишни. И самое большое достоинство садов заключалось в том, что те, кто не знал и не любил этой местности, вряд ли смогли бы обнаружить эти насаждения. Итак, мы сами и две наши лошади спустились в тенистое укрытие, построенное для нас столетия назад чародеями, которые добротой покорили когда-то нашу страну, ласково ведя военные действия, ласково убивая и еще ласковее насилуя, а также заботясь о своих лошадях. Так что вы можете представить, как уютно я устроилась. Вестготы не создали ничего значительного или роскошного, исключая разве что холм Алариха, который их вождь соорудил как усыпальницу своему любимому жеребцу, причем кое-кто утверждает, что соорудил он ее из костей самого любимца.

К счастью, огромная папская армия не спешила идти в атаку. Ей требовалось собрать и подготовить осадные машины и башни, привести в порядок штурмовые лестницы и ходули. Они шли уже целую вечность и теперь считали, что давно пора срезать мозоли и вскрывать волдыри. Вот почему их вожди решили обойти город и расположиться на возвышенности к востоку от реки Орб и к югу от деревушки Сен-Жак.

Река отделяла наше гнездышко из камней и фиговых деревьев от этого холма, который ни в коей мере не заслонял он нас цитадель, расположенную к северу на расстоянии нескольких выстрелов из лука. Стоя на цыпочках в нашем столь углубленном садике, мы высунули головы наружу, подложив руки под подбородки. Какое же восхитительное зрелище представлял собой лагерь крестоносцев со всеми этими всаженными в землю копьями, развевающимися в воздухе знаменами и поднимающимися там и сям шатрами знати, из которых вился дым.

Титулованные и нетитулованные дворяне, а также крестьяне побогаче прибыли сюда на лошадях, поэтому мозоли и волдыри размещались у них на седалищных частях тела. Они вползли в свои палатки или лежали задом кверху поперек седел, дожидаясь темноты, ибо не испытывали желания ни потешаться друг над другом, ни дать своим врагам повод похихикать.

Пехотинцы да и все остальные пешие мучились ногами. Распухшие лодыжки, сбитые пятки, расщепившиеся ногти и всевозможные представители дикой природы в их чулках и башмаках требовали, соответственно, прохлады и еды.

Блохи, как известно, не отличаются терпением, так же, впрочем, как и те, на ком живут. Этих простых людей – «вшивоту», как их окрестил Горбун, – на холм не допустили, и им пришлось довольствоваться ближайшей к Орбу луговинной. Доковыляв до реки по высохшей траве, они раздвигали камыши и окунались в воду, некоторые из них – голыми и все без исключения – бесстыдно. Не знаю, что подумали об этом Арнольд Альмарик и лорд Симон, если они, конечно, потрудились обратить внимание на происходящее. Но, как опять же отметил Горбун, они, так соблазнительно разделив свои силы, сделали подарок защитникам города.

Мы располагали временем, чтобы обсудить этот вопрос, поскольку ля Мамлон наконец-то догнала нас. Она без труда обнаружила, где мы прячемся. У шлюх глаза всегда острые, потому что те части дают им отдых, устремляя к небу.

– Грядет великая битва, – пропищала Мамли, с трудом переводя дыхание, сбившееся от напряженного ритма ее работы, – да, величайшая битва.

Она не сказала ничего нового, за исключением того, что осада – отнюдь не битва.

Мы почти не слушали ее болтовню, поскольку слишком увлеклись дележкой пропитания, которое она приобрела на свои бесстыдные заработки.

– За веревки мне пришлось удовлетворить весь гарнизон, – задыхалась Мамли, – а за ваш обед – весь город, весь, кроме нескольких женщин! Вот так!

Она принесла с собой мех с вином, каравай хлеба, отличный сыр и гигантскую луковицу, которая оказалась сочной, как яблоко. Все мы откусили от нее по разику, а может, и по десять, передавая ее по кругу. А ведь ничто так не освежает дыхания и не отбивает запах пота, как фиолетовая луковица, позволяя таким образом друзьям держаться в жаркий день поближе друг к другу. Пока я жевала пищу, сопровождая ее большими глотками вина, меня поразила мысль, что заработки шлюх гораздо больше, чем я сперва предполагала, потому что поденщику придется не один час вкалывать в поте лица своего, чтобы заработать на сыр, не говоря уже о мехе, хотя само вино стоит довольно дешево. Впрочем, шлюха получает сдельно, и ля Мамлон, по ее словам, пришлось за короткое время опрокинуться под значительное число мужчин.

Пока мы ели, она ласково смотрела на нас, отказываясь присоединиться к пиршеству.

– Нет, спасибо, – пояснила Мамли. – Я не далее чем час назад ела второй завтрак у Главного Конюшего, а потом обедала с шевалье дю Виконте – таким, как они, во время войны цена грош за десяток; за сим последовал ранний ужин с торговцем ножами, который предусмотрительно решил поужинать в полдень на случай, если не доживет до сумерек, ибо бездна зла носится в воздухе! Я всегда могу предсказать катастрофу – мужчины думают о еде в первую очередь, а о плоти – во вторую, и слава Богу, если их плоть сумеет хоть восстать-то в конце концов.

– А как тебе удалось удрать из города? – спросила я, вспоминая наши собственные трудности.

– Шлюхе – везде дорога, – объяснила она. – Во всяком случае, перед битвой она пробегается куда угодно, как и сводня или содомит. Один вояка просто вытолкнул меня за ворота и сказал: «Я только что наградил тебя триппером. Ступай и передай его крестоносцам!» А он, между прочим, ко мне и пальцем не прикоснулся, разве что только когда я была к ним спиной.

– Ты что-то говорила о битве?

Железнодорожный наполнил ноги ее вином и погрузился в размышления.

– Да сам посмотри! – отозвалась она.

Сначала мы лишь глянули через край крошечного вестготского садика, а потом высунули головы уже без опаски.

Нашим глазам открылась совершенно дурацкая картина.

Я уже говорила, что эти крестоносцы, многие из которых являлись не более чем просто пилигримами или безлошадным сбродом, занимались тем, чем сброд и должен заниматься, то есть лакали застоявшуюся воду и принародно прокалывали свои волдыри.

Зрелище это вызвало у меня отвращение, но в то время я и мои спутники не соприкасались с миром в том виде, в каком он существовал и существует. На грешной земле находились лишь наши подбородки. Остальные же органы чувств, расположенные между шеей и ступнями включительно, пребывали там, где в прохладе ползали улитки, а змеи назначали друг другу свидания. А еще мы переваривали фиолетовую луковицу.

На городских стенах толпились биттерау. Они находились гораздо ближе нас к срезанию мозолей, и оно их крайне позабавило. Я слышала, что многие из них выкрикивали свои соображения по поводу тех дерьмовых шлюх, от которых произошли «сорокадневники». Надо сказать, что на лангедокском наречии эти выражения звучат ничуть не мягче, чем на парижском диалекте. К тому же вы должны принять во внимание, что гарнизон все утро простоял в желез-

ных шлемах под палящим солнцем и к настоящему моменту был пьян в стельку, то есть так, как и подобает доблестным воинам к середине дня.

Теперь до них стало доходить то, что я заметила еще с полчаса назад. Войско крестоносцев разделилось. Вооруженные воины и их могучие вожди покоились в своих подвесных койках, а здесь находился лишь сброд. Горожанам представилась легкая возможность сократить число крестоносцев и наказать их за самоуверенность. Я почувствовала, что толпа защитников города на крепостном валу редеет. Червей в сыре трудно сосчитать даже с моим прекрасным зрением, но интуиция не подвела меня, – готовилась вылазка. Несомненно, не последнюю роль сыграло чувство социального превосходства. Эти высокомерные северяне оказались не более чем мужланами и оборванцами. Собравшиеся на стенах горожане видели, как это видела я, что герцог Бургундский не охлаждал свои мозоли вместе с толпой крестоносцев, так же как и графы Неверский и Сен-Поль. Крепен де Рошфор тоже отсутствовал, подобно решительному Бушару де Марли, братьям Пуасси, Роберу Мовуазену, сьеру де Росни, Жоффруа и Симону де Нофль, Ги де Леви и Пьеру де Вуазену. На них не нападешь с такой же легкостью, как на обычных воинов. В надежных доспехах каждый выстоит против тысячи. Если один из них кашляет, на помощь к нему помчится целая сотня бойцов. Стоит одному из них громко испортить воздух – десятеро поспешат извиниться за это. Ни одного из названных мною здесь не оказалось. Даже те, кто не знал, кого ожидать в первую очередь, без труда поняли это. И тут мы увидели, – солнце высоко стояло у нас за спиной, и городские стены пылали в его лучах, – что большие ворота Сен-Жак, южные ворота города, открыты настежь.

Им следовало немедленно закрыться. Но от ворот начиналась тропа, ведущая к мосту у собора, и гнусные захватчики шлепали по этой пыльной дорожке босыми ногами прямо под самыми стенами. Более того, они бесцеремонно облокотились на перила моста Чародеев и что-то нагло проделывали. Интересно, что: плевали в воду или ловили рыбу?

Ясно было одно: они вычерпывали ведрами воду, понижая тем самым уровень реки. Они крали у Безье реку, настолько дорогую сердцам биттеруа, что те провели весь сегодняшний праздничный день, утоляя жажду не водой, а вином. Горожане привели себя в неистовство и высыпали из ворот с бочонками и даже с мечами в руках. Меня поразили некие странные обстоятельства. Первое из них заключалось в том, что пилигримы черпали в том месте, где поток вытекал из города. Они не мутили воду, текущую в город, а пили там, где ее уже загрязнили как стиркой белья, так и содержимым огромного стока Железнодорожного. Второе обстоятельство заключалось в том, что отказать странникам, пусть даже враждебно настроенным, в глотке мутной воды – скряжничество отнюдь не христианское. Некоторых в городе не без оснований подозревали в том, что они – не христиане, и по их религиозным воззрениям вода считалась грязью. А уж биттеруа как следует позаботились о том, чтобы Орб стал грязным.

Лениво размышляя о вопросах веры, я вдруг натолкнулась на религиозную дилемму, поразившую меня настолько, что мне пришлось громко воззвать к своему духовнику. Она состояла в следующем. Коль скоро, согласно учению катаров, та река, из которой пьют эти христиане, создана дьяволом, то не им ли созданы и те нечистоты, что плывут по ней? Душа, как утверждают Совершенные, – от Бога, вода – от Сатаны, но тогда должны ли они безоговорочно признать, что вся мерзость мира – от человека? Может, и нет. Однако наш несравненный Иисус это признает. «И будешь есть свои собственные испражнения, – говорит он, – и пить свою собственную мочу»¹⁹. Какая чудесная проповедь. Ее помнят даже малыши, ибо очень интересуются своими выделениями. Бедные пилигримы несколько отклонились от уче-

¹⁹ Ни в одном из канонических Евангелий Иисус таких слов не произносит. Автор, а вслед за ним и героиня, видимо, имеют в виду стихи 17–19 из третьей главы Книги Бытия: «Адаму же Господь сказал: «За то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав „Не ешь от него“, проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Тернии и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травой. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься».

ния Господа, ибо вкушали не свои плоды, а плоды своих врагов, и, может быть, именно это последних так и расстроило.

Но как бы там ни было, несколько сотен биттерау вылетели из ворот Сен-Жак в спешке, свойственной разозленным людям. Стоило этим воякам, нахлеставшимся вина, приблизиться к бедолагам, хлещущим грязную воду, они тотчас же разорвали надвое одного из пилигримов и швырнули его в сатанинскую стихию. Я говорю «разорвали надвое», но вы не должны забывать, что пишущая эти строки – всего лишь желторотая юница, а правда может состоять в том, что несколько хихикающих биттерау лишь подтолкнули пилигрима, а хребет его просто сломался к тому времени, как он долетел до островерхого камня (интересно, Господь или дьявол сотворил этот камень, однако лучшего друга Господа нашего апостола звали Петр, то есть камень), который и рассек его точно пополам, как лосося на тарелке.

Пилигримы пришли в ярость. Трезвые люди действуют быстро, и один из них выхватил из-под балахона меч или еще какой-то острый предмет и с завидной ловкостью воткнул его прямо в чрево ближайшего к нему горожанина, от чего тот расстроился донельзя, а его приятели – еще больше, ибо прожили достаточно долго, чтобы сыграть основные роли в этом спектакле.

Каждый из добрых горожан Безье вооружился мечом (или чем-то наподобие), сжимая его в руке, свободной от кубка, но то обстоятельство, что враги их выхватывают оружие из-под одежды, из-за поясов и из молитвенников, повергло биттерау в неописуемый ужас, и они, издавая дикие вопли, все как один понеслись в сторону города.

Я оказалась непосредственным свидетелем того, что может произойти, когда люди, вознамерившись поиграть в азартные игры, прибегают к выводам, основанным на слишком поспешных расчетах.

В этот самый момент и началась великая осада Безье. Послушайте баллады, потанцуйте с сочинителями восславляющих гимнов, проведите рукой по гобеленам и дотроньтесь до украшенных позолотой рисунков на полях монастырских инкунабул²⁰, и вы узнаете, что она должна была длиться пять месяцев и отразить как в зеркале дерзкую смелость, отчаянную храбрость и рыцарские отношения даже и между полами.

У биттерау были глубокие колодцы для питья и мелкие – для мытья, а все остальное они могли делать с городских стен – на огромных расстояниях и с головокружительной высоты. Они похвалялись свежим вином, живым скотом и множеством миловидных женщин, развлекающих в постели как их самих, так и их соседей и поддерживающих чистоту на улицах города. Пять месяцев? Пять коротких лун? Осада должна была продолжаться пять лет. Она должна была продолжаться дольше, чем эта скромная авантюра под Троей, пока мое девичество не состарится, или по крайней мере до тех пор, пока Господь Бог или папа Иннокентий не снимут ее. К несчастью, де Брусе Собачья Шкура наложил на город проклятие, дьявол Раймон скрепил его печатью, и вся осада закончилась за пять минут.

Мне говорили, что лишь мужчине дано понять тактику осады. Позвольте мне рассказать, что же, собственно, понимает женщина, а это – то самое, что я видела своими глазами. Я видела, что несокрушимые стены совершенно бесполезны, если какой-нибудь идиот оставит ворота открытыми. В Безье такой идиот нашелся. Он оставил их открытыми, поскольку несколько сотен его идиотов приятелей в этот момент все еще находились за воротами с перерезанными глотками и пробитыми головами или же вопили, что с ними это вот-вот произойдет. Женщина никогда бы не совершила такой ошибки. Она привыкает запираť двери и своих идиотов, будь то гуси или дети, держит в строгости.

В ворота Сен-Жак ворвались отнюдь не солдаты и уж тем более не рыцари. Солдаты затачивали копья и счищали ржавчину с доспехов, в то время как рыцари мирно отдыхали после

²⁰ Инкунабулы – первопечатные книги, созданные до 1501 года.

трудного перехода. Эти же представляли собой нищих фанатиков Божьего Дела, не имеющих ничего другого, чем могли бы заняться. Сначала какие-то пьяные насмеялись над ними, а потом убили одного из их числа. Они явились сюда убивать еретиков именем папы Иннокентия, и, похоже, пора было начинать.

И вот пьяные разбежались – кто полез на башню, кто помчался к распахнутым перед ними воротам. Створки раковины раскрылись. Пилигримы оказались в положении муравьев, что забралась в панцирь выброшенного на берег краба. Они могли бы попить в свое удовольствие, но чем же им пировать? Они не алкали ни вина, ни хлеба, ни женщин. Они жаждали спасения душ или, выражаясь проще, окончательного прощения и отпущения их грехов папой Иннокентием. Это сделало воителей действительно опасными. В самом деле, даже совершая немислимые зверства, они ощущали себя безупречными и знали, что Господь Бог их не осудит. Вместе с тем жажда крови не обуревала их, сеющих смерть в неприглядной ее простоте.

Мне рассказывали, что одна стародревняя старуха, выскочив из двери своего дома, стала их поносить. На огне у нее кипела похлебка, хлеба требовали присмотра, и она замахала на вторгшихся в город своими черными верхними юбками, а может быть, и белыми нижними, словно отгоняя коров. Какой-то пилигрим или просто приставший к отряду подонок схватил все эти юбки, и верхние и, я осмелюсь сказать, нижние в охапку и бросил их в огонь вместе с ее старыми костями, которые находились внутри. Он счел это прелюдией к тому, чтобы поесть ее похлебки, но день для похлебки оказался слишком жарок. Несчастливая старуха вспыхнула так ярко, что загорелась крыша ее дома, а за ней и еще с десятков крыш по соседству. Сие не было делом рук Сатаны, хотя Раймон де Брусе явно приложил к этому руку.

Женщины в большинстве своем жирны, а жир – то же сало, да и одежда их засаливается от стряпни. Весь южный квартал с его иссушенными солнцем домами вспыхнул как свеча, и его жители погибли, не успев даже вскрикнуть. В огне оказались все верхние этажи, и многие горожане отдавали Богу душу, вдохнув первый же глоток воздуха. Один из тех, кто прибежал к нам позже, рассказывал, что на улицах даже не чувствовалось ядовитого дыма – по ним шла сплошная стена огня. Многие из ворвавшихся в город подонок тоже погибли, хотя и обладали некоторым преимуществом перед горожанами, ибо находились на улицах, а не в домах. Уцелевшие после этой первой катастрофы и с той и с другой стороны или все еще находились за городскими воротами, или же успели добежать до площади перед замком Транкавелей. Некоторые даже обнажили там мечи и, насколько я знаю, скрестили их.

Для того чтобы возглавить контратаку, требовался смелый мужчина или до безумия дерзкая женщина. (Я уж не говорю о тушении огня!) В этот день уж в Безье-то точно смелого мужчины не нашлось. Все они слишком напились и могли только безудержно расхваливать себя. Их жены, будучи женщинами, поступали как женщины, мужья которых повели себя подураски, то есть собрали детей, не теряли головы и молились о лучшей доле. Мужчины способствуют тому, чтобы женщины существовали обособленными группками, хотя в критические моменты мы, как и мужчины, успешнее действуем, собравшись вместе. Мне пришлось подождать еще неделю или вроде того, прежде чем я узнала, что могут сделать женщины, объединив усилия. Они могут творить чудеса. А здесь они умирали мученической смертью одна за другой или десятком за десятком, что в сущности одно и то же, среди членов своих семей или там, где они оказались. Некоторым перерезали глотки, что можно считать своеобразным милосердием, оказываемым, по крайней мере, каждой в отдельности, но для большинства из них пламя оказалось слишком быстрым, и они стали жертвами всеобщего огня – все эти пять или десять тысяч женщин. Не все согласны с цифрами, но пять тысяч – это не преувеличение. Жертвами огня стали и их дети, и их скотина, если они ее держали, и их пьяные мужья, к тому времени протрезвевшие и стенавшие с похмелья от головной боли, как и все пьяницы.

Я не верю, что мой кузен мог изменить ход событий. Ведь они приготовились защищать неприступную стену, но один из их числа совершил немислимое и открыл в ней про-

ход. Облачившись в доспехи, они собирались отразить нападение закованных в броню воинов, идущих на низ фалангой – со всеми их осадными башнями и штурмовыми лестницами, – идущих решительной, твердой и размеренной поступью. Они предчувствовали хитросплетения современной войны, их уши настроились на свист и грохот метательных снарядов, выбрасываемых гигантскими машинами крестоносцев, которые механики врага уже частично собрали; их мозги ожидали звуки труб, а их сердца – барабанный бой. Вместо этого они сидели на городской стене, как пеликаны на краю вулкана, и взирали на улицы, по которым носились вооруженные ножами и посохами подонки, и везде, куда ни взгляни, бушевало пламя – старомодное чудо Господа Бога и его первый дар человеку. К тому времени, как они собрались спуститься со своих башен, адская печь уже изжарила их.

Воины де Монфора тоже вошли в город, но тушить это только что завоеванное Симоном королевство оказалось слишком поздно. Они проникали в город где-то рядом с Домициановыми воротами, где оборонительные сооружения были особенно высоки. Вскарбкались ли они на стену, продолжили ли ее, перепрыгнули ли, опираясь на пики или на свои хреновины, – а я слышала все эти версии, – вопрос этот чисто умозрительный. Возможно, они просто потребовали, чтобы им открыли ворота.

Огонь и для них оказался слишком скор. Как мне рассказывали, кое-где он оказался слишком быстрым даже для голубей, – взметнувшееся пламя опалило им хвосты, и они присоединились к множеству углей и гнусному смраду горелого мяса.

Из своего сада мы ничего этого не видели. Вопли к нам не доносились, за исключением редкого крика с нашей стороны ворот. Я не думаю, что в город могли ворваться сразу несколько сотен крестоносцев, и первое, что пришло нам на ум: горожане вскоре покончат с нападающими.

Пожар начался сразу же, но сперва мы его не заметили. Это объясняется тем, что облако дыма, хотя и огромное, поднялось довольно высоко и смешалось с тучей пыли, поднятой войском крестоносцев, которая все еще клубилась в небе, постепенно оседая.

Человек не сумеет сразу поверить, что такое возможно, во всяком случае ни один из тех, кто видел, как горит дом, сад, пшеница, сено или даже камыш и ивняк. Огромный парик из дыма, иногда серебряный и насыщенный паром, но чаще тяжелый и черный, а под париком – неистовый глаз огня, цвет которого из желтого быстро становится кроваво-красным.

Гигантские языки пламени поднимались до стен города и даже на полет стрелы повыше, но наши глаза не могли их различить. Мы видели только дрожащую прозрачную пелену, за которой не было ничего, как будто бесконечные удары грома сотрясали небо, делая его волнистым и рваным.

Наши уши различали страшный звук в этом оглушающем урагане. Я почувствовала, как Горбун толкнул меня в бок.

– Боже сохрани! – прочла я по его губам. – Горит весь город.

И это – через минуту после того, как первый пилигрим оказался внутри городских стен.

– Горит весь город.

Слышать его я не могла и читала по губам. Воздух был напоен ужасом и похож на бурю, рев которой настолько оглушителен, что его и не услышишь.

Именно эта прозрачность пламени, его сверхъестественная внезапность впоследствии заставила менестрелей писать о небесном огне, как будто порок в Безье наказал сам Господь Бог, а не злобные слуги Божьи, многие из которых были злее, чем само зло.

Что мы видели, так это придел собора, расположенного вне городских стен, но защищенного прочностью стен собственных. Мы также видели монастырь с домиком для монахинь и еще одним для новообращенных – ранимых, как и большинство приятельниц Мамли.

Горожанки со своими детьми прибежали туда первыми. Их преследовала банда убийц, оторвавшаяся от основных сил, грабящих город, но основная часть этого бесчинствующего

сброда устремилась сюда или прямо от моста, или же – в изрядном количестве – от ворот Сен-Жак. Они прекрасно понимали, что их жертвы обязательно побегут искать убежища в святое место и добыча будет богатой, ибо нет защиты от крестоносцев. Из-за рева огня мы не слышали ни криков, ни угроз.

Пламя вскоре охватило и дом епископа, и женский монастырь, местами горела и крыша собора. Спасавшихся бегством горожанок не бросали в огненную печь – во всяком случае, сразу. Им перерезали глотки. Мы находились слишком далеко и поэтому, слава богу, не могли разглядеть их лиц. То, что им режут глотки, мы понимали только по разительному изменению цвета их одежд.

Некоторым удалось вырваться, и они помчались в нашу сторону. Не горожанкам, которым пришлось бы тащить за собою детей, Христовым невестам, молившим Его взять их к себе на небеса. Бессмысленно было бы пытаться защитить их мечом или луком – нас бы разрубили на куски, несмотря на крест Железноликого. Я благодарила судьбу, что ни одна из этих несчастных не пробежала достаточно близко от нас, тем самым подвергнув испытанию нашу человечность.

Я видела монахиню или просто какую-то жертву с полудюжиной зияющих ран, каждую из которых негодяи раздирали, не имея терпения подождать хоть немного. Я называю ее монахиней, потому что она не имела ни волос на голове, ни одежды на теле, а может, это была самая обычная молодая женщина, у которой волосы просто выпали при виде палачей, а возможно, ее оскальпировали или подпалили.

Монахини из монастыря Сен-Назер брили волосы на голове, а новообращенные из монастыря Сен-Жак – и на теле, чтобы, по словам Мамли, сама мысль о них не обидела Господа. Вид женщин, не имеющих волос ни на голове, ни на теле, воспламенял кое-кого из крестоносцев, а вид женщин без волос на голове, но с волосами на теле возбудил остальных, причем всех по-разному, поскольку желание принимает множество различных форм, по большей части нелепых, особенно среди тех, кто еще совсем недавно, преклоняя колени перед мечом своим, как будто он являл собою крест, целовал ноги Пресвятой Девы, обещая ни капли не вожделеть к женщине целых сорок дней. Одни стали совокупляться, хотя раньше подобного за собой не замечали, другие – неторопливо продолжили резню, а это в свою очередь возбудило остальных, особенно когда они обнаружили, что находятся среди женщин без волос на голове или отличающихся другой странностью – татуировками на теле.

Женщинам же с волосами на всех положенных местах пришлось из-за них туговато, особенно когда мужчины поджигали их. Иногда мужчины делали это для того, чтобы изменить внешний вид женщины; иногда, чтобы просто избавиться от нее; иногда, чтобы побудить ее потанцевать.

Святой Павел, как мне кажется, пишет, что лучше жениться, чем разжигаться, но самые рассудительные из крестоносцев, памятуя о своих женах, только-только оставленных ими на Севере, решили, что лучше разжигать, да и то не себя, чем жениться здесь, пусть даже на пылающей – простите, пылкой – чертовке. Не то чтобы они устроили в Безье много костров. Да, они сожгли женщину-другую, но в общем-то оказались слишком ленивыми и поэтому подожгли город. Безье сам превратился в костер, и жители его перестали кричать почти сразу же, как только его подожгли. Прошу прощения за несколько отрывистое изложение, но лучше не задерживаться на том, что вызывает такие неприятные чувства.

До сих пор я рассказывала о зверствах, творимых всяким сбродом, отбросами общества; но, ограничившись этим, я погрешу против истины. Среди «сорокадневников» бесчинствовали лишь низкородные. Я сомневаюсь, что многим из тех, кто поприличнее, удалось пробраться в город. Но кто же пришел к нам на более длительный срок? Они были благородны до мозга костей, голубая кровь, сливки десятка наций, которые приняли христианство за короткую дорогу к вину и женщинам.

К чему тащиться в дальние страны, к чему обливаться потом среди мулов и верблюдов, – они не настолько глупы. Свои потребности они вполне могли удовлетворить у нас в Лангедоке, который и находился-то под боком. Они могли бы наслаждаться нами и требовать у папы отпущения грехов. К сожалению, праздник в честь Ля-Мадлен возбудил в них новую жажду, и им хватило часа, чтобы понять это. Они хотели нашей смерти. Женщина доставляет не меньше удовольствия, если она бездыханна, удовольствия не меньше, а покорности – больше. Кровь гораздо ярче вина, а проливать ее не так накладно.

Не их вина, что они узнали об этом, – виноват наш дьявольский южный климат.

Под их большую часть года занавешенным тучами северным небом Судный день, должно быть, казался очень близким – не выше городских крыш. Здесь же, у нас, небо всегда синее и беспредельное. И под этим небом люди совершали злодеяния, забыв о Господе как таковом.

Кроме того, они привезли своих священников. Это северное духовенство фанатично и очень опасно. Если бы крестоносцы хотели просто надругаться над городом, то какое празднество они могли бы устроить, но первым в город вошло их отребье, предводительствуемое святошами. Чувство юмора начисто отсутствовало у всех, бездной других наклонностей мог похвастать каждый. наших женщин поджигали именно святоши, дабы этот сброд не успел поддаться своим самым низменным инстинктам.

Когда шлюхи вбежали в Сен-Назер, ища убежища на паперти и у главного престола, последовавшие за ними набожные мужчины перерезали им глотки. Настоящий крестоносец использует шлюху по назначению, что могла подтвердить ля Мамлон, а иногда и пища в наших желудках, эти же слабоумные умели только уничтожать. Благочестивые мясники приобрели вкус к смерти, к ее изощренности. Они вонзали жерди или копья под ниспадающие оборками юбки, превращая их владелиц в статуи – без волос ли, в одежде ли, но каждая – просто олицетворение остроумия. Они обвиняют нас в том, что здесь мы признаем двух Богов, один из которых – Сатана. Я больше чем уверена – наш Сатана никогда бы такого не сделал. И он никогда не подумал бы, что это смешно.

К тому времени огромная крыша собора потекла. Медь ли капала на землю, свинец, смола – кто может сказать?

Множество добрых людей погибло вместе с крышей. Акробаты, танцоры, грудастые мужчины и эксцентричные женщины взобрались на нее в поисках спасения – если они втащили туда своих верблюдов и слонов, значит, я их не разглядела. Все они, разбившись вдребезги, окрасили придел своей кровью. Последними погибли те странные лохматые дети, которых я уже поминала как рожденных мужчинами в результате противоестественных отношений между ними. Эти порождения порока обладали большей ловкостью, чем простые смертные, ибо вместо ног у них руки с длинными гибкими пальцами, так что они, дразня своих убийц и огромные языки пламени, перепрыгивали с места на место до тех пор, пока им было куда перепрыгивать, а потом тоже разбились о землю. Ни одна из этих диковин не осталась в живых. Уцелели лишь одна-две монахини, огражденные каменными стенами. Пламя разгорелось слишком жарко, чтобы проявить изобретательность.

На моих глазах перед собором свершилось множество и более заурядных злодеяний, но воспоминания о них лишают меня покоя. Я также не напишу ни об изнасиловании детей, ни о надругательстве над ранеными. На войне – это обычное дело, не говоря уже о крестовых походах. В балладах все описывается более героически, а для истории это – трагические страницы.

И вот когда Безье был уже практически мертв (а ведь еще пару минут назад жизнь была в нем ключом), мы увидели, что к нам стремительно мчится дерево. Его корни отделились от земли, но я едва ли могу сказать, что оно бежало, – скорее, оно летело по воздуху в каком-то сумасшедшем танце. Дерево ли? Конечно, это преувеличение. Мой разум отнюдь не дремал и мгновенно преисполнился ужаса. Дерево оказалось не выше саженца или какого-то длинного куста, громко визжавшего по мере приближения.

Наконец я признала Девушку-Рыбу, хотя ее кожа превратилась в кору, ее одежды, изодранные в лохмотья, придавали ей сходство с плакучей ивой, а ее волосы, тело и одеяние были неестественно ярко-зеленого цвета: она стояла под потоком воды, охладившим расплавленную медь, которая иначе погубила бы несчастную. Неудивительно, что крестоносцы ее пропустили. Она выглядела как менада или как труп из прошлогодней могилы. Немой помчался и, рискуя жизнью, схватил ее. Горбун в возбуждении прижал ее к земле, в то время как ее конечности продолжали извиваться под его огромным горбом.

Девушка-Рыба заговорила довольно внятно для себя, но на диалекте, который мы понять не могли.

– Она потеряла свое средство к существованию, – перевела ля Мамлон.

– Чепуха, – проворчал Ферблан. – Ее существование и есть средство к существованию. Она же танцующая шлюха.

– Ее девственность? Скажите ей, что она парит у нее над головой. Скажите, что я вижу, как она блесит.

Девушка-Рыба потянулась, сняла то, на что ей указали, и положила, куда велела ей ля Мамлон. Как только все было сделано, она снова заговорила на своем привычном тарабарском наречии, сбросила с себя Горбуна и пронеслась в диком танце по нашему саду, сбивая плоды инжира.

Арнольд Альмарик и Симон де Монфор все еще оставались в своих палатках, когда случилось дурное, но, в конце концов, они должны были выйти. Какой ребенок устоит перед костром? Никто не знает наверняка, что произошло между ними, хотя ходили слухи, что Альмарик как-то сказал: «Защищать ересь мечом – значит быть еретиком». Он таким образом будто бы пытался утешить Симона, скрупулезного во всем, что касалось организации резни. Некоторые также утверждали, что именно в Сен-Назере, через секунду или две после появления Девушки-Рыбы, он стал отцом выражения, ровно год спустя в Минервуа приписываемого уже Симону. Когда его упрекнули в том, что он сжигает не только еретиков, но и христиан, де Монфор сказал: «Предайте их всех огню и доверьтесь Богу, пускай Господь отберет своих».

Интересно, кто из них автор? Арнольд или Симон? Мужчинам, выступающим за правое дело, которое на самом деле всегда было неправым, выражение «Пускай Господь отберет своих» настолько понравилось, что вскоре оно оказалось у всех на устах. Оно позволяло чувствовать себя добродетельным, убивая мужчину, и несомненно великодушным – проделывая то же самое с женщинами и детьми. Сама я, правда, слышала, что эта фраза родилась или у палача де Монфора, или у поэта из окружения Бушара де Марли, но кто признает заслуги таких ничтожеств? Если какая-нибудь собака проявит свои таланты в присутствии одного из сильных мира сего, то он тотчас же объявляет себя ее хозяином и присваивает все рукоплескания. Собака, правда, получает в награду кость, но если де Монфор и бросит кость, то уж точно – голую. Клоуны и поэты не получают ничего, за исключением дырки между ног ля Мамлон, которая, по ее словам, представляет собой целый мир, вполне достаточный для каждого мужчины.

Полагаю, что Ферблана крайне удручало то, что он мог вместе с нами лицедреть, однако существо без лица может проявлять душевное волнение с тем же успехом, с каким паук – штопать мою нижнюю юбку. Он стал с лязгом карабкаться из нашей норы, словно жук-олень, вылезая из своего убежища, таща за собой свою кобылу. Мы с Нано последовали за ним. Без сомнения, мы предприняли дурацкий шаг, но катастрофа, видимо, внесла в наши умы некоторое смятение. В то же время мы, конечно, отдавали себе отчет в том, что раз уж Безье скорее сожжен, чем взят, то завоеватели едва ли захотят остаться там, справляя свое торжество. Гнать перед собой в качестве пленников оказалось некого, а сам город стал для крестоносцев котлом слишком уж горячим, чтобы готовить в нем. Поэтому крестоносцам, возможно, придется рыскать по окрестностям и собирать фрукты. Ля Мамлон тоже засуетилась. Она была не из

тех женщин, что способны долго лежать на спине, пусть даже на нее нагромоздилась бы целая куча мужчин, а к тому же Мамли не нуждалась ни в Горбуне, ни в Немом, ни в непрерывном бормотании Девушки-Рыбы. Она поднялась вместе с нами. Остальные бродили по саду, подбирая свои пожитки.

Огненный ураган стих настолько, что позволил нам говорить друг с другом, но не слышать отдаленные звуки, такие, как, например, топот копыт. Я быстро оглянулась, но не заметила голов всадников в излучине реки Орб. Вот так Мерден де Монфор незаметно подобрался ко мне второй раз, и опять по воде.

Как оказалось, внимание его привлекла вовсе не моя персона.

– Вижу жирную потаскуху! – орал он, поворачивая в нашу сторону.

– Я – не жирная потаскуха, – взвизгнула ля Мамлон. – Я – изящная потаскуха с большим животом и огромными титьками.

– Х-а-а-рах! – издевательски рявкнул Мерден, как это делают ублюдки из северян – не придыхая в начале и практически харкая в конце.

Он пришпорил лошадь.

– Х-а-а-а-ргх! – И снова: – Х-а-а-а-ргх!

Второе из этих восклицаний вылетело уже не из его глотки, а из глотки его лошади, которая в этот момент грохнулась грудью о землю среди васильков и мальв у самого края воды. Из рта у нее хлынула кровь.

Его спутники скакали за ним аллюром, представлявшим собой нечто среднее между галопом и шагом. Затем он стал гораздо больше напоминать шаг, чем галоп, а после и вовсе прекратился – стоило трем-четырем из них в свою очередь потерять равновесие, причем на этот раз кровь хлынула горлом у всадников, а не у лошадей.

Немой выпустил всего лишь одну стрелу, Горбун – несколько, оба стреляли из нашего укрытия, пребывая ногами в истории, а головами – среди созревающих плодов. Безгласый не смог заставить себя оборвать жизнь дворянина, по крайней мере имея возможность выстрелить в лошадь. Горбун же, напротив, не видел нужды в том, чтобы убивать породистых животных, когда вокруг в избытке людей.

Солнце светило нам в спину, так что всадники никак не могли определить, сколько лучников в них стреляет.

Люди Мердена остановились, и один из них спешил, чтобы дать ему свою лошадь и снять чепрак с убитой. Почуввав запах диких яблок и влажной зеленой листвы, освободившиеся лошади крестonosцев направились в нашу сторону, благо седоки уже не могли остановить их.

Вид бастарда не предвещал ничего хорошего. Он посмотрел на Мамли, пробормотал что-то невразумительное, двинулся вперед и вновь остановился. Он желал ее и явно собирался преследовать с той же горячий, если не сказать жгучей страстью, с какой он преследовал меня. Надо заметить, что с Мамли были все мужчины из христианского мира и многие – из языческого, все из живущих и многие из тех, кто уже умер. Ни один мужчина не был со мной. Эти обстоятельства делали нас одинаково притягательными в его глазах. Наш аромат он будет хранить в памяти всю жизнь.

Не думаю, что люди Мердена в замешательстве подумали о стрелах, еще нет. Прямо перед нами в доспехах, искрящихся солнцем, оказался уже знакомый им демон с железным лицом. Они решили, что он остановил их огненными стрелами из невидимого оружия, брошенными им в воздух проклятиями и заклинаниями.

А потом из земли появилась Девушка-Рыба, в которой они сразу же узнали сожженную еще вчера ведьму, хотя она и обратилась деревом. Крестonosцы заколебались еще сильнее.

– Колдовство! – воскликнул Мерден, как будто выкрикнув это слово, он мог победить чары.

Это действительно было колдовство, ибо Горбун протянул руки, и танцующая в ярких лучах солнца Рыба исчезла в тени.

– Тварь с желтыми волосами? – вдруг прорычал Мерден. – Я знаю эту ведьму.

– Тогда ты знаешь и то, что я купил ее у тебя, – откликнулся Железнодорожник – крепко прижимая меня к себе (за что на этот раз я была ему благодарна). – И подтвердил свои притязания в честной схватке.

– Она должна быть на костре.

– А ты – на виселице. Ты изнасиловал ее мать.

Эти слова не вполне соответствовали истине, как и многие другие из тех, что произносила эта конная статуя, но, услышав их, Мерден все равно изменился в лице и явно не собирался пререкаться по этому поводу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.